

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 4 (38)

2013

Москва 2013

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ОСНОВАТЕЛИ И ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

**Сергей Сергеевич Ипполитов
Сергей Владимирович Карпенко**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**А.Б. Безбородов, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, В. Голдман,
Л.Е. Горизонтов, В.И. Дурновцев, Е.Н. Евсева, Н.Т. Ерегина,
Г.З. Иоффе, А.А. Киличенков, Т.Ю. Красовицкая,
А.В. Костров, А.В. Крушельницкий, Н.Г. Кулинич,
В.В. Минаев, А.М. Пашков, В.Н. Пискун,
В.А. Поляков, А.С. Сенин, А.А. Симонов,
В.Л. Успенский, О.В. Хлевнюк, Т.И. Хорхордина,
В.Ж. Цветков, П.П. Шкаренков**

Ответственный секретарь **М.Ю. Черниченко**

Обложка **А.Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

© Новый исторический вестник, 2013
© Российский государственный гуманитарный университет, 2013

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

The Journal is founded in 2000

FOUNDERS AND EDITORS-IN-CHIEF

**Sergey S. Ippolitov
Sergey V. Karpenko**

EDITORIAL BOARD

**A. Bezborodov, O. Bukhovets, V. Buldakov, V. Durnovtsev,
N. Eregina, E. Evseeva, W. Goldman, L. Gorizontov, G. Ioffe,
O. Khlevnyuk, T. Khorkhordina, A. Kilichenkov, A. Kostrov,
T. Krasovitskaya, A. Krushelnitsky, N. Kulinich, V. Minaev,
A. Pashkov, V. Piskun, V. Polyakov, A. Senin, P. Shkarenkov,
A. Simonov, V. Tsvetkov, V. Uspensky**

Executive Secretary **M.Chernichenko**

Cover Designer **A.Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125267
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

© by Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2013
© by Russian State University for the Humanities, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Эрнст Михайлович Шагин (1933 – 2013): Поминая учителя.....6

Статьи

Тепкеев В.Т. «От него, крымского хана, правды и постоянства нет»:

набеги калмыцких отрядов на Крым во время Русско-польской войны 1654 – 1667 гг. 9

Токарева С.Н. Полицейские и поднадзорные: российское

законодательство и практика полицейского надзора в Курской губернии (конец XIX – начало XX вв.) 28

Сивцева С.И. «Теперь неслыханное в века тяжелое время наступило»:

демографические последствия коллективизации и Великой Отечественной войны в Якутской АССР (1928 – 1945 гг.) 56

Антибольшевистская Россия

Черниченко М.Ю. «Спекуляция празднует свою вакханалию»: образы

спекуляции и спекулянта в периодической печати Белого юга России (1919 г.) 70

События и судьбы

Сенин А.С. Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных

дорогах в Первую мировую войну 88

Грищенко А.Н. Григорий Маслаков: от конармейского комбрига до

повстанческого командира 125

У книжной полки

Демина Л.И., Евсеева Е.Н. Русские историки-эмигранты в Праге: к

изучению их жизни и научного творчества 139

Содержание, авторы, аннотации.....152

Contents, Authors, Abstracts 157

CONTENTS

Ernst Mikhailovich Shchagin (1933 – 2013): To the Memory of the Teacher 6

Articles

V. Tepkeev “No Truth or Loyalty from Him, the Crimean Khan”: Raids of the Kalmyks’ Detachments to the Crimea during the Russian-Polish War of 1654 – 1667 9

S. Tokareva The Policemen and the Supervised: Russian Legislation and Police Surveillance Activities in the Kursk Region (late XIX – early XX centuries) 28

S. Sivtseva “Now Has Come a Hard Time Unheard of for Centuries On End”: The Demographic Consequences of Collectivization and the Great Patriotic War in the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic (1928 – 1945) 56

Anti-Bolshevik Russia

M. Chernichenko “Speculation Goes On a Bacchanalian Spree”:

The Portrayal of Speculation and Speculator in the Periodical Press of the “White” South of Russia (1919) 70

Landmarks in Human History

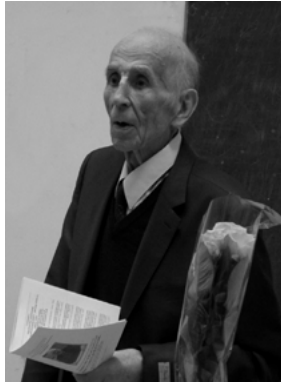
A. Senin General S.A. Ronzhin and his Essay about Russian Railways in the World War I 88

A. Grishchenko Grigoriy Maslakov: From Brigade Commander of the 1-st Cavalry Army to Rebel Commander 125

Book Reviews

L. Dyomina, E. Evseeva Russian Emigre Historians in Prague: On Researching their Life and Scientific Work 139

Contents, Authors, Abstracts 157

ЭРНСТ МИХАЙЛОВИЧ ШАГИН
(1933 – 2013)

Поминая учителя

Когда из жизни уходит учитель – трудно передать свои чувства и настроения. Вроде и говорят тебе, что так должно быть, что смерть неизбежна, что отведенные свыше дела уже сделаны и поэтому не будет «мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Но так, наверное, кажется со стороны. Сам же ощущаешь не просто какую-то пустоту – ощущаешь недосказанность, неисполненность всего, что хотелось бы сделать вместе со своим учителем, сказать ему что-то, посоветоваться...

Еще прошлой зимой сочинял небольшую заметку о нем, к его 80-летию. А теперь вот – некролог...

Но рассказывать об Эрнсте Михайловиче обычными фразами некролога не хочется. Лучше, наверное, написать о том, что запомнилось за прошедшую четверть века с небольшим – после первой встречи с ним в старом здании Исторического факультета тогда еще МГПИ имени В.И. Ленина, на Сетуни.

Шел 1989-й год... Я только что уволился из рядов Советской армии, вернулся на 3-й курс факультета, и Эрнст Михайлович вел у нашей группы семинары. И особенно заметно проявилась такая черта его характера, как требовательность. К каждому семинару нужно было подготовить конспекты монографий. При этом не только составить формальный план ответа на тот или иной вопрос, но и уметь обстоятельно доказать правильность, объективность своего вывода.

Но тут же проявилась и другая его черта – умение вызывать интерес к новым темам нашей, не такой далекой еще тогда, истории XX столетия. Это были годы «перестройки», когда переосмысливались, подчас в угоду политической конъюнктуре, многие события советской истории. И Эрнсту Михайловичу удавалось увлекать нас совершенно новыми подходами к, казалось бы, достаточно устоявшимся в советской историографии

оценкам революции, Гражданской войны, коллективизации, партийно-политической борьбы в СССР 1920–1930-х годов. Он учил не бояться делать выводы, не отказываться от переоценок прошлого. Но при этом каждый вывод, каждое определение обосновывать. И всегда оставаться объективным, судить обо всем взвешенно.

Возможно, именно это и повлияло на мое решение написать курсовую работу по истории Белого движения в России (хотя раньше среди студентов было распространено мнение, что лучше заниматься историей Древней Руси, а не советской историей, чтобы не прослыть «конъюнктурщиком»). Тогда только что были раскритикованы «белогвардейские» и «белоэмигрантские» фонды ЦГАОР СССР (нынешний ГА РФ), а Белое движение как было, так и оставалось, по сути, настоящим «белым пятном» в истории XX века. Эрнст Михайлович, как специалист по аграрной истории, посоветовал обратить внимание на земельную реформу правительства генерала П.Н. Врангеля в Крыму в 1920 году.

В 1992 году прошла защита моей дипломной работы, я поступил в заочную аспирантуру и стал работать на кафедре новейшей отечественной истории старшим лаборантом. Этой кафедрой заведовал Эрнст Михайлович.

Здесь я познакомился с еще одним качеством Эрнста Михайловича. Его особенной тщательностью в работе, его стремлением самым строгим образом проверять всю кафедральную документацию. Порой казалось это излишним, думалось, что это ни к чему. Но потом стало ясно: без такой требовательности, тщательности невозможно вести порученное дело, успешно руководить кафедрой. А ведь за плечами у него был опыт руководства и факультетом, и факультетской партийной организацией. Руководил Эрнст Михайлович и университетским Советом по защите докторских диссертаций (одним из двух на факультете), работал в Экспертном Совете ВАК.

Мне, «по долгу службы», приходилось протоколировать многие «предзащиты» наших аспирантов и докторантов. И, надо сказать, порой «предзащиты» напоминали строжайший разбор всех и вся – тезисов, положений и заключений соискателя. Эрнст Михайлович прочитывал переданные на обсуждение диссертации, как говорится, «до последней запятой». «Шагин – запрещагин», – шутили иногда. Но это стремление к порядку, к дисциплине было его типичной чертой и, замечу справедливости ради, приносило свои плоды.

В первой половине 1990-х годов кафедра приступила к написанию двух фундаментальных учебных пособий: учебника и хрестоматии по новейшей отечественной истории. И здесь мне пришлось стать участником и свидетелем этой трудной, напряженной, очень важной работы. Многократные встречи, обсуждения текстов, их правка, подготовка

комментариев, все это, со стороны, могло бы также показаться проявлением излишней щепетильности, малополезной для «конечного результата». Но опять-таки именно благодаря этой щепетильности, буквоедству в лучшем смысле этого слова, многократным тщательным проверкам, исправлениям и уточнениям стало возможным не только издание учебника и хрестоматии, но и их неоднократное переиздание и заслуженное признание в качестве ведущих учебно-методических пособий для российской высшей школы.

Под руководством Эрнста Михайловича я продолжал научную работу. Темой кандидатской диссертации стало исследование аграрно-крестьянской политики южнорусского Белого движения. Особо отмечу одну черту, характерную для него как научного руководителя: он стремился к тому, чтобы темы научных работ тех, кто под его руководством трудится над диссертациями, являлись бы закономерным продолжением, развитием их прошлых научных разработок. Также было и с моей докторской диссертацией – ее научным консультантом был Эрнст Михайлович, – в которой были развиты темы формирования и эволюции политического курса, политических программ Белого движения. Так достигалась преемственность в исследованиях, каждый следующий этап научной, творческой работы был связан с предыдущим, логично вытекал из него, а не возникал, как нередко, к сожалению, происходит сейчас, на пустом месте, без соответствующего научного «задела». А уж о пресловутых «диссергейтах» и говорить нечего...

В научном плане наш заведующий кафедрой никогда не отказывался от изучения новых тем, причем ему было присуще особое историческое «чутье» (в хорошем смысле этого слова). Казалось бы, в самых известных, давно изученных темах он умел находить новые, незаслуженно забытые аспекты. Логика исторического исследования подсказывала возможные варианты развития событий. В частности, это относилось к истории политических элит в России и в СССР, формам и степени их влияния на власть, на принятие тех или иных правительственных решений. Многие слушатели его лекций, вероятно, отмечали особенное внимание профессора к истории тайных обществ (масонских лож, к примеру). Что ж, отрицать их влияние в истории не стоит (но и возводить в абсолют – неправомерно).

И, наверное, самый важный урок, который дал нам Эрнст Михайлович, состоит вот в чем: нельзя слепо следовать за «историко-политической конъюнктурой», нельзя торопиться с выводами и делать «халтуру». Прежде всего нужно стремиться к глубине исследований, к исторической истине...

Вечная ему память...

Ж. Цветков

**«ОТ НЕГО, КРЫМСКОГО ХАНА,
ПРАВДЫ И ПОСТОЯНСТВА НЕТ»:
НАБЕГИ КАЛМЫЦКИХ ОТРЯДОВ НА КРЫМ
ВО ВРЕМЯ РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1654 – 1667 гг.**

Набеги калмыцких конных отрядов на Крымское ханство в ходе Русско-польской войны 1654–1667 гг. никогда не были предметом отдельного исследования. Между тем как уже известные, так и особенно архивные документы, впервые выявленные нами, позволяют осветить эту яркую станицу истории калмыцкого народа и становления его государственности.

«У великого государя учинились в вечном подданстве»

В результате перекочевки из Центральной Азии на запад, калмыки в первой половине XVII в. начали активно осваивать степные пространства Северного Прикаспия, входя в соприкосновение с народами Северного Кавказа, Приуралья, Причерноморья и населением юга Московского царства. Самостоятельный выход калмыков в Волго-Донское междуречье первоначально не отчал интересам царского правительства. С другой стороны, царские власти не могли не использовать возможности калмыцкой конницы для усиления южных границ государства.

В ходе неудачной Смоленской войны 1632–1634 гг. Московскому царству не удалось вернуть земли, отторгнутые Речью Посполитой за время Смуты. Для достижения этой цели царскому правительству необходимо было решить две основные задачи: создать современную армию и надежно прикрыть протяженные южные границы от вторжений кочевников и войска Крымского ханства.

1 октября 1653 г. Земский собор принял решение о принятии Войска Запорожского (Левобережной Украины) в российское подданство. А 23 октября государь Алексей Михайлович объявил в Успенском соборе о начале войны с Речью Посполитой. Наступление трех основных русских армий в Литве должны были поддержать на Украине, сковав там польские войска, запорожские казаки гетмана Б. Хмельницкого и полк воеводы А. Бутурлина. Прикрытие с юга, со стороны Крымского ханства, было возложено на Белгородский полк (свыше 7 000 человек) воеводы В. Шереметева¹. В итоге крымское направление в предстоящей

войне осталось недостаточно надежно прикрытым на случай возможного вторжения войска крымских татар, как это произошло во время Смоленской войны.

Так на повестке дня Москвы встал вопрос об окончательном урегулировании отношений с калмыками.

С весны 1654 г. в царском правительстве начал активно обсуждаться вопрос о возможном использовании калмыцких отрядов против Крымского ханства. Поводом послужили события на Украине: 8 января 1654 г. Переяславская рада приняла решение об объединении территории Войска Запорожского с Русским государством. Именно в Переяславе, тогдашней столице войска, в личной беседе московского боярина В. Бутурлина с войсковым писарем И. Выговским была озвучена идея привлечения калмыков к войне против Крыма. В письме от 21 марта 1654 г. Б. Хмельницкий сообщал боярину В. Шереметеву, что «калмыки с донскими казаками живут советно» и только ожидают царского указа, чтобы двинуться на Крым. Б. Хмельницкий предлагал направить калмыков степью, а донцов – морем на Крым, чтобы татары в первую очередь оберегали свои города и не имели возможности прийти на помощь польскому королю Яну Казимиру².

В конце 1654 г. донские казаки, в том числе и с «подсказки» Москвы, отправили к калмыкам посланцев с предложением совместного военного похода против Крыма. Момент для этого был вполне подходящий: большинство крымцев ушли в польские и литовские города, ослабив защиту ханства. Тайши (калмыцкие князья) согласились, и уже на весну 1655 г. запланировали совместно с казаками выступить на Крым. Правительство Алексея Михайловича в качестве поощрения предоставило калмыкам право вольной и беспошлинной торговли в русских городах³.

Вскоре от донских атаманов к тайшам были направлены посланцы с повторным предложением совместного выступления на Крым.

Примерно в конце ноября – начале декабря 1655 г. калмыки начали переправляться на правый берег Волги, встревожив этим дозоры крымских татар. Из донесений волуйского воеводы Ф. Зарубина известно, что в начале 1656 г. калмыцкий отряд силой в 1,5 тыс. воинов за Молочными Водами (река Молочная и Молочное озеро; район современного Мелитополя) на подступах к Крыму захватил ногайский улус Армамет-мирзы, пленив свыше тысячи человек и захватив в качестве трофеев около 15 тыс. лошадей.

Позже, 17 февраля, этим же путем на Крым двинулся другой калмыцкий отряд в 500 воинов. На этот раз удар был нанесен уже по татарским улусам на азовском взморье, южнее крепости Азов⁴.

Таким образом, военная служба калмыков русскому царю, действия их военных сил в интересах России начались именно с 1656 г., хотя

первоначально они совершали набеги на Крымское ханство самостоятельно. Так было, например, в 1648 и 1651 гг., когда в наступлении на Крым участвовало до нескольких десятков тысяч калмыков.

Русско-калмыцкие отношения оформлялись письменными актами – шертьями. В течение 1655–1657 г. калмыцкие тайши дали 3 шерти, каждая из которых подтверждала и конкретизировала содержание предыдущей. Например, в шерти 1657 г. царские власти впервые обязали калмыков не иметь никаких отношений с враждебными России государствами – Османской империей и Крымским ханством⁵.

«Калмыцким людям с русскими людьми вместе быть вечно»

Крупные сражения 1658–1661 гг. в ходе Русско-польской войны привели к значительному истощению сил обеих сторон. Русская армия потерпела крупное поражение под Конотопом (1659 г.), где погибла дворянская конница князей С. Пожарского и С. Львова, и сдача войска В. Шереметева под Чудновым (1660 г.). Участие в войне на стороне Речи Посполитой значительных сил крымских татар обострило заинтересованность Москвы в использовании калмыков против Крымского ханства.

Крымский хан Мухаммед-Гирей IV настороженно следил за укреплением связей калмыков с Россией и предпринял ряд шагов, чтобы привлечь их на свою сторону. В январе 1658 г. в калмыцкие улусы прибыло внушительное по численности посольство (4 посла и 300 торговых людей) во главе с Зал-агой с подарками, «литовским ясырем» (пленниками) и товаром для обмена на калмыцких лошадей. Перед крымскими послами стояла конкретная задача – склонить тайшей к совместному выступлению против России, пообещав, что в случае победы крымский хан отдаст калмыкам Казань с Астраханью и будет выплачивать ежегодное жалованье в размере 40 тыс. руб. Однако тайши, не польстившись на подарки и обещания, отказали крымскому послу, заявив, что они «у великого государя учинились в вечном подданстве и по своей вере шерть учинили и аманат в Астрахань дали, и они де шерти своей нарушать не хотят»⁶.

Несмотря на неудачи своих первых посольств, Мухаммед-Гирей упрямо продолжал предлагать калмыцким тайшам заключение антимосковского союза. Приблизительно зимой 1659/1660 г. к тайшам из Крыма вновь прибыло посольство во главе с Караш-мирзой Атальком. Но и оно не имело успеха. Крымский посол был весьма недоволен этим обстоятельством и, чтобы досадить калмыкам, подговорил и увел с собой в Крым 100 кибиток калмыцких ногайцев. Только после его отъезда об этом стало известно Дайчину, как и о том, что Караш-мирза агитировал подвластных тайшам ногайцев и татар нынешней зимой уходить на территорию Крымского ханства⁷.

Поступок крымского посла крайне возмутил калмыцких тайшей, и, как отмечали очевидцы, «у крымцев учинилась ложь, и впредь де им [калмыки] никоторого добра делать не хотят». Дайчин принял решение об организации похода против подвластных крымскому хану ногайцев. В ноябре 1660 г. тайши несколькими колоннами повели свои основные силы в разных направлениях. Дайчин и Мончак с войском двинулись на Казыевский улус, под Темрюк, Крым, Азов, на Тамань, Темиргой и Бесленей – области, владельцы которых отправили своих людей на помощь крымскому хану и которые участвовали в битве под Чудновым. Манжи-Ялбо направился против ногайских улусов, кочевавших под Кабардой и по соседству с кумыками⁸.

Крымский хан Мухаммед-Гирей, узнав о приближении крупных сил калмыков к территории Малого Ногай, отправил навстречу Дайчину своего посла – ширинского мирзу Касима в сопровождении 30-ти человек. Не доезжая до Кубани, у тайшей состоялась встреча с крымскими послами, которые настойчиво отговаривали калмыков от продолжения похода и предлагали присоединиться к ним для войны с Россией. Мухаммед-Гирей ради заключения соглашения готов был даже отдать в жены Дайчину и Мончаку своих дочерей. Касима с двумя послами Дайчин отправил обратно в Крым с сообщением, что он и его люди «с ханом за его неправды в миру не будут и на битву де с ним готовы», а остальных крымцев отослал в калмыцкие улусы⁹.

В декабре 1660 г. Мончак со своим войском перешел реку Лаба и в урочище Бичигиз разгромил казыевские улусы Навруза Шидякова и других пяти мирз. Дайчин ходил войной на темрюкских, табанских, темиргоевских, бесленеевских черкесов, а также на ногайских мирз «Ураковой половины» – Девея-мирзу, Чебан-мирзу Ищерекова и Навруз-мирзу. Разгрому подвергся и Казыевский улус Кантемира-мирзы Аблина и Урак-мирзы Каспулатова. Калмыки захватили большое количество пленных, лошадей и скота¹⁰.

Тем временем сохранение относительного спокойствия на степных границах на южном направлении стало одной из важнейших задач внешнеполитического курса правительства царя Алексея Михайловича. Во многом это зависело от урегулирования взаимоотношения с калмыцкими тайшами. Как посчитали в Москве, использование калмыцких отрядов в войне с Крымом позволило бы правительству существенным образом улучшить положение дел на юге. В 1660 г. в качестве одного из «отделений» Посольского приказа был создан Калмыцкий приказ под управлением боярина В. Ромодановского и дьяка И. Горохова. Главной задачей правительство поставило перед И. Гороховым заручиться согласием тайшей на отправку своих войск против Крыма¹¹.

В мае и июне 1661 г. в калмыцких улусах прошли переговоры

И. Горохова с Мончаком, сыном Дайчина. В правящей верхушке калмыцкого общества находились активные сторонники укрепления отношений с Россией, и таковым, в первую очередь, являлся Мончак. Переговоры не омрачило и присутствие в улусах крымского посла, поскольку тайша успокоил И. Горохова, заверив его в том, что у калмыков намерения мирные¹².

Дьяк спросил тайшу, почему бы калмыкам окончательно не завладеть Крымским ханством. Тайша ответил откровенно: «И в нашем калмыцком письме написано, что калмыки будут владеть крымскими юртами. Есть на Крымском острове гора, слывет Чайка-бурун, про ту гору написано у нас, что в нем много золота и владеть тем золотом калмыкам. Что татары нам не доброхоты, это мы и сами знаем, только и на русских людей надеяться нам нельзя... А крымский хан каждый год присылает послов к нам, сулит большую казну, хочет брать государевы города калмыцкими людьми и отдавать их совсем калмыкам. Но мы не слушаемся и крымскому хану не помогаем, но и войной нам идти на Крым с чего? Нам казны не прислано, а крымскому хану ежегодно из Москвы присылают по сороку тысяч золотых, однако же крымцы на Русь войною ходят, а калмыки чем хуже крымцев?»¹³ Из приведенного разговора видно, что калмыцкие тайши были весьма недовольны малым размером жалованья, выплачиваемого Москвой за военную службу, особенно заметным на фоне крупных денежных «поминок», ежегодно отправляемых из Москвы к крымскому хану, что, по существу, выглядело политикой «задабривания врага». Такое положение, по всей видимости, не устраивало тайшей, а царское правительство считало, что компенсацией калмыкам могли бы послужить богатые трофеи, захваченные у крымских и ногайских улусов.

8 июня 1661 г. к И. Горохову прибыла калмыцкая делегация из 30-ти человек, состоявшая из ближайшего окружения Дайчина и Мончака. Главными лицами здесь выступали Зоргучи-дархан, Дазан-кашка, Байскулан, Малай, Дай-дархан, Батур и другие. Зоргучи-дархан и Дазан-кашка, помолвившись, «дали веру» в шертной записи за всех тайшей по калмыцкому обычаю, чтобы «идти войною ратным нашим людям нынешнего 169 году июня с 1 на 10 число на крымские улусы, и с крымским ханом в миру и в соединении нам не быть, а великого государя с людьми быть в вечном миру и в соединении и вспоможение русским людям везде чинить не оплошно. А что за помощью божьею поиск какой учиним над крымскими людьми и над их улусы, и нам, тайшам, и всем нашим калмыцким людям взятых крымских языков присылать к великому государю к Москве; а полон крымских улусов и отгонные лошади и всякую добычу назад крымским людям на выкуп ничего не отдавать, а продавать ту свою добычу великого государя в городах всяких чинов русским людям. А русских людей полоняников, что в крымских улусах добудем, и тех

русских людей объявлять и отдавать великого государя отчине в Астрахани, или в которые города ближе»¹⁴.

14 июня состоялась очередная встреча И. Горохова и К. Черкасского с Мончаком, на которой обсуждались уже детали предстоящего крымского похода. Мончак заявил о готовности тайшей отправить на войну около 10 тыс. калмыков. На следующий день к русскому послу пришли представители Мончака и Солом-Церена и поименно назвали командный состав калмыцкого войска. 16 июня Мончак собственноручно подписал подготовленную И. Гороховым шертную запись и список ратных людей. Согласно договоренности, Дайчин выделял на крымскую кампанию 5 тыс. воинов, Мончак, Манжи-Ялбо, Дари-тайша – по 1 тыс. воинов, Солом-Церен, Дугар, Аючей и Аюкей – по 500. Процедуру подписания шерти Мончак закончил словами: «Как де бумага склеена, так бы де калмыцким людем с русскими людьми вместе быть вечно»¹⁵.

В октябре Сефер Гази-ага, один из приближенных к крымскому хану Мухаммед-Гирею, в разговоре с русским послом в Крыму Фирсом Байбаковым обвинил царские власти в том, что они прислали к тайшам посольство с казною и призывали калмыков идти войной на крымские земли. По сведениям крымцев, «калмыки приходили и улусным людем на степи шкоду учинили, стада отогнали, а Крымом не завладели». Только благодаря усилиям нуреддина (правителя правого крыла ханства) Мурат-Гирея, руководившего обороной ханства, удалось в конечном итоге отбить набеги калмыцких отрядов¹⁶.

«На государевой службе»

После подписания шерти 8 июня 1661 г. военная служба калмыков стала носить более упорядоченный характер. Несмотря на то, что по условиям шерти тайши должны были отправить на Крым 10-тысячное войско, в архивных документах нет прямых свидетельств об отправке столь многочисленного «соединения». Но имеются показания очевидцев о движении в крымском направлении небольших калмыцких отрядов по 500 – 1 000 человек. Так, царицынский воевода сообщал в Москву о встрече казака Андрея Норматского и астраханца Кузьмы Керейтова с калмыцким отрядом в 500 человек во главе с Зан-кашкой. Именно этот отряд совместно с русским отрядом, состоявшим из 3 тыс. казаков и 6 тыс. солдат, 1 августа 1661 г. вступил в бой с неприятелем под Азовом. В результате азовцы потеряли убитыми 104 человека, а большая часть трофеев и 134 пленника достались калмыкам¹⁷.

Дабы организовать более крупное наступление калмыков на Крым, астраханский воевода Г.С. Черкасский 6 ноября 1661 г. в урочище Берекети (в 60 верстах от Астрахани) созвал съезд с участием калмыцких правителей

и военачальников. На нем было принято решение: как установится лед на Волге, отправить калмыцкие отряды на Крым. Мончак, как глава всех калмыцких владельцев, дал клятву астраханскому воеводе за отца, сыновей, племянников и других тайшей и мирз в том, что будут «в вечном послушании и на государевой службе»¹⁸.

Организация такой встречи русскими властями стала шагом своевременным, поскольку незадолго до этого к тайшам, которые кочевали в районе между Черным Яром и Астраханью, прибыло очередное крымское посольство во главе с Текей-агой. Крымцы предлагали мир и призывали калмыков к участию в совместной войне против России. Но им было вновь отказано: «в миру де калмыкам с крымцы никому не бывать». Крымских послов тайши просто поставили перед фактом, что они идут на Крым «большим собраньем войною». По приказу Мончака крымских послов какое-то время насильно удерживали в его улусе во избежание утечки сведений о готовящемся нападении на Крым. Очевидцы отмечали отнюдь не гостеприимное отношение калмыков к прибывшим крымцам: «чести им и корму нет»¹⁹.

В ноябре 1661 г. калмыцкий отряд в 200 всадников из улуса тайши Дугара отогнал с прилегающих к Крыму земель 2 тыс. лошадей, захватив 100 человек «ясыря». Той же осенью конный отряд в 1 тыс. воинов двинулся на Крым и уже за Днепром отогнал многочисленный табун. Захваченные в плен пастухи сообщили, что крымские улусы остались без защиты. Это стало сигналом: отряд из 800 калмыков отправился в повторный набег, а 200 воинов погнали захваченных лошадей к себе в улусы²⁰.

Мончак по приказу князя Г. Черкасского осенью отправил на Крым конный отряд в 800 воинов под командованием Умар-кошучи. В декабре из-под Крыма вернулись 350 человек, которые пригнали тысячу лошадей. Другая половина отряда продолжала действовать в степях, прилегающих к Крыму. Эти набеги приносили калмыкам богатые трофеи, и Мончак дополнительно отправил на Крым еще 700 воинов, которые привели 150 крымских «ясырей». Наибольших успехов достиг один из отрядов Мончака под командованием Будан-Церена: в боях они убили большое количество крымцев (включая знаменитого Сары-мирзу, неоднократно совершавшего набеги на русские земли) и захватили много «ясыря», лошадей и скота²¹.

Особенно разорительным калмыцким набегам подверглись кочевавшие с крымцами ногайские улусы мирз Ураковых, Урмаметевых, Шидяковых, Чебановых и Шантемиревых.

Начав боевые действия против Крыма, калмыцкие тайши не отказывались и от переговоров с крымским ханом.

4 марта 1662 г. к астраханскому воеводе Г. Черкасскому прибыл от тайши Дайчина посланец Алыбай-дархан. Выяснилось, что этот ногайский подданный калмыцкого тайши, «ведавший» посольскими

связями калмыков с мусульманскими государствами, осенью 1661 г. побывал с визитом в Крыму. По словам посланца, хан Мухаммед-Гирей в разговоре с ним обвинил калмыков в том, что они «ему, крымскому хану, делают многую неправду и иво разоряют». В случае отказа калмыцких тайшей от участия в войне на стороне Москвы, хан обещал им в награду города Казань, Астрахань, Касимов, Симбирск, Нижний Новгород, Тамбов и Шацк. По словам Алыбая, он резонно возразил хану, «что те города великого государя, а не ево, крымского хана, и как он смеет чюжие города давать, и как ему их дать, а тайшам де и самим те города не надобны, что они, тайши, у великого государя в подданстве». Посольская миссия Алыбай-дархана в Крым состояла лишь в том, чтобы официально объявить войну крымскому хану, а угроза калмыцкого посланца полностью разорить владения хана вызвала у того бурю негодования. Алыбай был арестован и посажен на скудный рацион питания. Мухаммед-Гирей пригрозил калмыкам направить против них 40-тысячную армию, и им «из Волги воды пить не дадут». Однако после очередного набега калмыцкой конницы на крымские владения, хан поспешил отправить калмыцкого посла вместе со своим человеком, Касим-мирзою, к тайшам с предложением мира. При встрече с крымским посланцем Дайчин и Мончак еще раз подтвердили, что находятся с крымцами в состоянии войны, потому что «от него, крымского хана, правды и постоянства нет, а они де тайши иво, крымского хана, не боятца не в чем»²².

В 1662 г. война калмыков с Крымским ханством превратилась в череду мелких набегов, в которых калмыки показали себя мастерами «малой полевой войны». В сентябре сын крымского хана с войском возвращался из Украины в Крым, и по дороге его головной и замыкающий отряды были внезапно атакованы калмыками. Одновременно калмыки набегом отбили скот и лошадей у ногайцев, кочевавших у Перекопа. Военный лагерь калмыков около семи дней находился в районе Черных колодцев²³.

В целях укрепления прежних договоренностей, 27 октября 1662 г. под Царицыном состоялся очередной русско-калмыцкий съезд, где князь Г. Черкасский с племянником К. Черкасским лично встретился с тайшами²⁴. Согласно заключенному договору, этой же осенью Мончак, Дугар, Солом-Церен и другие тайши вновь отправили свои отряды на Крым²⁵.

Так, Мончак выделил 4 тыс. воинов под командой Маникар-Дачи и Унидей-кашки. На реке Сал был организован сборный пункт, куда из различных калмыцких улусов стекались отряды, которые затем отправлялись на Крым. Не дождавись на Дону подхода отряда К. Черкасского, Маникар-Дачи со своими людьми направился в набег на Казыевский улус Малого Ногай, где захватил 5 тыс. лошадей и 30 «ясырей»²⁶.

В октябре к северу от Перекопа крымцы снова наблюдали передвижения большого числа калмыцких всадников, не решаясь вступить с ними в бой. Чтобы выманить татар из-за построенных теми укреплений, небольшие калмыцкие отряды появлялись у самого Перекопа – и татары часто устремлялись в погоню. Однажды, в ноябре, перекопский бий лично возглавил преследование одного из калмыцких отрядов. В результате, как стало известно из донесения русских посланцев в Крым, «навели калмыки татар на больших людей и татар побили». Самому бию удалось чудом избежать плена²⁷.

Тайши отказались от практики использования крупных «соединений», как это было в прошлом, а ограничились немногочисленными отрядами, которые действовали по всей степной части Северного Причерноморья. Так, тайше Эрке во главе отряда силой в 260 конников в районе Перекопа удалось захватить 300 лошадей и четырех человек. 200 калмыков под началом Тогуш-Батура ворвались вглубь полуострова на 15 верст и, захватив трофеи, вернулись без потерь. Отряд под началом Колчюгаша ночью под Перекопом перехватил крымцев, возвращавшихся с русским «ясырем» из набега. Половина из 60-ти татар была убита, остальные разбежались, русских пленников освободили. 10 калмыков из этого отряда остались на Молочных Водах, где они устроили «перевалочный пункт», дожидаясь там прихода следующего отряда под командой Шогаш-Мергена²⁸.

Яркие детали своего участия в одном из крымских набегов оставил в своем донесении в Царицын калмык Болкаш из улуса Мончака. Отряд в составе 100 воинов, в котором он состоял, осенью 1662 г. из-под Перекопа отогнал 100 лошадей и 30 коров. В урочище Ушонкар калмыки вступили в бой с крымской заставой в 400 человек под командой Казы-мирзы. В разгар боя Болкашу удалось поразить копьем крымского мирзу в спину. Калмыки захватили два крымских знамени, убили 40 крымцев, многих ранили. Отогнанная ими тысяча лошадей и взятые четыре «языка» были отправлены в улус Мончака, кочевавший возле Черного Яра. В этом бою калмыки потеряли убитым только одного человека²⁹.

В декабре того же года черноморский толмач Кирилл Степанов на Волге повстречался с калмыцким отрядом из 25-ти всадников под командой Доржи Янырдаева, возвращавшимся из крымского набега. На двух верблюдах калмыки везли захваченные в бою два крымских знамени и 17 пищалей, вели крымских «языков». Они сообщили Степанову, что их отряд из 200 калмыков в бою на подступах к Крыму уничтожил 200 крымцев, отогнал 500 лошадей, 300 коров и 14 тыс. овец³⁰.

Отряд из 150-ти калмыков из улуса Дугара также ходил под Перекоп, где захватил 400 лошадей и 100 коров, отбил 16 русских пленников. С крымской заставы за ними пустились в погоню 300 татар. В ходе боя калмыки, не понеся значительных потерь, уничтожили 100 крымцев,

захватив их знамя. 25 февраля 1663 г. представители Дугара и Солом-Церена привезли Царицын это знамя и в торжественной обстановке передали его князю Г. Черкасскому. Знамя захватил калмык по имени Кичик Дарашаев³¹.

От тайши Батура в крымских походах принимал участие отряд из 500 человек под началом Доржи. С урочища Еничигей они отогнали 150 лошадей, с урочища Шункар – 730, а с урочища Бербоин – 1 000, однако крымцам удалось отбить их³².

В марте 1663 г. уже Солом-Церен сообщал в Царицын Г. Черкасскому о военных успехах своих людей. Этот тайша осенью 1662 г. направил на Крым 600 своих воинов. Отряд в 50 человек под началом Шогаш-Мергена и Батур-бакши соединился на Молочных Водах с пятью сотнями донских и запорожских казаков под командой Степана Разина и Сар-Манжи. Совершив совместный поход на Крым, они под Перекопом захватили 2 тыс. лошадей, 600 овец и 350 «ясырей». С крымской заставы за ними погнались 600 татар во главе с Сафар-Казы-агой. В завязавшемся бою казаки проявили смекалку: на татарском языке стали кричать крымцам, что на Молочных Водах находятся еще 1,5 тыс. калмыков. Услышанное сразу же обратило татар в паническое бегство. Казаки и калмыки разделили трофеи. После чего казаки с добычей вернулись домой, а калмыки, оставив захваченное имущество под охраной на Молочных Водах, снова отправились в набег под Крым. В урочище Чюкар-Ауз калмыки они захватили еще тысячу лошадей, но в ходе стычки с преследовавшими их крымцами потеряли их.

Захваченный скот и лошадей калмыки приводили на свой временный «перевалочный пункт» на Молочных Водах, там же отдыхали и снова шли в набег под Крым. Часто сюда выходили бежавшие из крымского плена русские люди, и калмыки по возможности помогали им продуктами, выделяли лошадей, чтобы они могли добраться до русской территории. В общей сложности калмыки провели здесь около двух месяцев.

Крымским татарам удалось обнаружить этот «перевалочный пункт» и разгромить его. Три калмыка были убиты, 14 попали в плен, в том числе и Шогаш-Мерген, остальные успели скрыться в степи³³. Судя по крымским источникам, в феврале 1663 г. по приказу хана Мухаммед-Гирея отряд из 1 100 воинов под командой ногайского Ислам-мирзы (сына Бекмирзы) сумел выследить три калмыцких стана в причерноморских степях и полностью их уничтожить. Девять калмыков были взяты в плен, а захваченные ими под Перекопом лошади отбиты. Всех пленных калмыков по приказу хана отправили в Стамбул³⁴.

В марте 1663 г. в Царицын прибыли люди Мончака и представили князю Г. Черкасскому «рапорт» о «зимней кампании» под Перекопом. Всего они захватили у крымцев: в первом походе – 200 лошадей, 60 коров, 3 тыс. баранов и 10 «ясырей»; во втором – 200 лошадей и 6 польских

«ясырей»; в третьем – 300 лошадей и 20 «ясырей». Были также убиты 100 крымцев и несколько мирз, среди которых был Казымбек. Польские пленники, захваченные у татар, поведали о настроениях, воцарившихся среди крымских татар: «От калмыцкого разоренья их стало мало, лутче б де им смерть, а не явное разоренье; николи де ниотково такова разоренья не бывало, какое разоренье им ныне чинитца»³⁵.

«Служба их от нас, великого государя, никогда забвенна не будет»

Активные действия калмыков и запорожцев под Крымом вызвали у крымского хана стремление как можно быстрее укрепить днепровские границы новыми оборонительными пунктами и построить сплошной вал до Азовского моря. Калмыцкие набеги на Крымское ханство имели свои особенности. Если сопоставить их с действиями татар на Украине и на южных русских границах, то, по мнению А.А. Новосельского, никак нельзя заключить, что калмыки решительно срывали татарские вторжения, но мешать, тормозить ее свободный и широкий размах – эта цель достигалась³⁶.

Весь 1663 г. прошел под знаком активных действий калмыцких отрядов на крымском направлении. В январе азовский паша сообщал крымскому хану о намерении калмыков кочевать в степях Причерноморья и просил дополнительно прислать в Азов военную помощь для его защиты. Хан Мухаммед-Гирей «для спасенья от калмыков» распорядился переписать и мобилизовать во всех крымских городах греков, армян и евреев и обязать их иметь при себе пищажи. Сам хан, царевичи, карачеи, мирзы и уланы готовили лошадей, «блюдяся калмыцкого прихода». Хан задумал провести большие работы по укреплению Перекопского перешейка, решив в мае начать строительство каменной стены по старому валу. Для этого на строительные работы было привлечено почти все население Крыма³⁷.

3 марта 1663 г. князь Г. Черкасский дал новый приказ Мончаку, Солом-Церену, Дугару и другим тайшам об отправке дополнительных отрядов на Крым. Мончак вскоре действительно отправил отряды под командой База-Батура, Усман-Батура и Сахан-Кашки. Солом-Церен также отрядил команды под началом Зан-Кашки, Басу, Мерген-Кошучи. Активное участие калмыков в новой крымской кампании было вызвано еще и тем обстоятельством, что зима 1662/1663 гг. выдалась чрезвычайно холодной. Начался массовый падеж скота и лошадей, что привело к голоду в калмыцких улусах³⁸. Поэтому калмыки остро нуждались как в военных трофеях, так и в дополнительном царском жалованье за службу.

Возобновившиеся постоянные калмыцкие набеги на территорию Крыма привели к тому, что крымский хан отказал польскому королю в

помощи против «непослушных» украинских гетманов. Турецкий султан, не считаясь с трудным положением Крыма, также требовал от Мухаммед-Гирея помощи в войне против Венгрии. Опасаясь новых нападений со стороны восточных соседей, крымский хан пытался уклониться от своих обязательств перед сюзереном, но все-таки нашел выход, отправив в поход против венгров своего сына Ахмед-Гирея с небольшим количеством людей.

Весной 1663 г. у калмыков с крымцами снова состоялся бой, в результате чего многие татары были побиты и захвачено большое количество лошадей и «ясырь». Часть калмыков вернулась с добычей обратно на свою перевалочную базу на Дону, а другая отборная тысяча направилась в Запорожье на помощь казакам, прибыв 19 апреля к кошевому атаману С. Туровцу. После них на Крым пришел уже другой калмыцкий отряд, учинив под Перекопом крупный бой с татарами. Калмыки полностью разгромили крымцев, и, как отмечали очевидцы, «топтали их до самой Перекопи»³⁹.

По сообщению калмыцких пленных в Крыму, около 10 тыс. калмыков пришли кочевать на Молочные Воды. Получив эти сведения, Мухаммед-Гирей все свои силы привел к Перекопу. Один из украинских перебежчиков сообщил крымцам, что атаман И. Серко с казаками, калмыками и обозом стоит у Каменного затона на Днепре и намерен двинуться к Перекопу⁴⁰.

Однако удар калмыков и запорожцев был нанесен в район Цибульника, где у них произошел ночной бой с 10-тысячным крымским войском. Перед атакой они окружили татарский лагерь, предварительно договорившись «в добычу ни на какую не падаю и языков не имать, чтоб всех побивать». В результате боя они захватили вражеский обоз и перебили татар, кроме одного султана, который через три дня умер от ран. Спаслись из крымцев лишь немногие, «разве кто в болоте оттопился». Затем калмыки с запорожцами двинулись за Днепр и Буг, узнав о нахождении здесь крымских улусов, но по дороге пришло сообщение, что татары исчезли. Крымский хан, узнав о совместных действиях калмыков с казаками, весной трижды посылал в Запорожское войско послов с предложением мира, но получил отказ⁴¹.

В мае Мухаммед-Гирей назначил нуреддина Мурат-Гирея руководить обороной Крыма на Перекопе вместо Мустафы-бия, который в свою очередь должен был заниматься строительством каменной стены по старому валу. Со всего полуострова на Перекоп свозили камни, а также сгоняли различную рабочую силу. Это сооружение пролегло по перешейку между морскими косами, как отмечали очевидцы, «для береженья крымского юрта от калмыцкого приходу»⁴².

В начале лета 1663 г. ногайские улусы, располагавшиеся под Азовом, подверглись новому нападению калмыков. Крымский хан, опасаясь

повторного прихода калмыков и запорожцев, большие силы продолжал держать непосредственно в Крыму.

Но вместе с тем, выполняя союзнические обязательства перед Речью Посполитой, часть крымских отрядов направил и на помощь королю⁴³.

В июне 1663 г. 600 калмыков прибыли в Запорожье, «где мир и веру соопча приняв, ходили под Чигирин, и под Крыловым кош татарской взяли». Сохранилось описание военного приема, использованного казаками и калмыками, когда крымцы организовали за ними погоню. После того как татары переправились через речку Омельничек, они, внезапно развернувшись, по ним ударили «и мало не всех снесли, едва которой где мог утечь»⁴⁴. Использование различных военных уловок, особенно при численном превосходстве противника, взаимно обогащало арсенал тактических приемов казаков и калмыков.

Действуя против крымских татар, калмыки проявляли отчаянную смелость. Так, в июле 1663 г. 400 калмыков, подойдя к Перекопу, сбили ханские шатры, захватили в бою мирзу, побили многих татар и едва не пленили самого Мухаммед-Гирея и нуреддина, но тех выручил вовремя подоспевший турецкий отряд. В Перекоп с подкреплением был вызван калга (второе лицо в ханстве). Однако в августе калмыки вновь напали на Крым и, прорвавшись за Перекоп, пожгли хлеб в копнах и сено. В сентябре уже атаман И. Серко при поддержке калмыков из-под Перекопа отогнал большие стада скота, а позже напал на татарские улусы под Аккерманом, освободил русских пленников и выжег селения, «учинив большое разоренье». В ходе повторного нападения на татар под Перекопом И. Серко с калмыками разгромил и сжег посад, захватил богатую добычу⁴⁵.

В сентябре в Крым пришло известие, что казачий отряд И. Серко с калмыками обманым путем овладели Белгородской ордой, войдя туда беспрепятственно со стороны волошской границы под ногайскими знаменами. На расстоянии от самой орды и до сторожевых башен ими были сожжены все селения, захвачены скот и лошади, а также «ногайский ясырь» и имевшийся у них «русский полон». По словам очевидцев, «такое большое разоренье Белгородом учинилось по тому приходу их, черкасского и калмыцкого, [ранее] не бывали»⁴⁶.

1 декабря 1663 г. в Запорожское войско от Мончака прибыл отряд в 100 калмыков под командой Эркета Атуркая. И. Серко с казаками и Г. Косагов с калмыками 6 декабря направились в набег под Перекоп, чтобы не допустить соединения крымского хана с польскими войсками, а также для взятия «языков». Они беспрепятственно жгли татарские села и отбили около сотни русских и украинских пленных, пока 11 декабря начальник перекопского войска Карачбей не вывел своих воинов с ними на бой. Соотношение сил было на стороне крымцев: 1 000 татар против 90 запорожцев, 30 донцов и 60-ти калмыков. Казаки и калмыки применили

против татар тактику ложного отступления, а затем, предоставив возможность противнику переправиться через реку Колончак, «устроив коньми кош», пошли в атаку и «побили и рубили татар до Перекопи»⁴⁷. По другим данным, в отряде преследования Карачбея находилось до 500 татар. Самому ему после боя с калмыками и казаками удалось спастись бегством, но 400 его воинов пропали без вести⁴⁸.

По сведениям пленных, турецкий султан приказал крымскому хану двигаться на помощь польскому королю, чтобы противостоять основным силам русско-украинского войска, но хан из-за боязни нового прихода калмыков и казаков его послушался. Калмыцкие конные отряды своими активными действиями в Северном Причерноморье и на Кубани в целом выполнили задачу, поставленную перед ними русским командованием, так как они значительно облегчили положение русско-украинского войска в войне против Речи Посполитой. Москва всячески поощряла совместные выступления казаков с калмыками против Крыма. В феврале 1664 г. пограничным воеводам указывалось: «калмыков наговаривать и нашею великого государя милостию обнадеживать, чтоб они нам, великому государю, служили и против неприятелей стояли твердо и непоколебимо и ни на какие неприятельские прелести и подсылки не склонялись; а служба их от нас, великого государя, никогда забвенна не будет»⁴⁹.

Весной 1664 г. практически вся крымская орда вышла за Перекоп в степь для охраны полуострова от набегов калмыков, перекрывших полностью единственную сухопутную дорогу из Крыма в Азов, по которой доставлялись в турецкую крепость подкрепление и казна. Действия калмыков привели к тому, что среди крымских подданных воцарилось мнение о том, что напрасно хан развязал войну против России в союзе с поляками. Мухаммед-Гирей, поддавшись этим умонастроениям, отправил в Москву посольство с предложением мира, а при отправке наказывал своим посланцам ехать только ночью, останавливаясь днем в «крепких местах в чернях и в камышах, чтоб их было не видно», так как «ведомо де в Крыму, что калмыцкие многие люди на крымской степи». Однако послы до Москвы не доехали, и хан предположил, что «их калмыки побили в степи». Действительно, той весной И. Серко и Г. Косагов с калмыками разгромили некий крымский обоз (850 человек), шедший из Крыма в Черкасский городок⁵⁰.

В июне 1664 г. по приказу гетмана И. Брюховецкого объединенный отряд Серко, Косагова и калмыков выдвинулся из Канева на правобережную Украину. В 25-ти верстах от Корсуни они разбили крымское войско, шедшее на соединение к С. Чарнецкому. Затем они двинулись на Умань, на помощь поднепровским городкам, перешедшим на сторону России. За Уманью разбили еще один крымский отряд, идущий также к Чарнецкому, и «салтанова сына взяли».

Еще один бой произошел в Сарачинском лесу, где были убиты 100 татар и поляков⁵¹.

В этом же году тайша Мончак выделил для русской армии 3 тыс. воинов под командованием Маничар-Дайчи. Причем одна половина отправилась в новый крымский поход с Г. Черкасским, а другая ушла к гетману И. Брюховецкому⁵².

Активное участие калмыков в крымской кампании Москва оценила по достоинству. Выражением доверия и признанием заслуг в военной службе Русскому государству явилась отправка в июне 1664 г. казанца Андрея Нармацкого к тайшам с жалованьем. Тайше Мончаку он привез военное знамя. По мнению П.С. Преображенской, это свидетельствует о том, что Москва теперь считала калмыцкое войско неотъемлемой составной частью русской армии⁵³.

В документах за 1665 – 1666 гг. нет никаких существенных сведений о нападениях крымских татар на Московское государство, поскольку в это время они были вовлечены в междоусобную войну в Северном Причерноморье. Несмотря на спад их активности, калмыцкие набеги на Крым продолжались. В мае 1665 г. калмыки совместно с донскими казаками совершили набег на крымскую территорию, где им удалось перехватить один из отрядов, двигавшихся с запасами в полки к хану. Попытка перекопского военачальника Карачбея их преследовать закончилась для него поражением. Более успешными оказались действия крымского калги, которому при поддержке многочисленного войска в районе урочища Черный колодец удалось все-таки отбить захваченные калмыками и донцами трофеи и заставить их отступить к Дону⁵⁴.

В том же году калмыцкие тайши перенесли свои основные боевые действия на территорию Северного Кавказа и в район Азова. Например, в июле на Кубани калмыками был разгромлен отряд из 450 татар, направленный по приказу крымского хана из Керчи в Черкессию для захвата «языков». Только 250 татарам удалось уйти, а 200 были побиты или взяты в плен⁵⁵. Тем же летом в одной из вооруженных стычек с калмыками был убит азовский паша Мустафа. Турецкий султан, которому погибший паша приходился зятем, обрушился с обвинениями в адрес крымского хана Мухаммед-Гирея, в чью обязанность входило обеспечение безопасности турецкой крепости со стороны степи⁵⁶. По всей видимости, именно это и стало причиной смены прежнего крымского хана на нового – Адиль-Гирея.

В 1666 г. набеги калмыков на Крым возобновились, чему также способствовала вспыхнувшая в ханстве междоусобица. В начале года отряд из 77 калмыков совершил нападение на крымские улусы, отогнав 8 тыс. лошадей, и без потерь вернулся домой⁵⁷. В октябре калмыки на Чонгаре отогнали конские табуны и скот. Уже в конце года объединенный

отряд, состоящий из 300 калмыков и 500 запорожцев, объявился под Перекопом, но местный комендант ничего не мог против них предпринять и жаловался хану на малочисленность своего гарнизона⁵⁸.

На следующий год, в июле 1667 г., запорожцы с калмыками вновь появились под Перекопом, их действия заставили хана Адиль-Гирея срочно туда выдвинуться с войском. В этом районе нападавшими был разгромлен крымский отряд в 300 человек, направлявшийся под Чигирин на соединение с гетманом Правобережной Украины П. Дорошенко, выступавшим за союз с Турцией и Крымом⁵⁹.

Современник тех событий османский путешественник Эвлия Челеби дал высокую оценку боевым качествам калмыцких воинов: «Калмыки всегда возвращаются, побивая крымчаков, и они превосходят крымский народ храбростью...»⁶⁰.

В заслугу за военную службу денежное жалованье из Москвы к тайшам теперь поступало регулярно. Например, перед заключением Андрусовского перемирия поляки запросили у российской стороны огромную контрибуцию. Однако главный российский переговорщик А.Л. Ордин-Нащокин ответил отказом, сославшись на будто бы большие расходы, вызванные отправкой правительством денег калмыкам, «чтоб они теснили Крымский юрт и не пускали хана на Польшу»⁶¹. На самом деле это была дипломатическая уловка с целью отказать полякам в выплате контрибуции: размеры годового денежного жалования тайшам, как показывают документы, отнюдь не были большими. Но условия политического соглашения с Москвой вполне устраивали калмыцкую правящую верхушку, которая небольшое по размеру жалованье во многом компенсировала за счет беспощинной торговли с русскими городами, обеспечения относительной безопасности калмыцких кочевий и получения трофеев в ходе военных набегов на территории Северного Кавказа и Крымского ханства.

* * *

Таким образом, в результате договоренностей с российским правительством, которые были заключены в 1661 г., калмыцкая конница развернула активные боевые действия на крымском направлении. Разумеется, действия калмыцких отрядов не могли коренным образом подорвать Крымское ханство, да и такие цели перед ними не ставились. Тревожа тылы крымцев, сковывая их силы в крепостях, они подобным образом сокращали набеги крымской конницы на внутренние районы Украины и России. Военные действия калмыков во многом носили вспомогательный характер и кардинально не могли изменить ситуацию на главном театре боевых действия, однако они существенно нейтрализовали

активность Крымского ханства на Украине, облегчив тем самым положение русско-украинских войск.

Примечания

¹ Малов А.В. Русско-польская война 1654 – 1667 гг. М., 2006. С. 15–16.

Malov A.V. Russko-polskaya voyna 1654 – 1667 gg. Moscow, 2006. P. 15–16.

² Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. С. 124, 125–126.

Sanin G.A. Otnosheniya Rosii i Ukrainy s Krymskim khanstvom v seredine XVII veka. Moscow, 1987. P. 124, 125–126.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 2. Л. 19–20, 70–71.

Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 119. Op. 1. 1655 g. D. 2. L. 19–20, 70–71.

⁴ Санин Г.А. Указ. соч. С. 126–127.

Sanin G.A. Op. cit. P. 126–127.

⁵ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 12–18.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1657 g. D. 1. L. 12–18.

⁶ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 66, 80.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1658 g. D. 1. L. 66, 80.

⁷ РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 16.

RGADA. F. 112. Op. 1. 1661 g. D. 1. L. 16.

⁸ Там же. Л. 29.

Ibidem. L. 29.

⁹ РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 16; Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 16–19, 29; 1661 г. Д. 1. Л. 111.

RGADA. F. 112. Op. 1. 1661 g. D. 1. L. 16; F. 119. Op. 1. 1660 g. D. 5. L. 16–19, 29; 1661 g. D. 1. L. 111.

¹⁰ РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 19, 20, 30, 33; Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 3–4; Новосельский А.А. Указ. соч. С. 92.

RGADA. F. 112. Op. 1. 1661 g. D. 1. L. 19, 20, 30, 33; F. 119. Op. 1. 1661 g. D. 1. L. 3–4; Novoselskiy A.A. Op. cit. P. 92.

¹¹ Tenkeev B.T. Посольство дьяка Ивана Горохова в калмыцкие улусы в 1661 г. // Вестник РГГУ. 2013. № 10. С. 10.

Tepkeev V.T. Posolstvo dyaka Ivana Gorohova v kalmytskie ulusy v 1661 g. // Vestnik RGGU. 2013. No. 10. P. 10.

¹² РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 121, 122.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1660 g. D. 5. L. 121, 122.

¹³ Там же. Л. 127, 128.

Ibidem. L. 127, 128.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. Т. I. С. 531, 532.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: Sobranie 1-e. Vol. I. P. 531, 532.

¹⁵ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 154.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1660 g. D. 5. L. 154.

- ¹⁶РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1659 г. Д. 3. Л. 111, 112.
RGADA. F. 123. Op. 1. 1659 g. D. 3. L. 111, 112.
- ¹⁷РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 28.
RGADA. F. 119. Op. 1. 1661 g. D. 1. L. 28.
- ¹⁸РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 52, 53.
RGADA. F. 119. Op. 1. 1662 g. D. 1. L. 52, 53.
- ¹⁹РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 6, 44; Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук. Т. 3. СПб., 1901. С. 460–461.
RGADA. F. 119. Op. 1. 1662 g. D. 1. L. 6, 44; Akty Moskovskogo gosudarstva. Vol. 3. St. Petersburg, 1901. P. 460–461.
- ²⁰РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 7, 10.
RGADA. F. 119. Op. 1. 1662 g. D. 1. L. 7, 10.
- ²¹Там же. Л. 13–14, 24.
Ibidem. L. 13–14, 24.
- ²²РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 482–485.
RGADA. F. 112. Op. 1. 1661 g. D. 1. L. 482–485.
- ²³РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1659 г. Д. 3. Л. 146, 147.
RGADA. F. 123. Op. 1. 1659 g. D. 3. L. 146, 147.
- ²⁴РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 11, 15.
RGADA. F. 119. Op. 1. 1663 g. D. 1. L. 11, 15.
- ²⁵РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 101.
RGADA. F. 119. Op. 1. 1662 g. D. 1. L. 101.
- ²⁶Там же. Л. 101.
Ibidem. L. 101.
- ²⁷Там же. Л. 149, 151.
Ibidem. L. 149, 151.
- ²⁸РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 102; 1663 г. Д. 1. Л. 106–107, 160.
RGADA. F. 119. Op. 1. 1662 g. D. 1. L. 102; 1663 g. D. 1. L. 106–107, 160.
- ²⁹РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 35–37.
RGADA. F. 119. Op. 1. 1663 g. D. 1. L. 35–37.
- ³⁰РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 104, 110.
RGADA. F. 119. Op. 1. 1662 g. D. 1. L. 104, 110.
- ³¹РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 96, 190.
RGADA. F. 119. Op. 1. 1663 g. D. 1. L. 96, 190.
- ³²Там же. Л. 224.
Ibidem. L. 224.
- ³³Там же. Л. 99–101, 107.
Ibidem. L. 99–101, 107.
- ³⁴РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1663 г. Д. 2. Л. 5–7.
RGADA. F. 123. Op. 1. 1663 g. D. 2. L. 5–7.
- ³⁵РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 127–129.
RGADA. F. 119. Op. 1. 1663 g. D. 1. L. 127–129.
- ³⁶Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М., 1994. С. 94, 95.
Novoselskiy A.A. Issledovaniya po istorii epokhi feodalizma (nauchnoe nasledie). Moscow, 1994. P. 94, 95.

- ³⁷РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 3.
RGADA. F. 119. Op. 1. 1663 g. D. 1. L. 3.
- ³⁸Там же. Л. 139.
Ibidem. L. 139.
- ³⁹Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (АИЮЗР). Т. V. СПб., 1867. С. 171, 172.
Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii (AIYUZR). Vol. V. St. Petersburg, 1867. P. 171, 172.
- ⁴⁰РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1663 г. Д. 2. Л. 8, 9.
RGADA. F. 123. Op. 1. 1663 g. D. 2. L. 8, 9.
- ⁴¹АИЮЗР. Т. V. С. 172, 173.
AIYUZR. Vol. V. P. 172, 173.
- ⁴²РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1663 г. Д. 2. Л. 12.
RGADA. F. 123. Op. 1. 1663 g. D. 2. L. 12.
- ⁴³Новосельский А.А. Указ. соч. С. 75.
Novoselskiy A.A. Op. cit. P. 75.
- ⁴⁴АИЮЗР. Т. V. С. 169.
AIYUZR. Vol. V. P. 169.
- ⁴⁵Новосельский А.А. Указ. соч. С. 96.
Novoselskiy A.A. Op. cit. P. 96.
- ⁴⁶РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1663 г. Д. 2. Л. 52.
RGADA. F. 123. Op. 1. 1663 g. D. 2. L. 52.
- ⁴⁷АИЮЗР. Т. V. С. 148–149.
AIYUZR. Vol. V. P. 148–149.
- ⁴⁸РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1663 г. Д. 2. Л. 58.
RGADA. F. 123. Op. 1. 1663 g. D. 2. L. 58.
- ⁴⁹АИЮЗР. Т. V. С. 149.
AIYUZR. Vol. V. P. 149.
- ⁵⁰Там же. С. 201, 202, 209.
Ibidem. P. 201, 202, 209.
- ⁵¹Там же. С. 154, 157, 202–203, 210.
Ibidem. P. 154, 157, 202–203, 210.
- ⁵²РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1664 г. Д. 9. Л. 22–24, 26.
RGADA. F. 119. Op. 1. 1664 g. D. 9. L. 22–24, 26.
- ⁵³Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 83.
Preobrazhenskaya P.S. Iz istorii rusско-kalmytskiykh otnosheniy v 50–60 godah XVII v. // Zapiski Kalmytskogo NIYALI. Vol. 1. Elista, 1960. P. 83.
- ⁵⁴РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1663 г. Д. 2. Л. 94.
RGADA. F. 123. Op. 1. 1663 g. D. 2. L. 94.
- ⁵⁵РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1665 г. Д. 3. Л. 3.
RGADA. F. 123. Op. 1. 1665 g. D. 3. L. 3.
- ⁵⁶РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1666 г. Д. 1. Л. 7, 8.
RGADA. F. 111. Op. 1. 1666 g. D. 1. L. 7, 8.
- ⁵⁷АИЮЗР. Т. VI. СПб., 1867. С. 86.
AIYUZR. Vol. VI. St. Petersburg, 1867. P. 86.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1665 г. Д. 3. Л. 16, 18.

RGADA. F. 123. Op. 1. 1665 g. D. 3. L. 16, 18.

⁵⁹ Там же. Л. 109.

Ibidem. P. 109.

⁶⁰ *Челеби Э.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 246.

Chelebi E. Kniga puteshestviya (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). Vol. 2. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzhya i Podonya. Moscow, 1979. P. 246.

⁶¹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 11-12. М., 1991. С. 175.

Solovyev S.M. Istoriya Rossii s drevneyshih vremen. Vol. 11-12. Moscow, 1991. P. 175.

С.Н. Токарева

**ПОЛИЦЕЙСКИЕ И ПОДНАДЗОРНЫЕ:
РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
И ПРАКТИКА ПОЛИЦЕЙСКОГО НАДЗОРА
В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
(конец XIX – начало XX вв.)**

Со времен «охранительных» контрреформ Александра III карательный аппарат Российской империи начал широко применять полицейский надзор за «неблагонадежными» подданными. Раскрывая механизм надзора на основе имперских нормативно-правовых актов и оперативного делопроизводства общей полиции, рассмотрим опыт его применения в Курской губернии – одном из крупных регионов Европейской России – на рубеже XIX–XX вв.

Но прежде отметим, что в постсоветской историографии полиция Российской империи изучается с особенной активностью. Исследователи сосредоточили внимание на организации и различных сторонах деятельности как центральных учреждений полиции, так и местных, на специфике полицейской работы в разные периоды времени и в различных регионах империи. Так, некоторые вопросы истории полиции начала XX в. изучены в книгах Ю.А. Рента¹ и В.Н. Кручина².

Вряде трудов в общих чертах описан и механизм полицейского надзора. К примеру, известный исследователь тайного политического сыска Ю.Ф. Овченко рассматривает надзор как один из этапов правоохранительной деятельности, осуществление которого являлось обязанностью общей полиции³.

В 1990-е гг. появились и первые работы, непосредственно

посвященные полицейскому надзору⁴. Анализ законодательных актов о полицейском надзоре в Российской империи начала XX в. содержится в одной из статей автора⁵.

* * *

Правовое регламентирование полицейского надзора в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. основывалось на принятых при министре внутренних дел Н.П. Игнатьеве «Положении о негласном надзоре полиции» (от 1 марта 1882 г.)⁶ и «Положении о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» (от 12 марта 1882 г.)⁷, которые развили «Правила о полицейском надзоре», принятыми 30 апреля 1867 г.

В дальнейшем нормативно-правовая база системы полицейского надзора конкретизировалась и дополнялась различными уставами (Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Устав уголовного судопроизводства) и распорядительными документами Министерства внутренних дел.

В законодательстве Российской империи было установлено понятие «полицейского надзора» как меры предупреждения преступных деяний со стороны лиц, «вредных для общественного спокойствия»⁸. Судя по определению, он рассматривался как механизм, призванный контролировать деятельность «подозрительных и ненадежных» подданных и предупреждать возможные с их стороны политические преступления. Однако последняя часть определения позволяла широко трактовать понятие «полицейский надзор» и использовать его на практике, ибо «вредными для общественного спокойствия» мог быть признан весьма неопределенный круг деяний.

К началу XX в. в Российской империи сложились три вида полицейского надзора: 1) подследственный, то есть учреждаемый до рассмотрения дела судом, 2) судебный, устанавливаемый по приговору суда, и 3) административный, назначаемый властью во внесудебном порядке. Какой-либо другой вид надзора законодательством не предусматривался, а каждый из трех имел свое специальное назначение.

Помимо этих видов полицейского надзора, было установлено несколько его режимов. Согласно «Правилам о полицейском надзоре» 1867 г. административный надзор подразделялся на секретный (или негласный) и гласный⁹. Последний, в свою очередь, – на обыкновенный и строгий. По сути, подследственный и судебный надзоры осуществлялись также в «гласном» режиме, так как лицам, подвергшимся ему, было известно об установлении за ними надзора полиции.

Строгий гласный надзор отличался более жестким наблюдением со

стороны полиции, большим ограничением личной свободы (например, в месте жительства, сроках явки в полицию и т.д.). Определение режима зависело от государственного органа, учреждавшего надзор.

* * *

Подследственный надзор, официально именуемый «особым надзором полиции», учреждался над обвиняемым в преступлении для пресечения уклонения от следствия и суда до их окончания¹⁰.

Он устанавливался полицией по решению суда или органов Отдельного корпуса жандармов, производивших дознание по государственным преступлениям. Они направляли в соответствующее, по месту жительства обвиняемого, полицейское управление требование подвергнуть того «особому надзору». Получив такое требование, местная полиция докладывала начальству, куда, когда, кто прибыл под «особый надзор», кем он учрежден и на основании чего.

Так, в феврале 1901 г. новооскольский уездный исправник рапортом донес курскому губернатору, что под «особый надзор полиции» прибыли крестьянин Эдуард Кляuze и мещанин Вайгзех Павловский, привлеченные Петроковским (Царство Польское, губернский город – Петроков) губернским жандармским управлением (ГЖУ) к дознанию по обвинению в государственном преступлении¹¹. А Отделение по охране общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге 26 мая 1901 г. сообщило курскому губернатору, что привлеченный С.-Петербургским ГЖУ к дознанию по обвинению в государственном преступлении Михаил Дмитриевич Орехов отдан под «особый надзор полиции»¹².

За установлением «особого надзора», в свою очередь, надзирала прокуратура. Скажем, в январе 1902 г. С.Л. Мирленко, «находясь в пьяном виде в помещении народной чайной в с. Глушково, ругал портрет Государя Императора матерными словами». Было возбуждено судебное разбирательство, а до вынесения решения его подвергли «особому надзору». Но прокурор Харьковской судебной палаты 4 февраля 1902 г. отменил надзор за Мирленко, о чем через курского губернатора было сообщено рыльскому уездному исправнику¹³.

Для осуществления «особого» (подследственного) надзора требование судебного органа или ГЖУ передавалось исполнительному чину местной общей полиции.

Далее полицейский объявлял обвиняемому под расписку полученное распоряжение об учреждении над ним «особого надзора полиции», изымал документы на жительство (паспортную книжку или иной вид на жительство) и брал подписку о том, что поднадзорный без разрешения полиции не имеет права никуда отлучаться. Затем он сообщал полицейскому управлению или

иному учреждению, в которое этот подданный должен был обращаться для оформления паспортной книжки, о запрете ее выдачи с указанием причин до особого распоряжения; вносил сведения о подследственном в установленной формы «Книгу о состоящих под надзором полиции»; назначал тому даты и периодичность явки к ближайшему наблюдающему за ним чину полиции; доносил полицейскому управлению об учреждении над подозреваемым (обвиняемым) надзора и прилагал выписку из этой книги со сведениями о поднадзорном.

Получив эти документы от местного чина полиции, полицейское управление заносило данные из выписки на поднадзорного в свою «Книгу о состоящих под надзором полиции» и сообщало об учреждении надзора тому судебному органу или ГЖУ, от которого было получено требование.

Никаких ограничений, кроме периодической явки к полицейскому чину, не устанавливалось. Тот, над кем был установлен «особый надзор», обязывался проживать в определенном месте до нового распоряжения. Полиция лишь следила, чтобы он действительно не покидал избранного им места жительства и мог быть в любой момент вызван или доставлен к тому должностному лицу, распоряжением которого был учрежден надзор. С его разрешения подследственный (обвиняемый) мог переменить свое место жительства. Если же он скрывался, то об этом доносилось в полицейское управление с указанием особых примет и приложением (по возможности) фотокарточки. Полицейское управление начинало розыск, уведомив о побеге судебный орган или ГЖУ, из которого было получено требование об учреждении «особого надзора».

При обнаружении сбежавший задерживался и доставлялся обратно этапным (пешим) или транспортным порядком в зависимости от расстояния. За этот проступок в месте надзора он привлекался к судебной ответственности по ст. 63 Устава о наказаниях, налагаемых мировым судьей, в соответствии с которой назначался арест до трех месяцев или денежное взыскание до 300 руб. О задержании скрывшегося обязательно уведомлялись судебный орган или ГЖУ, из которого было получено требование об учреждении «особого надзора».

Уведомление о прекращении «особого надзора» выдавалось прокурорами судов или окружными судами после окончания (закрытия) дела обвиняемого или после вступления судебного приговора в законную силу. Полученное полицейским управлением, такое распоряжение отмечалось в «Книге о состоящих под надзором полиции», в графе о прекращении надзора. Тому, кто был оправдан или с кого в ходе дознания были сняты обвинения, объявлялось уведомление о прекращении дела, о прекращении надзора и о выдаче отобранного документа на жительство, после чего бывшему обвиняемому возвращались отобранные документы. Тому же, кто был осужден и находился под стражей, естественно, ничего

на этот счет не объявлялось. Документы осужденных пересылались на хранение в то учреждение, которое их оформило и выдало.

Установление подследственного надзора не всегда было оправдано. Так, в нижеследующем случае отсутствовала явная его необходимость, равно как и не было привлечения к суду.

Курский полицмейстер донес губернатору, что 25 января 1901 г., что состоящий под «особым надзором полиции» бывший студент дворянин Леонид Владимирович Кишкин выехал, с разрешения начальника Курского ГЖУ, на жительство в с. Ключниково Фатежского уезда, о чем также сообщалось местному уездному исправнику. А 3 июня того же года Кишкин явился во 2-ю полицейскую часть Курска, а потом и к полицмейстеру, где заявил, что «его хотят убить за измену, что он за деньги выдал своих товарищей и купил себе новые брюки и пиджак, что курский мещанин Ямизинов и вся монополия восстали против него, пишут донос жандармскому ведомству и он купил себе револьвер, но злоумышленники от него отобрали, что он страдает манией умственного расстройства и просит в защиту дать ему городского». Сделав разумные выводы, полицмейстер направил Кишкина к матери, которая приняла его под расписку и «выслала» обратно в Фатежский уезд¹⁴.

Законоположениями о полицейском надзоре в Российской империи не предусматривалось освобождение от него ввиду душевной болезни или умственного расстройства поднадзорного. Поэтому полицейские чины не прибегли к врачебному освидетельствованию, но поступили и в соответствии со служебным долгом, и человечно.

* * *

Второй вид надзора – судебный – являлся мерой, установленной приговором суда и направленной на предупреждение совершения преступных деяний со стороны тех, кто уже отбыл назначенное судом наказание. Такое своего рода «продленное» наказание в виде «административной высылки» выполняло функцию частного, а отчасти и общего предупреждения преступлений.

Показательным является дело крестьянина села Подхожее Подхоженской волости Веневского уезда Тульской губернии Владимира Илларионовича Прошина, который 7 июня 1900 г. был обвинен в государственном преступлении и подвергнут «тюремному заключению на 2 месяца, с подчинением затем гласному надзору полиции на два года». Департамент полиции МВД не удовлетворил его просьбу о переезде на жительство в Баку, и срок надзора он провел в Курской губернии. Позднее, в январе 1903 г., ходатайство Прошина было удовлетворено: ему разрешили «повсеместное в империи жительство», о чем ему было сообщено под

подписку¹⁵.

Исполнение таких приговоров (в их «надзорной части») возлагалось на губернские правления. Каждого осужденного, у которого заканчивался срок заключения, губернское правление заранее просило сообщить о том, в каком месте он желал бы отбыть полицейский надзор. Это было необходимо для того, чтобы исключить возможность избрания той местности, где воспрещалось проживание лиц, отданных по судебным приговорам под надзор полиции. Если заключенный добровольно отказывался от такого выбора, то губернское правление было вправе само назначить один из «дозволенных» уездных городов губернии. Надзор утверждался «в избранном местожительстве вне столиц, столичных губерний, университетских городов, а также тех фабричных местностей, в коих пребывание надзорного лица было признано Министерством Внутренних Дел вредным». К последним относились Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Пермская, Уфимская, Орловская, Екатеринославская, Бакинская, Черниговская, Таврическая, Варшавская и Петроковская губернии, Область Войска Донского, Белостокский уезд, города: Николаев, Елисаветград, Вильно, Рига и Либава, а также местность Кривой Рог Херсонской губернии¹⁶. Включение в их число других местностей осуществлялось решением Совета министров по представлению министра внутренних дел¹⁷.

Курская губерния не входила в данный перечень, поэтому, помимо «своих» поднадзорных, в ней проживали поднадзорные, направленные из самых разных мест империи: С.-Петербурга, Москвы, Харькова, Архангельска, а также Варшавской, Владимирской, Калужской, Минской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Петроковской, Тульской губерний, Закавказского округа и других.

Положения о месте пребывания лиц в период действия полицейского надзора были конкретизированы в первые годы XX в., в условиях подъема революционного движения. Были введены следующие ограничения: 1) поднадзорным воспрещалось жительство в указанных законом губерниях, уездах, городах и иных местностях; 2) в случае «неизбрания» места жительства или освобождения из-под наказания оно определялось губернским начальством; 3) поднадзорным запрещалось, без особого разрешения местной полиции, оставлять избранное или назначенное место жительства до истечения полугода по «водворении» в нем; 4) по истечении этого срока позволялось переменить место проживания, но с ведома местной полиции¹⁸.

Конкретизируя первый пункт, закон устанавливал, что поднадзорные не имели права жительства или пребывания: а) в столицах и во всех местностях столичных губерний; б) в губернских городах, их уездах и во

всех местностях, располагавшихся от губернских городов ближе 25-ти верст; в) во всех крепостях и местах, находившихся от них ближе 25-ти верст, г) в тех городах или местностях, в которых по особым высочайшим повелениям не разрешалось «водворение» поднадзорных¹⁹.

Более того, иногда поднадзорному из числа отбывших наказание предлагалось сменить место жительства: например, в случае общественных беспорядков в данной губернии или даже в соседней. К примеру, крестьянин Варшавской губернии Войцех Станислав-Карлов Гачинский за распространение социалистических сочинений находился под гласным надзором в Саратове. В мае 1902 г. в городе произошли «беспорядки», и МВД запретило ему жительство в Саратовской губернии на три года. Воронежский губернатор отказался удовлетворить просьбу Гачинского позволить ему проживать в Воронежской губернии и сообщил курскому губернатору: «...Так как Воронежская губерния граничит с Саратовской, то полиция предлагает ему избрать для жительства другую местность и он избрал г. Курск»²⁰.

Для следования к месту, выбранному или назначенному для проживания под надзором, отбывший наказание, согласно ст. 334 Устава о содержащихся под стражею, снабжался «проходным свидетельством» или же отправлялся по этапу, если не имел достаточных средств к переезду²¹. В «проходном свидетельстве» указывались срок, за который необходимо было прибыть к месту, и маршрут с точным указанием промежуточных и конечного пункта, а также продолжительность остановок в пути. Если, по мнению полицейских, тюремных и прочих чинов, нравственные качества и поведение поднадзорного не давали достаточных гарантий в добросовестном следовании в назначенное место, то, согласно циркулярам МВД по Департаменту полиции (№ 8761 от 3 июля 1901 г., № 10341 от 20 июля 1902 г., № 356 от 13 января 1903 г., № 538 от 12 января 1904 г.) применялся этапный способ передвижения за счет казны. Губернское правление оповещало соответствующее полицейское управление о прибывающем поднадзорном с приложением выписки из приговора суда.

Поднадзорный, как и в «подследственном» случае, «прикреплялся» к исполнительному чину полиции, которому передавались документы на прибывшего, в том числе и выписка из приговора суда, в силу которого он подвергался ограничению прав и гласному надзору полиции. Копия выписки отсылалась по месту приписки поднадзорного, чтобы он не смог получить вид на жительство (паспортную книжку) до окончания срока надзора.

Полицейский при содействии волостного старшины «водворял» поднадзорного в местное общество (согласия последнего не требовалось), о чем давал знать участковому уряднику или стражнику для наблюдения за ним и для строгого исполнения правил о поднадзорных. Сведения о

прибывшем также вносили в «Книгу о состоящих под надзором полиции», которая велась в полицейском управлении и была предназначена для учета как находящихся под надзором полиции по распоряжению административных и судебных органов, так и для поднадзорных по судебным приговорам.

Чины общей полиции были обязаны и вправе: наблюдать за действиями, поведением и местожительством поднадзорного; удостоверяться днем и ночью о том, находится ли он дома; производить при необходимости в любое время обыски в его жилище; не позволять у поднадзорного любых «сборищ» (а в случае, если какого-либо «собрание» было намечено, тому следовало получить специальное разрешение); наблюдать за аккуратной явкой поднадзорного к классному чину полиции в установленные сроки; следить, чтобы поднадзорный никуда самовольно не отлучался; доносить непосредственному начальству о побеге поднадзорного, если таковой случится, и принимать меры к его розыску; наблюдать, чтобы в данном районе не проживали поднадзорные из других мест; задерживать и доставлять их непосредственному начальству; доносить о поднадзорном, вторично взятом под стражу; доносить о смерти поднадзорного; наблюдать, чтобы поднадзорные (порой местные полицейские чины именовали их «надзираемыми») не участвовали в общественных собраниях и не подавали голосов, а также не были избраны на должности.

Для легальной перемены места жительства поднадзорный обязан был подать ходатайство в полицейское управление, указав местность, где он желал бы проживать. Но оно не могло дать положительного ответа до получения согласия того полицейского управления, в уезд которого желал переехать проситель. Выезд за границу в любом случае воспрещался.

В случае если поднадзорный скрывался, то его разыскивали полицейские учреждения и после обнаружения обязательно по этапу отправляли обратно, где он привлекался к ответственности за «отлучку» и проживание без установленных видов. Наказание (согласно циркуляру МВД по Земскому отделу № 11 от 18 февраля 1906 г.) выражалось в денежном взыскании в размере не более 15 коп. за каждый день и в целом не более 10 руб.

И напротив: если полицейские чины расценивали поведение поднадзорного как «одобрительное» («по предоставлении положительных к тому доказательств»), то по усмотрению начальника полицейского учреждения тому могла быть выдана паспортная книжка сроком на один год. В ней ставилась отметка о судимости с указанием существа приговора, а также запись о местах, где проживание поднадзорному было запрещено. По окончании надзора такая паспортная книжка заменялась новой, уже без отметки о судимости, если было разрешение губернского начальства

исключить ее.

Срок судебного надзора начинался со дня освобождения осужденного из места заключения. Время, проведенное в «отлучке» или «бегах», тоже засчитывалось в общий срок, так как в законе не было прямого указания, что учитывается лишь фактически проведенное время в месте надзора²². По истечении срока надзора подданному объявлялось о прекращении надзора, о чем делалась отметка в «Книге о состоящих под надзором полиции». О прекращении надзора полицейское управление доносило губернскому правлению или прокурору суда.

* * *

Губернаторы, местная полиция и все воинские начальники для «предупреждения и пресечения» всяких действий по нарушению общественного спокойствия, порядка, «благочиния», личной и имущественной безопасности также наделялись правом учреждения надзора полиции. Таков был третий вид надзора – административный.

С этой целью составлялось представление министру внутренних дел об административной высылке, в котором должностное лицо или учреждение, имевшее право применять административную высылку, указывало основания, срок предполагаемого надзора и персональные сведения (фамилия, имя, отчество, возраст, сословное или иное звание, семейное и имущественное положение и т.д.).

Эти представления рассматривались в Особом совещании при министре внутренних дел (председательствовал в нем заведующий полицией товарищ министра, состояло из четырех членов – по два от Министерства внутренних дел и Министерства юстиции). Постановления совещания утверждались министром внутренних дел. Высылка устанавливалась на срок от одного года до пяти лет и в тех местах Российской империи, которые не были объявлены на «исключительном» положении. В месте высылки провинившийся в глазах властей в нарушении «благочиния» подчинялся полицейскому надзору²³. Если населенный пункт, где он жил, не входил в состав административно-территориальных единиц, воспрещенных для проживания поднадзорных, то полицейский надзор мог быть учрежден и по месту его проживания²⁴.

После того как Особое совещание выносило решение, о нем уведомлялся начальник той губернии, в которой должен был осуществляться полицейский надзор. Сообщалось, что «по рассмотрению в Особом совещании обстоятельства дела о...» (далее указывались фамилия, имя и отчество поднадзорного, его сословное или иное звание, место жительства, а также кратко излагалась суть дела) тот подчинялся гласному надзору полиции на такой-то срок, причем особо оговаривалось

начало его отсчета.

Отсчет срока надзора начинался со дня утверждения постановления Особого совещания. Но в этом случае время, проведенное в «бегах», не засчитывалось в срок административной высылки и гласного надзора²⁵.

После прибытия поднадзорного в назначенный населенный пункт полицмейстер или уездный исправник должен был сообщить губернатору и ГЖУ о том, что «надзор за ним учредил».

В местном полицейском управлении на каждого поднадзорного заводилось дело. В первую очередь составлялась специальная Ведомость (или Список) о лице, прибывшем под надзор полиции. В нее заносились: фамилия, имя и отчество, сословное или иное звание, местожительство, вероисповедание, возраст; по какому распоряжению и за что, откуда и куда выслан; с которого времени, какому надзору или ограничениям подвергнут и на какой срок; где «водворен» на жительство, чем занимается, получает ли от казны пособие и в каком размере; из кого состоит семейство и где оно находится. Эта Ведомость при любом перемещении лица должна была немедленно пересылаться в полицейское управление по месту его выбытия, а за три месяца до окончания установленного срока надзора – в Департамент полиции МВД²⁶.

Начальник городской или уездной полиции должен был отобрать у поднадзорного все документы о его личности, заграничный паспорт (если таковой имелся) и вид на жительство (паспортную книжку), которые хранились в местном полицейском управлении. Взамен поднадзорному выдавалось свидетельство на проживание в назначенной местности без обозначения в нем того, что он находится под надзором²⁷.

Так, 30 сентября 1903 г. Департамент полиции МВД сообщил курскому губернатору, что мещанин Арон Львович Юдицкий «за сношения с политически неблагонадежными лицами и распространение произведений подпольной прессы» подлежит гласному надзору в месте жительства на три года. Начальник белгородский полиции сообщал, что, в соответствии с Положением о «гласном полицейском надзоре» (то есть Положением от 12 марта 1882 г.; полицейские чины в служебной переписке часто ошибались в названии законов), он должен отобрать у поднадзорного все документы о его личности и вид на жительство, однако они, по личному заявлению А.Л. Юдицкого, будто бы были оставлены тем в канцелярии курского губернатора при получении заграничного паспорта на поездку в Париж. В соответствии с законом уездный исправник просил канцелярию губернатора переслать все его документы на место для приобщения к делу.

Поднадзорный обязывался жить в определенном месте и не имел права отлучаться без разрешения полиции. В случае перемены квартиры в городе он должен был в течение суток донести об этом соответствующему полицейскому учреждению. При намерении переехать из одной губернии

в другую поднадзорный обязан был «испросить» через губернатора разрешение министра внутренних дел.

При «одобрительном» поведении состоящему под надзором разрешались временные «отлучки» по особо уважительным причинам: в пределах уезда – с разрешения местного начальника полиции, по губернии – губернатора, а в другие губернии – министра внутренних дел²⁸. Основаниями для удовлетворения такой просьбы могли быть, к примеру, угрожающая смертью болезнь родителей, жены или детей, опасность разорения семьи, которая не могла быть устранена без личного участия поднадзорного. В пределах уезда передвижение допускалось и при других обстоятельствах²⁹. При перемещении поднадзорного из уезда в уезд начальник губернии сообщал о своем разрешении начальнику ГЖУ.

Так, курский губернатор 12 апреля 1901 г. секретно уведомлял начальника Курского ГЖУ о том, что «разрешена состоящему под гласным надзором полиции в дер. Косторной, Суджанского уезда крестьянину Михаилу Данилову Кутومانову трехдневная отлучка, кроме времени потребного на проезд в село Ракитное, Грайворонского уезда, для присутствия в Ракитянском волостном суде 29 сего апреля, в качестве ответчика, по иску брата его об усадьбе и имуществе»³⁰.

«Отлучки» разрешались на определенный срок и в конкретное место без права остановок в пути. Поднадзорному выдавалось «проходное свидетельство» с указанием маршрута, в которых содержались необходимые сведения (фамилия, имя, отчество и приметы лица, место, срок и т.д.) и куда вносились записи о его отбытии и следовании в пути. После возвращения эти документы сдавались местному полицейскому начальству³¹.

Так, состоявшая под гласным надзором слушательница Высших женских курсов, жена студента Горного института Неонила Ивановна Мушенко была арестована за участие в демонстрации на Казанской площади в С.-Петербурге 4 марта 1901 г., а после освобождения из-под стражи ей запретили жительство в университетских городах, Риге и Ярославле. С 28 марта 1901 г. Н.И. Мушенко была подчинена гласному надзору и выбыла с «проходным свидетельством» в г. Сумы Харьковской губернии. В конце апреля она прибыла в место жительства родителей – с. Велико-Михайловку Новооскольского уезда Курской губернии. Местный уездный исправник рапортовал, что она «поведения хорошего и в образе жизни ничего предосудительного не замечено». Департамент полиции МВД 11 августа 1901 г. разрешил ей выехать на две недели к мужу Ивану Наумовичу в Екатеринославскую губернию на Щербиновский рудник возле станции Кривой-Торец, сообщив о том губернатору. Но со времени возбуждения ходатайства прошло два месяца, муж окончил работы и выехал из Екатеринославской губернии, так что своим правом

на «отлучку» она не воспользовалась. Вдобавок в конце того же месяца Департамент полиции МВД не удовлетворил ее ходатайство о выезде в С.-Петербург, чтобы держать там выпускные осенние экзамены.

Однако в октябре 1901 г. Н.И. Мушенко было дозволено переехать на жительство в Севастополь. В том же месяце она подала прошение о переезде в г. Сумы Харьковской губернии, так как не могла найти какой-либо заработок, или назначить ей ежемесячное вспомоществование. Вопрос о выдаче пособия, по-видимому, даже не рассматривался, хотя законодательством предусматривалась такая возможность, и 24 октября Департамент полиции МВД разрешил ей переехать в Севастополь. Этим правом она также не воспользовалась и находилась в Новооскольском уезде Курской губернии до «перемены положения», то есть до снятия надзора. После его отмены в марте 1902 г. МВД признало не подлежащим удовлетворению ее ходатайство о разрешении «повсеместного жительства в империи впредь до особого распоряжения», которое последовало по ее прошению в августе 1902 г.³²

В силу уважительных причин (болезнь, отсутствие средств к существованию и невозможность найти какой-либо заработок) МВД могло удовлетворить ходатайство поднадзорного с просьбой об отбытии срока в другой местности (например, там, где находились родственники, желающие взять его на свое попечение).

Так, дворянке Марии Евгеньевне Солодиловой, состоявшей под гласным надзором полиции в Екатеринославе сроком на два года до 13 июня 1900 г., уже 2 мая было разрешено переехать на жительство к отцу в д. Сазоновку Тимского уезда Курской губернии. И 15 мая 1900 г. екатеринославский губернатор сообщил о ее выезде курскому губернатору³³.

Иногда поднадзорные просили разрешить лишь временный отъезд домой: например, до разрешения жены от беременности или на летние месяцы к родственникам. Решение МВД обязательно направлялось начальнику губернии, который доводил до сведения соответствующее полицейское управление. А оно, в свою очередь, ставило в известность поднадзорного, о чем брало с него расписку. Основанием для отказа в просьбе могло служить прошение перейти на жительство в «воспрещенную» местность, но причина отказа в полицейских документах указывалась редко.

Если состоящий под надзором полиции отбывал из места, определенного для его пребывания, или пробыл без уважительных причин в отлучке более назначенного времени, то полицией принимались меры к его розыску. В пределах нескольких губерний этот вопрос решался по соглашению между губернаторами, в ходе бюрократической переписки

между нами.

Так, в сентябре–октябре 1902 г. переписка между харьковским, курским и костремским губернаторами отразила ход розыска состоявшего под гласным надзором полиции в Костроме мещанина г. Богодухова Харьковской губернии Моисея Максимовича Поднебенного, «скрывшегося неизвестно куда». По сведениям харьковского губернатора, Поднебенный жил некоторое время в Харькове, а 6 августа 1902 г. выбыл в Курск. Однако, по рапорту курского полицмейстера, в город он не прибывал, но «за появлением его имеется наблюдение»³⁴.

В июле 1903 – апреле 1904 гг., согласно переписке между курским и вологодским губернаторами, разыскивался состоявший под гласным надзором в г. Никольске курский мещанин Петр Данилович Медведев, который «неизвестно куда скрылся из места водворения». Описывались приметы Медведева: «лета 26; рост средний; волосы и брови – темнорусые; усы и борода – русые; глаза карие; нос и рот обыкновенные; лицо чистое; особая примета – на левой щеке родимое пятнышко»³⁵. Тимский и курский уездный исправники успели уведомить, что «по розыску» Медведева на подведомственной им территории не оказалось. А 26 марта 1904 г. канцелярия вологодского губернатора сообщила в Курск о задержании П.Д. Медведева, дабы было отдано распоряжение о прекращении его розыска. За такой проступок поднадзорному полагалось наказание: в первый раз – арест на срок от одних суток до трех; во второй – от семи суток до трех недель; в третий – заключение в тюрьме от трех до шести месяцев³⁶.

Согласно распоряжению Департамента полиции МВД, о каждом случае, когда поднадзорный «скрывался неизвестно куда» полицейские должны были немедленно доводить до сведения начальника ГЖУ³⁷.

* * *

Высланный в административном порядке под гласный полицейский надзор был обязан по первому требованию являться в полицию. Местные полицейские чины имели право в любое время входить в его квартиру, производить обыски и выемки, указывая в протоколе мотивы и результаты таких мероприятий. Также начальник губернии мог воспретить лицам, состоящим под надзором, хранить у себя оружие.

Последнее было отнюдь не лишним. Повседневная служба полицейских по проверке поднадзорных была сопряжена с серьезной угрозой для жизни.

Так, 19 марта 1910 г. в числе четырех городских Белгородской городской команды старший городской Мина Лукьянович Гайдученко и старший городской Александр Федорович Асеев были назначены в ночной

обход. Так как крестьянка Полтавской губернии Пелагея Черновалова, высланная из Екатеринослава под гласный надзор полиции, была заподозрена в «сношении» с членами группы анархистов и коммунистов и укрывательстве их, то местным начальством было приказано произвести в эту ночь осмотр ее квартиры, расположенной на окраине города, в слободе Саввиной. Когда городовые постучали в дверь, а потом в окно дома, отозвался его хозяин Петр Рябченков, но, узнав о присутствии возле дома полиции, не открыл им. Спустя 15 минут двери внезапно распахнулись, оттуда выбежал человек с револьвером в руке, который открыл стрельбу по поджидавшим городовым. Раненый пулею, Гайдученко упал и, не приходя в сознание, вскоре скончался. Был убит и городской Асеев. Остальные городовые кинулись в погоню за убегающим, который по покровом темной ночи скрылся. Заподозренные в соучастии лица были арестованы³⁸.

Очевидно, чины общей полиции и психологически, и по своей выучке не были хорошо подготовлены к прямым вооруженным столкновениям с боевиками революционного подполья.

В правовом положении поднадзорные, высланные в административном порядке, ограничивались в части своих прав, о чем полицейские им объявляли по прибытии «на место водворения». Они не могли состоять на государственной или общественной службе, но с разрешения министра внутренних дел их могли допустить «к письменным занятиям в правительственных и общественных учреждениях по найму», за исключением губернских и волостных правлений, полицейских учреждений и всех учебных заведений³⁹. Поэтому поднадзорного могли уволить с такой должности, если он занимал ее до установления надзора по месту жительства. И только с разрешения Департамента полиции МВД он мог заниматься канцелярским трудом по найму или ремеслом – слесарным либо токарным.

Например, 21 сентября 1903 г. состоявший под «особым надзором полиции» личный почетный гражданин Виктор Иванович Анисимов за принадлежность к Северному союзу Российской социал-демократической рабочей партии был подвергнут гласному надзору на два года по месту жительства. В силу ст. 21 Положения от 12 марта 1882 г. было отдано распоряжение о его увольнении с должности делопроизводителя Экономического отдела Курской губернской земской управы. Курский полицмейстер отставной поручик Лев Николаевич Зарин сообщал, что за время проживания в Курске тот «ведет знакомство с лицами политически не благонадежными, но активного участия в каких-либо собраниях или демонстрациях Анисимов не принимал, а равно и во время последних арестов фамилия его не упоминается. В Губернском Жандармском Управлении смотрят на Анисимова как на человека крайне вредного и убежденного революционера». Но Департамент полиции МВД разрешил

Анисимову канцелярские занятия по найму, не связанные с разъездами по губернии⁴⁰.

Лица, годные к военной службе, призывались на нее после истечения срока надзора⁴¹.

Поднадзорные не имели права быть учредителями, председателями и членами в частных обществах и компаниях, а также председателями и членами конкурсных управлений. Только с особого разрешения министра внутренних дел они могли быть опекунами и попечителями. Лицам, состоящим под надзором полиции, воспрещались: педагогическая деятельность (включая домашние уроки, даваемые ученикам в частном порядке), публичные выступления (чтение лекций, участие в заседании ученых обществ и в сценических представлениях), содержание типографий, литографий, фотосалонов, библиотек и служба в них, торговля книгами и принадлежностями тиснения, содержание трактирных заведений и торговля спиртными напитками. Врачебная, акушерская и фармацевтическая практика дозволялась им только с разрешения министра внутренних дел⁴².

Поднадзорные также теряли возможность выступать в качестве поверенных (кроме присяжных и частных) в судах по гражданским делам (в случаях, указанных в ст. 389 и ст. 406 Учреждения судебных установлений) и во всех уголовных делах (если только дело не касалось его самого, его родителей, жены или детей)⁴³.

Губернаторы могли запрещать поднадзорным и другие занятия, если они являлись средством осуществления «предосудительных замыслов» или по местным условиям представлялись полиции опасными для общественного порядка и «спокойствия». Об этом докладывалось министру внутренних дел, который был вправе отменить или оставить в силе данное распоряжение.

8 февраля 1902 г. начальник Пермского ГЖУ сообщил начальнику Курского ГЖУ, что в вещественных доказательствах привлеченной к дознанию о государственном преступлении по ст. 318 и ст. 251 Уложения о наказаниях Анны Ягодниковой оказались два письма С.И. Акрамовского. В них указывалось, что тот «занимается по вечерам с окончившими курс» и просил выслать список книг для чтения. Отмечая, что «эти письма обличают С. Акрамовского в неблагонадежности и что он состоит за прежнюю деятельность по распоряжению Департамента полиции от 14 января 1897 г. за № 441 под негласным надзором полиции», начальник Пермского ГЖУ просил о проведении обыска и дознания.

19 февраля адъютант Курского ГЖУ штаб-ротмистр Турганников, в присутствии урядника 3-го стана 2-го участка Фатежского уезда и понятых, на основании ст. 29 «Положения о мерах к сохранению государственного порядка и общественного спокойствия» (от 14 августа 1881 г.) произвел

обыск у Акрамовского. Его квартира состояла из одной комнаты и сеней, сообщающихся одним выходом на улицу. Войдя в помещение, застали Акрамовского дома: тот писал письмо. При личном осмотре и обыске квартиры «ничего явно преступного» не было «обнаружено». Тем не менее, его арестовали и заключили под стражу в Курском тюремном застенке (использовался в качестве пересыльной тюрьмы). На следующий день жандарму было поручено допросить его по существу и «разобрать» письмо.

Между тем 1 марта курский губернатор письменно «напомнил» директору народных училищ Курской губернии о необходимости соблюдать инспекторами требования ст. 286 ч. 1 т. II Свода законов общего учреждения губернии (издания 1892 г.) «о допущении лиц к педагогической деятельности только с предварительного в каждом случае согласия губернатора». А также «попросил» прислать сведения о лицах, допущенных к педагогической деятельности без соблюдения этих требований. Далее губернатор указал на тот факт, что в Фатежском уезде передвижным учителем состоит сын священника Сергей Иванович Акрамовский, по поводу которого при принятии на должность учителя согласия у него не спрашивалось. А теперь, по поступившим к нему сведениям, С.И. Акрамовский «оказался лицом неблагонадежным и допущение его к педагогической деятельности является совершенно нежелательным».

В ответ 2 марта директор народных училищ сообщил губернатору, что инспектору народных училищ 3-го участка было предложено уволить С.И. Акрамовского от исполнения обязанностей передвижного учителя в Фатежском уезде. Он также препроводил список учителей по уездам с указанием на то, что на должности их определило Министерство народного просвещения.

Со своей стороны, Фатежский уездный исправник 18 марта доложил начальнику Курского ГЖУ о месте, времени и лицах, с кем занимался и вел тесную дружбу С.И. Акрамовский, отметив, что «в образе жизни и поведении Акрамовского за время проживания его... ничего предосудительного не замечалось».

Сам же С.И. Акрамовский 9 апреля подал прошение губернатору о возвращении на должность учителя, и уже на следующий день получил ответ об отсутствии препятствий.

Наконец, 29 апреля предводитель дворянства Фатежского уезда Н. Шетохин писал губернатору Алексею Дмитриевичу Милютину, что у С.И. Акрамовского в присутствии понятых жандармским офицером был произведен обыск и ничего подозрительного не найдено. Заступаясь за С.И. Акрамовского, предводитель отмечал, что тот «был скомпрометирован», и член Учительского совета уверял его, что тот «не сделал ничего

предосудительного».

Но уже 22 мая 1902 г. С.И. Акрамовскому педагогическая деятельность все же была запрещена губернатором⁴⁴.

Когда рассматривался вопрос о назначении поднадзорного на должность в земские, городские, судебные или крестьянские учреждения, а также о присвоении ему какого-либо звания (служащего канцелярии или железной дороги, врача, учителя или ученика), через канцелярию губернатора запрашивались сведения о кандидате. Если полученные от местных полицейских и жандармских учреждений сведения о его нравственных качествах и политической благонадежности были удовлетворительными, в решении указывалось, что «препятствий со стороны Департамента полиции не встречается»⁴⁵. В противном же случае отмечалась нежелательность предоставления должности или присвоения звания.

Так, харьковский мещанин Павел Петрович Богданов, обвиненный в подготовке майских рабочих беспорядков 1901 г. в Харькове, подлежал гласному надзору полиции в избранном месте жительства (кроме «воспрещенных») на два года с 23 марта 1902 г. А уже 2 октября того же года Департамент полиции МВД сообщил курскому губернатору, что не встречается препятствий к разрешению П.П. Богданову поступить на службу на Курско-Харьковско-Севастопольскую железную дорогу согласно его ходатайству⁴⁶.

Министр внутренних дел мог воспретить поднадзорному непосредственно получать свою частную корреспонденцию. В этом случае местным почтовым отделениям и телеграфным конторам передавались списки таких лиц. Письма и телеграммы, приходившие на имя поднадзорных, как и их исходящая корреспонденция, в губернских городах передавались начальнику ГЖУ, а в уездных – уездному исправнику (в случае обнаружения чего-либо «предосудительного» они также передавались в ГЖУ)⁴⁷.

При «одобрительном» поведении и образе жизни по представлению губернатора министр внутренних дел мог освободить поднадзорного от некоторых ограничений (скажем, от запрета на занятие должности). Более того, если это было достаточным ручательством исправления, то возможно было удовлетворение ходатайства об отмене полицейского надзора. При нарушении же установленных правил и ограничений, поднадзорные подвергались аресту и содержанию в заключении при полицейском участке или в тюрьме: по постановлению местного начальника полиции – на срок до трех суток, по распоряжению губернатора – до семи суток, по предписанию министра внутренних дел – до одного месяца⁴⁸.

* * *

Поднадзорные, не имевшие собственных средств к существованию, и последовавшие за ними семейства имели право на получение от казны пособия, а также выплат на одежду, белье и обувь. Но этой возможности они лишались, если уклонялись от занятий «по лености, дурному поведению или привычке к праздности». Тот же круг лиц «призревался» в больницах также за счет казны⁴⁹.

Из государственного бюджета ежегодно ассигновывался кредит на их содержание⁵⁰. Он находился в ведении Департамента полиции МВД, по распоряжениям которого Главное казначейство ассигновывало местным казначействам суммы в виде отдельных переводов⁵¹. Но такая денежная помощь, судя по документам, не получила широкого применения.

Также поднадзорные имели право защищать свои интересы и направлять в Департамент полиции МВД жалобы на «дерзкое обращение с ними и оскорбление со стороны чинов местной полиции». На основании таких жалоб проводились «служебные» расследования.

Так, мещанин Григорий Данилович Никулин в 1903 г. обратился в Департамент полиции МВД с жалобой на то, что полицейский надзиратель оскорбил его словами. Корочанский уездный исправник донес курскому губернатору, что Екатеринославским полицмейстером было разрешено состоящему под особым надзором полиции мещанину Г.Д. Никулину переехать на жительство в г. Корочу, и полицейскому надзирателю было поручено учредить над ним надзор. Полицейский надзиратель «дознал», что Никулин прибыл в г. Корочу 28 июля и несколько дней не являлся в полицию и не сразу предъявил «проходное свидетельство». Исправник отмечал, что полицейский надзиратель «никаких оскорблений ему не наносил и за неуказанием им свидетелей, жалоба его в сем отношении является вполне голословною и не заслуживающею уважения». Кроме того, дополнялось, что «Никулин – человек грубый, нахальный, дерзкий и оскорбляющий на каждом шагу даже свою старуху родную мать, которая поденщиною зарабатывает кусок хлеба, чтобы прокормить этого тунеядца сына». Кончилось тем, что курский губернатор сообщил в Департамент полиции МВД: данная жалоба «как не подтвердившаяся оставлена без последствий»⁵².

* * *

11 августа 1904 г. Николай II подписал Манифест о милостях, дарованных в день Святого Крещения наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича. Согласно манифесту, освобождались «от дальнейшего отбывания наказания» лица, «подвергнутые гласному

надзору полиции» на срок не свыше одного года, а также «не достигшие совершеннолетия по день рождения Наследника Престола Нашего» из числа «подвергнутых административным взысканиям». А «лицам, подвергнутым... гласному надзору полиции... свыше одного года» повелевалось «сократить срок взыскания на одну треть по удостоверении в добром поведении отбывающего взыскание»⁵³.

Решение о досрочном освобождении от гласного надзора выносил Департамент полиции МВД на основании получаемых от губернаторов сведений о поведении поднадзорных. Однако ограничения в дальнейшем местожительстве при этом сохранялись. Такое решение, к примеру, было принято относительно крестьянина Грайворонского уезда М.П. Собкалова⁵⁴.

Среди лиц, освобожденных от гласного надзора, оказался уже упомянутый личный почетный гражданин Виктор Иванович Анисимов. 14 августа 1904 г. курский губернатор сообщил полицмейстеру о решении Департамента полиции МВД сократить тому срок надзора на треть. И уже 6 сентября 1904 г. Курская губернская земская управа просила губернатора о переводе В.И. Анисимова на должность агронома⁵⁵.

Среди несовершеннолетних, то есть тех, кому на день рождения наследника не исполнился 21 год, оказался Генрих-Аркадий Владиславович Выржиковский, который за участие «в массовом водворении в пределы Российской империи заграничных подпольных изданий» был подвергнут гласному надзору на два года с 22 января 1903 г. Его прошение, поданное в сентябре того же года, о разрешении поступить в аптекарские ученики Департаментом полиции МВД было «оставлено без последствий». Однако после императорского манифеста от 11 августа 1904 г. он был освобожден от гласного полицейского надзора⁵⁶.

В некоторых случаях срок сокращался больше чем на треть. Скажем, срок пребывания под гласным надзором упомянутого выше А.Л. Юдицкого первоначально был сокращен на треть, и надзор для него должен был закончиться 21 сентября 1905 г., а не в 1906 г. На деле же надзор был снят еще раньше – 17 ноября 1904 г.⁵⁷ То есть надзор вместо трех лет действовал всего один год и два месяца. Что поспособствовало этому – примерное особо «одобрительное» поведение или чье-либо заступничество либо вмешательство – достоверно выяснить не удалось.

После окончания срока надзора пристав рапортовал начальнику местной полиции, который доносил об этом губернатору с краткой характеристикой поднадзорного. В ней отмечалось его «одобрительное» поведение – «за время состояния под надзором ни в чем предосудительном не замечен» – или, наоборот (что случалось крайне редко), обстоятельно описывались, например, его связи с «неблагонадежными».

При прекращении надзора, установленного в административном

порядке, губернатор отдавал распоряжение об отмене учрежденного гласного надзора полиции, а полицейские учреждения объявляли это бывшему поднадзорному. Они также составляли специальную Ведомость о «перемене положения» и освобождении из-под надзора, в ходе чего подданный исключался из числа поднадзорных, и ему возвращались все отобранные документы.

После освобождения из-под гласного надзора полиции можно было подать прошение о возвращении в родные края или переезде в другую местность (причем бывший поднадзорный и его семья без денежных средств имели право на выдачу пособия для переезда). МВД через губернатора и полицейские учреждения могло запретить «по освобождении от означенного надзора жительство в столицах и С.-Петербургской губернии впредь до особого распоряжения» или, напротив, дозволить «повсеместное в империи жительство». Иногда в качестве исключения разрешалось временно оставаться в столице. При объявлении того или иного решения бывший поднадзорный оповещался местным полицейским чином под роспись.

В некоторых случаях Департамент полиции МВД разрешал выдать бывшему поднадзорному заграничный паспорт.

Так, за государственное преступление мещанка г. Фатежа Курской губернии Варвара Васильевна Надеина состояла под гласным надзором на четыре года с 26 мая 1899 г. по 26 мая 1903 г. Такой большой срок мог быть назначен за участие в общественных выступлениях или, вероятнее всего, ввиду основательных подозрений в организации противоправительственной деятельности. Тем не менее, в конце срока – видимо, за «одобрительное» поведение, – 4 мая 1903 г., Департамент полиции МВД сообщил курскому губернатору, что «не встречается препятствий» в выдаче В.В. Надеиной заграничного паспорта для поездки в Австро-Венгрию⁵⁸.

* * *

Секретному надзору подлежали лица, заподозренные полицией в связях с «преступными элементами» или действиях, направленных против «общественного спокойствия». Поднадзорные не знали о тайном наблюдении за ними полиции и не подвергались каким-либо ограничениям личной свободы, но велся тщательный контроль за всеми их перемещениями и «сношениями». Негласный надзор продолжался до снятия подозрений или до обнаружения фактов преступления.

Так, под негласным надзором в начале 1901 г. в Дмитриевском уезде Курской губернии состояли крестьяне с. Селина Селинской волости Иван Кондратович Хохлов и с. Коростовка Ольховской волости Василий

Ефимович Дедков и Захарий Аркадьевич Курских, которые за время надзора «ни в чем предосудительном не замечены»⁵⁹.

В 1901 г. под секретным надзором полиции в г. Рыльске Курской губернии состоял мещанин Иван Петрович Гробов, проживавший при родителях в 1-й части города. Тот находился под секретным надзором по решению помощника начальника Курского ГЖУ от 30 ноября 1900 г. по обвинению в преступлении, предусмотренному ст. 246 Уложения о наказаниях (произнесение дерзких слов или преступных выражений против особы государя императора). Определенных занятий поднадзорный не имел и характеризовался «неодобрительно»: «поведения очень дурного, занимается пьянством, развратом и часто буйствует»⁶⁰.

Как доносил курскому губернатору Суджанский уездный исправник, 12 июня 1901 г. прибыл из Екатеринослава уроженец Вологодской губернии, состоящий под негласным надзором полиции, сын вологодского купца Егор Иванович Ледков для занятия должности бухгалтера во вновь образуемом в г. Судже обществе взаимного кредита. Над Ледковым, согласно отношению помощника начальника Курского ГЖУ от 2 июля 1901 г., был учрежден негласный надзор полиции⁶¹.

В 1901 г. начальник Курского ГЖУ доносил курскому губернатору о прибытии в Рыльск бывшего студента Харьковского университета Николая Александровича Волжина. Тот был отчислен из университета по постановлению попечителя Харьковского учебного округа, так как «принимал наиболее живое участие в студенческих беспорядках» и за ним был учрежден негласный надзор полиции⁶².

В целом по Курской губернии количество состоявших под негласным надзором полиции, было невелико. За 1904 г., по данным Курского ГЖУ, таких насчитывалось 18 человек, разного сословия и рода занятий. Среди них был и князь Петр Дмитриевич Долгоруков – председатель Суджанской земской управы, по поводу которого в Департамент полиции МВД сообщалось, что он «известен своим крайне либеральным поведением»⁶³.

* * *

Списки поднадзорных регулярно подавались губернаторами в Департамент полиции МВД по определенной классификации.

Так, Курский губернатор поручил начальникам городских и уездных полицейских управлений провести точную проверку на местах и предоставить к 20 января 1904 г. сведения о лицах, состоящих в Курской губернии под надзором полиции за 1903 г. в отдельных списках: а) по делам политического характера и «вообще о распространении революционной пропаганды», б) по «бывшему польскому мятежу», в) по делам уголовным и «вообще о нравственной благонадежности», г) о «высланных с Кавказа

горцах» и д) о греко-униатах, высланных административным порядком по религиозным причинам, и «вообще о лицах, высланных за принадлежность к сектам, соращение в расколе» и т.п.⁶⁴

Сведения составлялись по фамилиям с предоставлением «одобрительных» или «неодобрительных» характеристик. Иногда в этих материалах встречается обобщенный отзыв такого содержания: «за политическую благонадежность ручаться не могу и скорей все они не благонадежны или связаны между собой и готовы на все»⁶⁵.

Судя по этим пересылавшимся в Департамент полиции МВД документам, главным основанием установления полицейского надзора были противоправительственная пропаганда, принадлежность к революционному кружку, подстрекательство рабочих и крестьян к забастовке, участие в фабричных беспорядках, хранение и распространение противоправительственных изданий. Во вторую очередь – дела уголовные (кража, поджог, грабеж) и религиозного характера.

Основания для учреждения гласного полицейского надзора были разнообразны, но одним из самых важных являлось подстрекательство и участие рабочих в забастовках.

Так, Департамент полиции МВД сообщал курскому губернатору, что по рассмотрению в Особом совещании обстоятельств дела о проживавшем в Харькове крестьянине Курской губернии Рыльского уезда д. Благодатенской Федоте Протасьевиче Землянинове, обвинявшемся в подстрекательстве рабочих паровозостроительного завода в Харькове к забастовке, учрежден гласный полицейский надзор по месту «приписки» к конкретному крестьянскому обществу сроком на год с 14 марта 1900 г. Позднее указывалось, что после освобождения от данного надзора без особого разрешения ему запрещалось жительство в столицах и Санкт-Петербургской губернии⁶⁶.

Аналогичное наказание с 25 мая 1900 г. получил рабочий шахты № 19 Рутченковского горно-промышленного общества (Бахмутский уезд Екатеринославской губернии) крестьянин Курской губернии Иван Тимофеев Зиновьев за подстрекательство горнорабочих к забастовке⁶⁷.

Более строгому наказанию подвергались непосредственные участники забастовок. Так, крестьянин с. Юрьевки Льговского уезда Курской губернии Александр Никифорович Коробченко, обвиненный в участии в фабричных беспорядках в Харькове 1 мая 1900 г., был подвергнут гласному надзору на два года с 11 августа 1900 г.⁶⁸

* * *

Насколько же действительна была система гласного полицейского надзора?

Несомненно, поднадзорный нес наказание и в последующем мог остерегаться совершать подобные деяния, а его жизнь определенное время находилась под контролем полиции. Однако наиболее радикально настроенных лиц, особенно членов революционных организаций, эта мера вряд ли могла остановить.

Существенной слабостью этого механизма, как нам представляется, было решение ряда вопросов только через Департамент полиции МВД. Это загружало его делопроизводство, растягивало сроки рассмотрения документов и принятия решений.

Главным недостатком полицейского надзора, вскрывшемся при практическом решении задач, ради которых он вводился, являлась его низкая оперативность. Вызвано это было и общим бюрократизмом, и спецификой полицейского делопроизводства, и, наконец, слабостью технических средств связи. Все рапорта и донесения подавались в письменном (рукописном) виде, пересылались обычной почтой, и не всегда почта из уездов быстро приходила в губернский город. Но на уровне одной губернии эта проблема стояла не так остро. Более сложной ситуация становилась тогда, когда вопрос должен был решаться через Департамент полиции МВД. С этим МВД пыталось бороться, циркулярно сообщая на места о необходимости не задерживать сбор сведений. Но их доставка и сроки уже не зависели от полицейских.

Телефонов к началу XX в. в уездных полицейских управлениях не было, курьерской службы тоже, сами чины полиции не могли часто отлучаться в губернский город. Так, 4 апреля 1901 г. Департамент полиции МВД отмечал, что из ведомостей о розыске лиц, состоявших под гласным и особым надзором полиции, усматривалось, что они доставлялись в департамент лишь по истечении нескольких месяцев после совершения побега. Из-за таких запоздалых извещений меры по розыску часто являлись безрезультатными. Поэтому предписывалось о каждом исчезновении поднадзорных лиц немедленно доводить до сведения начальника губернского жандармского управления. Об этом же курский губернатор уведомлял начальников полицейских управлений⁶⁹.

7 ноября 1901 г. Департамент полиции МВД обращал внимание губернаторов на недостатки в деле полицейского надзора. В первую очередь, отмечалась несвоевременность подачи списков прибывавших под надзор из других губерний. В самих документах сведения о поднадзорных были неполными, нередко отсутствовало даже указание на то, с какого времени исчислялся срок надзора. Нарушался трехмесячный срок подачи списка на поднадзорного до окончания срока надзора и отсутствовали сведения о его поведении, что затрудняло решение вопроса о продлении надзора или установлении каких-либо ограничений (например, в праве избрания места жительства). Наконец, не присылались сразу дополнительные

ведомости о новом поднадзорном с момента его прибытия на новое место. Все это обременяло Департамент полиции МВД лишней перепиской, дублированием сведений, что в итоге, по заключению руководства департамента, «препятствовало своевременному и правильному осуществлению надзора». Начальникам губерний предлагалось дать обязательное распоряжение, чтобы все соответствующие циркуляры «исполнялись неукоснительно»⁷⁰.

Общая полиция являлась исполнительным органом полицейского надзора и взаимодействовала с губернскими жандармскими управлениями. Это взаимодействие сводилось прежде всего к предоставлению политической полиции сведений о прибытии и выбытии поднадзорных лиц, об их месте проживания, поведении, случившихся происшествиях и т.д.⁷¹

К тому же чины общей полиции в силу их немногочисленности могли собирать только общеизвестные, легко доступные сведения о поднадзорных, но никак не могли уследить за их тайной противоправительственной деятельностью, тем более если та была хорошо организована и законспирирована.

В силу этих очевидных обстоятельств Департамент полиции МВД стремился усовершенствовать такой инструмент контроля над «неблагонадежными» подданными, как полицейский надзор. В частности, циркуляром министра внутренних дел В.К. Плеве от 10 января 1904 г. (ровно за год до «Кровавого воскресенья») «Положение о негласном надзоре полиции» (от 1 марта 1882 г.) и развивающие его документы были отменены, а установление и осуществление негласного надзора были изъяты из ведения общей полиции и переданы губернским жандармским управлениям и охранным отделениям⁷².

Примечания

¹ *Реент Ю.А.* Общая и политическая полиция России (1900 – 1917 гг.). Рязань, 2001.

Reent Yu.A. Obshchaya i politicheskaya politsiya Rossii (1900 – 1917 gg.). Ryazan, 2001.

² *Кручинин В.Н.* Становление и развитие законодательной базы организации и деятельности полиции России. Воронеж, 2002.

Kruchinin V.N. Stanovlenie i razvitie zakonodatelnoy bazy organizatsii i deyatelnosti politzii Rossii. Voronezh, 2002.

³ *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков, 1880 – 1904 гг. М., 2010; *Овченко Ю.Ф.* Безопасность империи: Политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880 – 1917 гг. М., 2012.

Ovchenko Yu.F. Moskovskaya okhranka na rubezhe vekov, 1880 – 1904 gg. Moscow, 2010; *Ovchenko Yu.F.* Bezopasnost imperii: Politicheskii rozysk – sredstvo

obespecheniya bezopasnosti Rossiyskogo samoderzhaviya, 1880 – 1917 gg. Moscow, 2012.

⁴ *Мыциков А.Т.* Из истории жандармского полицейского надзора на Юго-восточных железных дорогах // Российская цивилизация: история и современность. Вып. 1. Воронеж, 1998. С. 129–143.

Mytsikov A.T. Iz istorii zhandarmskogo politseyskogo nadzora na Yugo-vostochnykh zheleznykh dorogakh // Rossiyskaya tsivilizatsiya: istoriya i sovremennost. Vol. 1. Voronezh, 1998. P. 129–143.

⁵ *Токарева С.Н.* Полицейский надзор в Российской империи // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 94–104.

Tokareva S.N. Politseyskiy nadzor v Rossiyskoy imperii // Voprosy istorii. 2009. No. 6. P. 94–104.

⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 116. Л. 442–442 об.

State Archive of Russian Federation (GA RF). F. 102. Op. 260. D. 116. L. 442–442v.

⁷ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е (ПСЗРИ-3). Т. II. № 730.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: Sobranie 3-e (PSZRI-3). Vol. II. # 730.

⁸ Продолжение Свода законов Российской Империи. Ч. 3. СПб., 1906; Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1876.

Prodolzhenie Svoda zakonov Rossiyskoy Imperii. Vol. 3. St. Petersburg, 1906; Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestupleniy. St. Petersburg, 1876.

⁹ Полицейский надзор: Руководство по осуществлению подследственного, судебного и административного надзоров. Ломжа, 1913. С. 67–86.

Politseysky nadzor: Rukovodstvo po osushchestvleniyu podsledstvennogo, sudebnogo i administrativnogo nadzorov. Lomzha, 1913. P. 67–86.

¹⁰ Хрестоматия по истории государства и права России. М., 1997. С. 259–262.

Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii. Moscow, 1997. P. 259–262.

¹¹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 8.

State Archive of Kursk oblast (GAKO). F. 1. Op. 1. D. 9671. L. 8.

¹² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9675. Л. 1.

GAKO. F. 1. Op. 1. D. 9675. L. 1.

¹³ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9708. Л. 1, 2, 5.

GAKO. F. 1. Op. 1. D. 9708. L. 1, 2, 5.

¹⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 7, 51–51 об.

GAKO. F. 1. Op. 1. D. 9671. L. 7, 51–51v.

¹⁵ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9622. Л. 1, 7, 21, 24.

GAKO. F. 1. Op. 1. D. 9622. L. 1, 7, 21, 24.

¹⁶ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9622. Л. 1–1 об.; Об усилении полицейского надзора в районах промышленных заведений от 1899 г. // Владимирские губернские ведомости. 1899. № 16.

GAKO. F. 1. Op. 1. D. 9622. L. 1–1v.; Ob usilenii politseyskogo nadzora v rayonakh promyshlennykh zavedeniy ot 1899 g. // Vladimirskie gubernskie vedomosti.

1899. No. 16.

¹⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отд. первый. 2-е полугод. СПб., 1910. № 2155.

Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitelstva. Otd. pervyy. 2-e polugod. St. Petersburg, 1910. No. 2155.

¹⁸ Право: Ежедневная юридическая газета. 1903. № 44. С. 2469–2541.

Pravo: Ezhenedelnaya yuridicheskaya gazeta. 1903. No. 44. P. 2469–2541.

¹⁹ ПСЗРИ-3. Т. VI. № 3535, 3994.

PSZRI-3. Vol. VI. No. 3535, 3994.

²⁰ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9813. Л. 1–2 об.

GAKO. F. 1. Op. 1. D. 9813. L. 1–2v.

²¹ Устав о содержащихся под стражей. Казань, 1903. С. 237.

Ustav o soderzhashchikhsya pod strazhey. Kazan, 1903. P. 237.

²² Полицейский надзор: Руководство по осуществлению подследственного, судебного и административного надзоров. С. 37.

Politseysky nadzor: Rukovodstvo po osushchestvleniyu podsledstvennogo, sudebnogo i administrativnogo nadzorov. P. 37.

²³ Там же. С. 40–41.

Ibidem. P. 40–41.

²⁴ ПСЗРИ-3. Т. II. № 730.

PSZRI-3. Vol. II. No. 730.

²⁵ Полицейский надзор: Руководство по осуществлению подследственного, судебного и административного надзоров. С. 42–43, 64.

Politseysky nadzor: Rukovodstvo po osushchestvleniyu podsledstvennogo, sudebnogo i administrativnogo nadzorov. P. 42–43, 64.

²⁶ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 120.

GAKO. F. 1. Op. 1. D. 9671. L. 120.

²⁷ ПСЗРИ-3. Т. II. № 730.

PSZRI-3. Vol. II. No. 730.

²⁸ Там же.

Ibidem.

²⁹ Полицейский надзор: Руководство по осуществлению подследственного, судебного и административного надзоров. С. 45.

Politseysky nadzor: Rukovodstvo po osushchestvleniyu podsledstvennogo, sudebnogo i administrativnogo nadzorov. P. 45.

³⁰ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 154. Л. 4.

GAKO. F. 1642. Op. 1. D. 154. L. 4.

³¹ ПСЗРИ-3. Т. II. № 730.

PSZRI-3. Vol. II. No. 730.

³² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9674. Л. 1–4 об., 6, 8, 9, 13, 16–17, 19, 25, 26, 31, 32, 34, 36.

GAKO. F. 1. Op. 1. D. 9674. L. 1–4v., 6, 8, 9, 13, 16–17, 19, 25, 26, 31, 32, 34, 36.

³³ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9620. Л. 1, 5.

GAKO. F. 1. Op. 1. D. 9620. L. 1, 5.

³⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9740. Л. 1–4об.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9740. Л. 1–4v.

³⁵ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9837. Л. 1, 4–7, 9.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9837. Л. 1, 4–7, 9.

³⁶ Проект уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1871. С. 117.
Projekt ulozheniya o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitelnykh, vnesenny v 1844 godu v Gosudarstvenny sovet, s podrobnym oznacheniem osnovany kazhdogo iz vnesennykh v sey proekt postanovleniy. St. Petersburg, 1871. P. 117.

³⁷ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 39.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 39.

³⁸ ГАКО. Ф. 33. Оп. 31. Д. 1611. Л. 38–40об.
ГАКО. Ф. 33. Оп. 31. Д. 1611. Л. 38–40v.

³⁹ Полицейский надзор: Руководство по осуществлению подследственного, судебного и административного надзоров. С. 52.
Politseysky nadzor: Rukovodstvo po osushchestvleniyu podsledstvennogo, sudebnogo i administrativnogo nadzorov. P. 52.

⁴⁰ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9859. Л. 1, 7, 14–14об., 17, 19, 20.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9859. Л. 1, 7, 14–14v., 17, 19, 20.

⁴¹ Полицейский надзор: Руководство по осуществлению подследственного, судебного и административного надзоров. С. 61–62.
Politseysky nadzor: Rukovodstvo po osushchestvleniyu podsledstvennogo, sudebnogo i administrativnogo nadzorov. P. 61–62.

⁴² ПСЗРИ-3. Т. II. № 730.
PSZRI-3. Vol. II. No. 730.

⁴³ Право: Еженедельная юридическая газета. 1913. № 20. С. 1265–1269.
Pravo: Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta. 1913. No. 20. P. 1265–1269.

⁴⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 189–189об., 190, 199–201, 203–204, 258–259, 261–265, 267, 269, 270, 275.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 189–189v., 190, 199–201, 203–204, 258–259, 261–265, 267, 269, 270, 275.

⁴⁵ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9657. Л. 228, 289–291, 322–326.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9657. Л. 228, 289–291, 322–326.

⁴⁶ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9734. Л. 1, 14.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9734. Л. 1, 14.

⁴⁷ ПСЗРИ-3. Т. II. № 730.
PSZRI-3. Vol. II. No. 730.

⁴⁸ Там же.
Ibidem.

⁴⁹ Там же.
Ibidem.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 20. II д/п. Д. 282. Л. 1–494.
GA RF. F. 102. Op. 20. II d/p. D. 282. L. 1–494.

⁵¹ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 14466.
ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 14466.

⁵² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9852. Л. 1–4об.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9852. Л. 1–4v.

⁵³ ПСЗРИ-3. Т. 24. Ч. 1. № 25014.
PSZRI-3. Vol. 24. Ch. 1. No. 25014.

⁵⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9834. Л. 14, 16.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9834. Л. 14, 16.

⁵⁵ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9859. Л. 1, 7, 14–14об., 17, 19, 20.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9859. Л. 1, 7, 14–14v., 17, 19, 20.

⁵⁶ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9835. Л. 2об.–3, 7, 10, 11, 15.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9835. Л. 2v.–3, 7, 10, 11, 15.

⁵⁷ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9857. Л. 1, 9, 28, 31–34.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9857. Л. 1, 9, 28, 31–34.

⁵⁸ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9746. Л. 7–8, 23.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9746. Л. 7–8, 23.

⁵⁹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 10.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 10.

⁶⁰ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 1, 4.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 1, 4.

⁶¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 66.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 66.

⁶² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 25.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 25.

⁶³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 319. Л. 3–4.
ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 319. Л. 3–4.

⁶⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9895. Л. 5.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9895. Л. 5.

⁶⁵ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 28.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 28.

⁶⁶ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9618. Л. 1, 15.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9618. Л. 1, 15.

⁶⁷ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9621. Л. 1, 15.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9621. Л. 1, 15.

⁶⁸ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9619. Л. 1, 20.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9619. Л. 1, 20.

⁶⁹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 39, 42.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 39, 42.

⁷⁰ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 120–120об.
ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 120–120v.

⁷¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 149. Л. 16, 89, 101, 142, 303.
ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 149. Л. 16, 89, 101, 142, 303.

⁷² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 116. Л. 442–442об.
GA RF. F. 102. Op. 260. D. 116. L. 442–442v.

**«ТЕПЕРЬ НЕСЛЫХАННОЕ В ВЕКА
ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ НАСТУПИЛО»:
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ЯКУТСКОЙ АССР (1928 – 1945 гг.)**

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для населения СССР. Пострадали, несомненно, все регионы страны. Однако последствия войны для Якутской АССР имели специфику, связанную, прежде всего, с природно-климатическими, географическими, социально-экономическими и некоторыми другими факторами, которые усугубили положение ее жителей, что сказалось на демографической ситуации в республике.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения этих факторов и осмысления их воздействия на демографические процессы в республике. В качестве источников нами были использованы хранящиеся в федеральных и республиканских архивах статистические и отчетные материалы о демографических и социально-экономических процессах, протекавших в Якутии.

* * *

Якутия и ее экстремальные природно-климатические условия известны всему миру. Резко-континентальный климат характерен зимой низкими, продолжительными температурами, а летом – наоборот, высокими температурами, которые часто оборачиваются для сельского хозяйства засухой и неурожаем (правда, иногда лето выдается прохладным и дождливым, что опять-таки при наличии многолетней, «вечной» мерзлоты чревато затоплением сенокосных участков, а для зерновых культур – неурожаем).

Накануне Великой Отечественной войны, в 1939–1940 гг., в Якутии также случились неурожай и засуха, которые имели свое продолжение вплоть до 1943 г. Это, конечно, усугубило ситуацию с продовольствием. Однако проведение накануне войны «второй волны» коллективизации, а вместе с ней и нового расселения, создания сети новых поселков (так называемого поселкования) в 1939–1940 гг., ужесточение административно-командных методов управления экономикой оказались теми факторами, которые явились главными причинами ухудшения положения сельского населения республики в военные годы.

Курс на коллективизацию в республике не привел к каким-либо

значимым положительным результатам, как и во многих областях страны. В документах того времени указывается на перегибы в обобществлении скота личного пользования, что привело к сокращению поголовья крупного рогатого скота с 1928 по 1938 гг. на 13 %¹. Перегибы и ошибки в отношении сельского населения Якутской республики были отмечены на самом высоком уровне – постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 сентября 1932 г. «Об извращениях политики партии на Крайнем Севере»², после чего Якутский обком ВКП(б) ряд лет придерживался лояльной политики по отношению к крестьянству вплоть до 1939 г.

Назначение в 1939 г. первым секретарем Якутского обкома ВКП(б) И.Л. Степаненко привело к форсированию темпов коллективизации и поселкования, изменению политики в отношении крестьянства: И.Л. Степаненко приехал в феврале 1939 г. из Москвы со своей «командой», практически не знавшей местных условий и занявшей ключевые позиции в структуре местного руководства, а бывший первый секретарь Якутского обкома ВКП(б) П.М. Певзник был репрессирован³.

К приезду И.Л. Степаненко ситуация в селах с только образованными колхозами была запущенной. Из 889-ти колхозов, созданных в 18-ти южных районах республики на 1 января 1939 г., 176 колхозов совершенно не имели обобществленного крупного рогатого скота, а в 215-ти колхозах размер поголовья обобществленного скота не превысил и 10 голов⁴. То есть почти половина колхозов (44 %) не имела должного количества скота, чтобы называться колхозами.

Как было установлено проверкой, начатой новым партийным руководством, жители сельских местностей в некоторых районах становились колхозниками лишь на бумаге, не обобществляя свой скот. Например, в Вилюйском районе приступили к коллективизации в 1935–1936 гг., и было коллективизировано, по официальным итоговым документам, 80 % хозяйств. Но когда стали разбираться в том, что собой представляют эти колхозы, то выяснилось, что из 70-ти колхозов половина оказались, по существу, не колхозами: они имели по одной корове, и некоторые из них не имели хотя бы одной лошади, а земли обрабатывались мотыгами. То есть люди вступали в колхозы и при этом не отдавали в колхозную собственность ни одной коровы, ни одной лошади, входили «бескоровными» и «безлошадными», хотя они имели скот в личном пользовании. Колхозников можно было понять: даже по нормам «Устава сельскохозяйственной артели» они имели право сохранять за собой до 37 голов скота, но таковых уже к этому времени почти не было.

Такая практика вовлечения людей в колхозы проводилась несколько лет. Районные партийные организации, как правило, указывали на недостатки в организации колхозов, просили поддержки у обкома партии и Наркомзема РСФСР, но безрезультатно.

В 1937 г. с проверкой из Наркомзема РСФСР в Нюрбинский район приезжал работник наркомата Ермалюк. Ему также указали на недостатки подобного рода, однако он «начал успокаивать, что это еще не так страшно, а в других районах есть хуже»⁵. Более того, известно, что в Горном районе бывший начальник районного Земельного отдела Корякин смог провести обобществление скота, за что его исключили из партии⁶.

Характерно и то, что за один 1939 г. было вовлечено в колхозное производство около 20 тыс. сельчан, ранее не работавших в колхозах⁷. Если по переписи населения 1939 г. (перепись была проведена в начале года) было 88,4 тыс. колхозников⁸, а за 1939 г. было еще вовлечено около 20 тыс.⁹, то получается, что в колхозах до 1939 г. не работал почти каждый четвертый (и это в лучшем случае, так как многие колхозы, а значит и колхозники, являлись таковыми лишь на бумаге).

Эти факты говорят о том, что прежняя, относительно сбалансированная политика местных властей по отношению к якутскому крестьянству была оценена новым партийным руководством республики как ведущая к запаздыванию процессов коллективизации и обобществления скота, имевшегося у сельчан, а также как медленные темпы ликвидации мелкобуржуазных собственнических тенденций. (Вообще, начало процесса массового производственного объединения единоличных хозяйств в Якутии и темпы коллективизации запаздывали по сравнению с центральными областями страны¹⁰).

Все эти обстоятельства пагубно сказались на колхозном крестьянстве, которое встретило военные испытания крайне обессиленным и маломощным: в напех образованных колхозах, без должного налаженного колхозного производства в условиях нового расселения (поселкования) и фактически мизерным поголовьем скота личного пользования, так как большую часть поголовья пришлось отдать в колхозы, чтобы избежать насильственного раскулачивания.

Кроме того, в целом, коллективизация означала принципиальное изменение положения крестьян в системе общественного производства. В ходе коллективизации единоличные хозяйства должны были иметь общие средства производства, общую собственность, индивидуальный труд постепенно сменялся коллективным. Формирование нового отношения к труду как к коллективной деятельности, становление общественного характера труда и осуществление принципа его всеобщности были особенно сложны для якутян. Никогда не стремившиеся к продолжительному совместному труду якуты, родившиеся и выросшие в дореволюционное время, в беседах с политическим ссыльным, этнографом В.Л. Серошевским категорически откровенничались от идей постоянных артелей. «Для этого нужно, чтобы люди были ангелы!», «Люди бывают разные: ленивые и работающие, совестливые и бессовестные», «Мы выигрыша в карты

поделить не можем, а ты хочешь, чтобы мы делили сено, молоко, масло, заработанные деньги – мы непременно подеремся», – говорили они¹¹.

* * *

Поселкование, проходившее одновременно с коллективизацией, было еще далеко от завершения (оно завершилось только к 1960 г.).

Коренное население испокон веков занималось преимущественно скотоводством, потому проживало семьями, разбросанными по аласам – типичным для равнинной Якутии геологическим образованиям. (Алас представляет собой вытянутую пологосклонную и плоскодонную ложбину овальной формы диаметром до нескольких километров и глубиной до 30 м.; образуется при вытаивании подземных льдов (термокарст), усадке грунта и горных пород и т.д.; низина аласа обычно покрыта заболоченным озером, а склоны — лугово-степной растительностью¹²). Весьма обстоятельно изучил эту проблему, связанную с поселкованием, якутский историк И.А. Аргунов, который утверждает, что до коллективизации характер расселения сельского якутского населения был «распыленно-сезонным»¹³. Заготовка сена для содержания скота в отдаленных друг от друга мелкоконтурных участках земли, использование лоскутных клочков пастбищ принуждали единоличные хозяйства к сезонным перемещениям.

В 1926 г. в сравнительно густонаселенном Якутском округе в более чем 20 % населенных пунктах проживало по одной семье, а в 60 % – не более трех. Например, схема расположения и обслуживания населения II Жемконского наслега Западно-Кангаласского улуса выглядела следующим образом. Площадь этого пригородного наслега охватывала четырехугольник длиной 90 верст и шириной около 10 верст вдоль береговой линии Лены. Однако и при таких размерах в наслеге было несколько десятков населенных мест. Школа находилась в центре наслега, кредитное товарищество и изба-читальня – в 40 верстах при центральной школе, ветеринарный пункт – в 90 верстах в Якутске, почта, фельдшерский пункт и лавка потребительского общества располагались в селе Покровском, в 8 км от центра наслега¹⁴.

При этом многочисленные населенные пункты не были постоянными, и население находилось в подвижном состоянии. «Только одна четверть всех якутских хозяйств с трудом может быть признана оседлой, – писал исследователь М.К. Расцветаев в 1932 г. – А свыше половины населения представляет собой еще совершенно неустойчивую подвижную массу, месторасположение которой на одном месте продолжается лишь в пределах от одного до десяти лет»¹⁵.

Причины подвижности сельского населения Якутии в конце 1920 – начале 1930-х гг. М.К. Расцветаев делил на три группы.

Первая – организационные: передвижения внутри наслега вследствие получения нового надела, постройки нового дома. Вторая – технические: для удобства занятий земледелием, приближения к сенокосам, пастбищам и водоемам. По нашему мнению, к техническим можно отнести и причины, связанные с частыми неурожаями и засухами, когда население было вынуждено искать лучший травостой и сенокосные угодья для своего скота. Третья – социально-экономические: отсутствие своей усадьбы, поиск заработка, образование нового хозяйства батраками, слияние хозяйств. Однако подвижность якутских семей, как справедливо подчеркивал М.К. Расцветаев, нельзя отождествлять с кочеванием, ибо передвижение, как правило, ограничивалось пределами наслега. Главное же отличие в том, что перемещалось отдельное хозяйство, а не наслег, который продолжал оставаться вполне неподвижным¹⁶.

Перестройка сельского расселения в Якутии началась с конца 1920-х гг. При проведении земельного передела 1929 г. предполагалось начинать перераспределение земель с выбора мест под поселки, по которым нужно было ориентироваться при отводе сельскохозяйственных угодий. Первые поселки появились на бывших усадьбах тойонов (богатых, зажиточных людей). В 1931 г. поселкование было начато в 32-х колхозах, которые стали сооружать на новом месте животноводческие фермы, жилые дома, школьные здания, больницы. Однако в 1930-е гг. карликовые, маломощные (в общем-то «бумажные») колхозы не смогли внести существенных изменений в сельскую поселенческую структуру, приостановить сезонные передвижения населения¹⁷.

Производственная маломощность первых сельскохозяйственных артелей Якутии объяснялась рядом объективных и субъективных причин.

Это, прежде всего, – особенности традиционной хозяйственной деятельности населения. Территориальная разбросанность покосных участков, пашен и связанное с этим разобщенное, чаще всего односемейное расселение крайне затрудняли объединение единоличных хозяйств. Из-за сильной расчлененности рельефа, незначительности открытых аласных угодий, узости полосы речных террас в Якутии очень редки крупные сплошные массивы сенокосных угодий. В связи с этим площадь под зерновые увеличивалась в основном за счет раскорчевки леса, и пашни единоличных хозяйств оставались разбросанными мелкими лоскутками среди огромного таежного пространства. К этому следует добавить отсутствие проезжих дорог между отдельными угодьями¹⁸.

Ломка веками сложившегося традиционного расселения была сложным процессом, требовавшим большой организационной перестройки и развертывания в невиданных ранее масштабах строительных работ на селе. При выборе места для новых поселков нужно было учитывать, чтобы территориальное расположение соответствовало требованиям к

хозяйственному центру, чтобы там были пригодная для строительства нового села обширная площадь с хорошим грунтом, надежный и качественный источник водоснабжения и т.д. При острой нехватке специалистов (землеустроителей, агрономов, зоотехников, инженеров-строителей, врачей и среднего медицинского персонала) в 1930-е гг. комплексная оценка пригодности угодий под поселки была затруднена и затягивалась. К тому же, было нелегко преодолеть устоявшуюся приверженности населения, особенно мужчин, к изолированному аласному образу жизни, инерцию уединения в микросфере патриархальной семьи с ее традиционной иерархией во главе с хозяином¹⁹.

При организации новых поселков кое-где принимались необдуманные волевые решения, допускался случайный выбор местонахождения колхозных центров. Так, в Усть-Алданском районе решили построить для всех членов коллективного хозяйства один дом-общедомовое, и специальная бригада стала сносить индивидуальные постройки. В Тимптонском районе поселкование подменили сселением колхозников поближе к районному центру и автомобильной дороге, расположенным вдали от их сельскохозяйственной базы – сенокосов, выпасов – и охотничьих угодий. При обследовании строящихся колхозных поселков в Намском районе было обнаружено, что центры пяти колхозов намечено разместить на совершенно непригодных участках, без предварительной проверки грунта, качества и запасов воды²⁰.

Поселкование в республике, повторимся, шло одновременно с процессами коллективизации, и в 1941 г. им было охвачено более половины всех колхозов, при этом в новых поселках располагалась только пятая часть всех хозяйств сельских районов²¹. Получается, что к началу войны люди были расселены в новых поселках по принципу сселения нескольких семей, а часть из них (очевидно, большая) вынуждена была жить в наскоро построенных юртах, приспособленных нежилых помещениях – амбарах, сараях. Колхозники обязаны были своими силами, во внеурочное время, перенести свои старые жилые помещения, но не всем это удавалось.

* * *

Проведенная сплошная коллективизация должна была повысить производительность сельскохозяйственного производства. Но проведенная в спешке, административно-командными методами, она не привела к повышению производительности труда и улучшению благосостояния крестьян – наоборот, усугубила положение колхозного населения. Например, в Якутии катастрофически не хватало скотопомещений (хлебов) для обобществленного скота, и вследствие неприемлемых условий содержания он погибал²². Для того чтобы восполнить падеж поголовья

общественного стада, его «покупали» за гроши у тех же колхозников, еще до войны лишенных большей части своего скота.

Все эти обстоятельства, связанные с организацией колхозного производства, послужили фактором, отягчающим социально-экономическое положение в Якутии, прежде всего положение сельского населения, фактически оказавшегося без былого традиционного «резервного фонда» в условиях засухи – запаса мясных продуктов. Здесь важно отметить, что в рационе питания у коренных жителей Якутии практически отсутствовали привычные для России продукты (каши, овощи, фрукты и даже картофель); как правило, рацион состоял из мяса, молока, кисломолочных продуктов, масла и лепешки, летом – рыбы.

Такое положение привело к чрезвычайно высокой смертности населения Якутии в годы Великой Отечественной войны.

Продовольственный вопрос в республике в годы войны встал очень остро: сельское население, будучи вне системы государственного обеспечения, было поставлено на грань вымирания. Об этом свидетельствует постановление ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1943 г. «Об ошибках в руководстве сельским хозяйством Якутского обкома ВКП(б)», которому предшествовала проверка группы руководящих работников Наркозема РСФСР, Наркомздрава РСФСР и Наркомфина РСФСР во главе с заместителем председателя Совнаркома РСФСР А.Н. Суховым, проведенная в октябре 1942 г. в связи с получением анонимного заявления о систематическом голоде населения республики. В постановлении констатировалось, что «обком ВКП(б) допустил ошибку в том, что беззаботно отнесся к проведению устава сельскохозяйственной артели в части правильного сочетания личного и общественного хозяйства, вследствие чего произошло сокращение скота в личном пользовании колхозников по крупному рогатому скоту с 150 тыс. голов на 1.01.1941 г. до 48 тыс. голов на 1.01.1943 г., и у значительной части колхозников не имеется скота личного пользования»²³.

В материалах комиссии А.Н. Сухова, сохранившихся в РГАСПИ, ярко и в полной мере отразилось полуразвалившееся состояние коллективизированного сельского хозяйства Якутии и тяжелое положение сельского населения республики.

Комиссией констатировалось, что еще до войны оплата на трудодни в республике была мизерной: мясо и масло не выдавались, а размер выдаваемой продукции сокращался. Уже в 1939 г. оплата на трудодни состояла из денег, зерна и соломы, а в 1940 г. – из денег, зерна и картофеля. В военные 1941 и 1942 гг. оплата колхозникам выразилась в деньгах, размер которых был в три раза меньше уровня 1938 г., а выдаваемые в 1941 г. сено и солома почти в 10 раз были меньше показателя 1938 г. Отсутствие оплаты натурой (продовольственными товарами) в 1941

и 1942 гг. привело к катастрофическому положению жителей сельской местности²⁴.

И в колхозе им. Каландаришвили Якутского района, до 1938 г. считавшимся одним из лучших в республике, положение было сложным. На трудодни в 1942 г. колхозники ничего не получили. Учет трудодней в 1943 г. правлением колхоза вообще не велся ввиду отсутствия продукции и денег. В колхозе в течение 1942 г. сменилось три председателя, три счетовода, пять завхозов. Если в 1938 г. в личном пользовании у колхозников было не менее 10 голов в каждом хозяйстве, то в мае 1943 г. из 90 колхозных хозяйств только в 20-ти имелось по одной корове. Колхозница Федорова говорила: «Наш колхоз совсем развалился. На трудодни ничего не получаем. Даже не знаем, сколько нам в 1942 г. начислено трудодней. Правление колхоза собрания собирают только по вопросам о займе, а колхозные вопросы решает без колхозников... Если так будет продолжаться дальше, то не знаю, как мы будем существовать»²⁵.

Других колхозники высказывались не менее откровенно. Так, член колхоза им. Сталина Якутского района Куприянов говорил: «Были у меня раньше две коровы, я их в последние годы зарезал и съел, так как четыре года в нашем колхозе ничего на трудодни не дают. Приусадебный участок земли я не обрабатываю потому, что нет времени, да в колхозе смотрят на это отрицательно. Нам руководители говорят, что надо работать в колхозном производстве, а не у себя». Колхозник Д.Е. Федотов так рассказывал о колхозной жизни: «При вступлении в колхоз я имел до 20-ти голов скота в личном пользовании. Много скота обобществил, а остальное количество я постепенно забивал и поедал, так как на заработанные трудодни никогда ничего не распределяют. Я работаю в колхозе и до сих пор жил за счет личного скота. Теперь его у меня нет. Как дальше жить буду, не знаю...». В Орджоникидзевском районе член колхоза им. К. Маркса Абрамов заявил: «Я лично до 1938 г. имел восемь голов скота, а сейчас имею только одну корову. И ее не знаю, как прокормить. Остальной скот за неимением сена продал или забил на мясо. Причем в 1940 и 1941 гг. две коровы променял колхозу на четыре воза сена...»²⁶. Подобные суждения и настроения были широко распространены среди колхозников.

НКВД Якутской АССР также сообщал о создавшемся тяжелом положении в ряде колхозов Мегино-Кангаласского и Усть-Алданского районов. Так, в июне 1942 г. выяснилось, что некоторые члены колхозов и их семьи прибегали к употреблению в пищу древесной коры с добавлением незначительного количества муки. Были случаи опухания и смертности колхозников от недоедания и истощения. Притом, голодали и семьи красноармейцев²⁷.

Такова была ситуация в колхозах Якутского, Орджоникидзевского и других районов, расположенных в самом центре республики, рядом со

столицей – Якутском.

В районах же, находящихся далеко от каких-либо административных центров, ситуация складывалась еще хуже.

В марте 1943 г. комиссия, возглавляемая оперуполномоченным Верхневилуйского районного отдела НКВД Якутской АССР сержантом госбезопасности Хоменко, проинспектировала семью многодетной матери Евдокии Михайловны Ефимовой, члена колхоза им. Сталина. Было констатировано, что дом Е.М. Ефимовой находится в 100 м от здания наследного совета. Далее в докладной записке говорится: «Дом напоминает хотон [Помещение для скота. – С.С.] без окон, стены просвечивают. Дров не имеется. Поэтому температура достигает до –2° С. Помещение грязное. Сама хозяйка (45 лет) лежит в болезненном состоянии от истощения, опухшая. От голода умерли ее муж и двое детей. Осталось пятеро детей, из которых двое ушли из дома искать пропитания и неизвестно, где находятся. Из продовольствия имеется только вода. Колхоз помогает семье сепараторным молоком (обезжиренным), которое выдают из расчета на шесть человек 3 литра в день. Все оставшиеся в живых члены семьи – мать и раздетые дети сидят у камелька открытой печки...»²⁸.

Кроме того, этой же комиссией были найдены захоронения людей, умерших от голода. В частности, в местности «Тылькан», относящейся также к колхозу им. Сталина Сургулутского наслега, были обнаружены не похороненными три трупа – Н.С. Савинова (67 лет), А.В. Афонасьева (16 лет), В.А. Афонасьева (41 год). В местности «Багадаса» колхоза им. Калинина в здании также был обнаружен труп Петра Федотова (70 лет) и два погреба с десятью трупами, сваленными в кучу. Все трупы напоминали кости, обтянутые кожей. Умершие лежали в домах и погребках ввиду отсутствия людей, физически способных их похоронить. Создавшуюся ситуацию председатель Сургулутского нассвета З.Б. Борисов объяснил «голодом, потому как в колхозах им. Калинина и им. Сталина несколько лет не было распределений на трудодни»²⁹.

В Нюрбинском районе отмечались случаи отказа от воспитания своих детей ввиду нехватки продуктов питания. А в Хорулинском наслеге в октябре 1941 г. замерз 7-летний мальчик, шедший к родственникам в поисках пищи, поскольку у его родителей вообще никаких продуктов не было³⁰.

Страшное описание голода в Горном районе содержится в дневнике писателя Федора Григорьевича Винокурова-Даадара: «Колхозники не имеют никакого дохода. Поселковая лавка не дает ни грамма муки. Большинство жителей, употребляя голую воду соленых озер, опухло, вынуждено поедать свой последний скот, ходит в лохмотьях. Опухшие от голода люди лишаются рассудка, сходят с ума... Ихняя суточная пища – только покрытые плесенью гальяны [Маленькие рыбки – мундушки. – С.С.],

ихнее одеяло – кожа жеребенка, постель – конская шкура. Ихний разговор только ругань, недовольство, что тот или этот съел больше, или украл его мундушки, или съел его кашу... Их заброшенные жилища обросли сорной травой, вместо скота остались лишь трубы и голые стены; хозяева этих жилищ погибли от голода и холода, и оставшиеся в живых не имеют сил похоронить их... Сегодня в нашем наслеге 50 жителей разошлись, весной до 30 человек опухло от голода и умерло. Об умерших... запрещено говорить, что они умерли от голода. Врачи для погребения дают справку, что они якобы умерли от другой болезни... У нас теперь неслыханное в века тяжелое время наступило»³¹.

Были зарегистрированы и случаи канибализма. 30 апреля 1943 г. нарком внутренних дел Якутской АССР М.И. Савинов сообщал председателю республиканского Совнаркома В.А. Муратову о имевшемся случае людоедства в Хорулинском наслеге Нюрбинского района. В Сунтарском районе в колхозе «15 лет Октября» Кангаласского наслега отец семьи съел труп девочки, умершей от туберкулеза³².

Подобные факты смерти сельчан от голода, истощения отмечались в республике повсеместно. Архивные документы свидетельствуют о голоде, который особенно свирепствовал в южных, так называемых зерновых районах Якутии, пострадавших от засухи.

Некоторые колхозники пытались оставить село и перейти на работу в городские поселения. Так, в июле 1943 г. на заседании бюро Обкома ВКП(б) был рассмотрен вопрос о самовольном отходничестве колхозников. В решении бюро подчеркивалось нарушение членами колхозов постановления ЦИК и СНК СССР от 17 марта 1933 г. «О порядке отходничества из колхозов». Отмечалось, что это создает «мнимых» колхозников, уклоняющихся от колхозного производства, пренебрегающих общественным трудом в своих колхозах, еще более усиливает недостаток рабочей силы, подрывает труд «честных» колхозников, что «исключительно отрицательно» отражается на колхозном производстве. На бюро было принято решение выявить таких колхозников, освободить их от работ и направить обратно в колхозы. Не подлежали возвращению в колхоз только те колхозники, которые за это время смогли приобрести квалификацию, работали мастерами или начальниками цехов на производстве³³.

Специфика положения колхозного крестьянства республики заключалась и в том, что оно не могло использовать свои личные подсобные участки под огород (овощеводство и в настоящее время малоэффективно в Якутии) в отличие от колхозников в других регионах СССР, где они выживали именно благодаря огородам, земельным участкам, находящимся в личном пользовании). Участки, как правило, использовались под хотоны-хлева для скота, хранения сена и выгона скота весной и осенью. Поголовье скота личного пользования забивать было нельзя, так как оно составляло

резервный фонд колхозного поголовья (забивать скот личного пользования на мясо можно было при выполнении колхозом всех обязательств перед государством).

К концу коллективизации ухудшение продовольственного положения и жилищно-бытовых условий в якутских селах уже в 1939 г. пагубно сказалось на демографической ситуации в республике: если уровень рождаемости еще был высок (при традиционном воспроизводстве населения это – обычное явление), то смертность населения значительно возросла. В селах республики в условиях коллективизации, засухи, неурожая и начавшейся Великой отечественной войны она стала чрезвычайно высокой.

Можно предположить, что в 1941–1943 гг. в Якутии умерло только от голода около 26,5 тыс. человек. Это видно из следующих расчетов, произведенных нами на основании целого комплекса статистических источников: в сравнительно благополучных 1937–1938 гг. (в отличие от засушливых, неурожайных 1939–1942 гг.) смертность в среднем составляла 8 тыс. человек ежегодно. Взяв это число за основу, можно предположить, что в случае отсутствия войны и засухи в 1941–1943 гг. смертность могла составить 24 тыс. человек, тогда как фактически она за эти три года составила 50 527 человек. Поэтому число умерших от голода может представить 26,5 тыс. человек ($50,5 - 24 = 26,5$) или 52,5 % от общей смертности 1941–1943 гг. Таким образом, каждый второй человек мог стать жертвой голода³⁴.

Показатели смертности населения в Якутии превысили в 1,9 раза аналогичные данные Сибири и Урала³⁵.

Для полноты картины можно сопоставить известные показатели смертности в Бурят-Монгольской АССР с аналогичными данными по Якутской АССР. Так, смертность (на 1 000 человек) в 1941–1943 гг. в Бурят-Монгольской АССР составила 22,3, 22,4, 18,0, тогда как в Якутской – 37,7, 45,6, 42,0 соответственно. А за 10 месяцев 1944 г. в Бурят-Монгольской АССР – 10,6, тогда как в Якутской за весь 1944 г. – 23,5. Превышение уровня смертности в Якутии над смертностью в Бурятии, зарегистрированной в 1942–1943 гг. (в самый тяжелый период Великой Отечественной войны) составило более чем в 2 раза³⁶.

* * *

Таким образом, проведенное в предвоенное десятилетие насильственная коллективизация, плохо продуманное и организованное поселкование, неблагоприятные погодные условия и неурожай и, наконец, страшные испытания войны были значительно усугублены суровыми условиями Севера. Все эти факторы в своем сочетании катастрофически

сказались на демографической ситуации в Якутской АССР. Население республики, особенно сельское, находясь в глубоком тылу, испытало на себе резкое ухудшение социально-экономического положения и материальных условий жизни, вплоть до голода и обнищания, результатом чего закономерно стали необычайно высокая смертность и глубокие деформации структуры населения по возрасту, полу и другим демографическим показателям.

Примечания

¹ Архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Архив ТО ФСГС по РС(Я)). Статистический бюллетень. № 1 (1922 – 1957 гг.). Сентябрь 1957 г. г. Якутск. Л. 67.

Archive of Territorial Department of Federal State Statistics Service of Republic of Sakha (Yakutia) (Archive TO FSGS RS(Y)). Statisticheskiy byulleten. No. 1 (1922 – 1957 gg.). Sentyabr 1957 g. g. Yakutsk. L. 67.

² Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание, 1927 – 1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930 – 1933. М., 2001. С. 25.

Tragediya sovetskoy derevni: Kollektivizatsiya i raskulachivanie, 1927 – 1939: Dokumenty i materialy. In 5 v. V. 3. Konets 1930 – 1933. Moscow, 2001. P. 25.

³ *Алексеев Е.Е.* Национальный вопрос в Якутии (1917 – 1972). Якутск, 2007. С. 261.

Alekseev E.E. Natsionalnyy vopros v Yakutii (1917 – 1972). Yakutsk, 2007. P. 261.

⁴ Филиал Национального архива Республики Саха (Якутия) (ФНА РС(Я)). Ф. 3. Оп. 182. Д. 191. Л. 43.

Branch of National Archive of Republic of Sakha (Yakutia) (FNA RS (Y)). F. 3. Op. 182. D. 191. L. 43.

⁵ ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 22. Д. 19. Л. 57–58.

FNA RS(Ya). F. 3. Op. 22. D. 19. L. 57–58.

⁶ Там же.

Ibidem.

⁷ Там же. Л. 102.

Ibidem. L. 102.

⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 525. Л. 4.

Russian State Archive of Economy (RGAE). F. 1562. Op. 336. D. 525. L. 4.

⁹ ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 22. Д. 19. Л. 102–107.

FNA RS(Ya). F. 3. Op. 22. D. 19. L. 102–107.

¹⁰ *Аргунов И.А.* Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни). Новосибирск, 1985. С. 189; Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание, 1927 – 1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 4. 1934 – 1936. М., 2002. С. 636; Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения: Краткий очерк истории. М., 1982. С. 306.

Argunov I.A. Sotsialnoe razvitie yakutskogo naroda (istoriko-sotsiologicheskoe

issledovanie obraza zhizni). Novosibirsk, 1985. P. 189; Tragediya sovetskoy derevni: Kollektivizatsiya i raskulachivanie, 1927 – 1939: Dokumenty i materialy. In 5 v. V. 4. 1934 – 1936. Moscow, 2002. P. 636; Kollektivizatsiya selskogo khozyaystva v SSSR: puti, formy, dostizheniya: Kratkiy ocherk istorii. Moscow, 1982. P. 306.

¹¹ *Аргунов И.А.* Указ. соч. С. 191–192.

Argunov I.A. Op. cit. P. 191–192.

¹² Якутия удивительная и загадочная. Якутск, 2009. С. 30.

Yakutiya udivitel'naya i zagadochnaya. Yakutsk, 2009. P. 30.

¹³ *Аргунов И.А.* Указ. соч. С. 207.

Argunov I.A. Op. cit. P. 207.

¹⁴ Там же. С. 208.

Ibidem. P. 208.

¹⁵ *Расцветаев М.К.* Очерки по экономике и общественному быту у якутов. Л., 1932. С. 38–39.

Rastsvetaev M.K. Ocherki po ekonomike i obshchestvennomu bytu u yakutov. Leningrad, 1932. P. 38–39.

¹⁶ *Аргунов И.А.* Указ. соч. С. 208.

Argunov I.A. Op. cit. P. 208.

¹⁷ Там же. С. 209.

Ibidem. P. 209.

¹⁸ Там же. С. 190, 191.

Ibidem. P. 190, 191.

¹⁹ Там же. С. 209.

Ibidem. P. 209.

²⁰ Там же. С. 209, 210.

Ibidem. P. 209, 210.

²¹ Там же. С. 211.

Ibidem. P. 211.

²² ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 182. Д. 179. Л. 68; Д. 185. Л. 44; Оп. 22. Д. 12. Л. 2, 4.

FNA RS(Ya). F. 3. Op. 182. D. 179. L. 68; D. 185. L. 44; Op. 22. D. 12. L. 2, 4.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 344. Л. 103.

Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 17. Op. 117. D. 344. L. 103.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 375. Л. 3.

RGASPI. F. 17. Op. 117. D. 375. L. 3.

²⁵ Там же. Л. 7.

Ibidem. L. 7.

²⁶ Там же.

Ibidem.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 125. Л. 93, 94.

RGASPI. F. 17. Op. 123. D. 125. L. 93, 94.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 375. Л. 15.

RGASPI. F. 17. Op. 117. D. 375. L. 15.

²⁹ Там же.

Ibidem.

³⁰ ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 103. Д. 62. Л. 41–43.

FNA RS(Ya). F. 3. Op. 103. D. 62. L. 41–43.

³¹ *Алексеев Е.Е.* Голод и борьба с ним // Великая Отечественная: значение и уроки победы. Якутск, 1995. С. 110–111.

Alekseev E.E. Golod i borba s nim // Velikaya Otechestvennaya: znachenie i uroki pobedy. Yakutsk, 1995. P. 110–111.

³² Там же. С. 112.

Ibidem. P. 112.

³³ ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 184/54. Д. 228. Л. 15.

FNA RS(Ya). F. 3. Op. 184/54. D. 228. L. 15.

³⁴ ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 333. Л. 259–261; Д. 383. Л. 206–211; Д. 332. Л. 123–124; Д. 442. Л. 224; Ф. А-374. Оп. 11. Д. 40. Л. 96; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 151. Л. 170; Архив ТО ФСГС РС(Я). Ф. 70. Оп. 1. Д. 34. Л. 260–263; *Петров Д.Д.* Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2. Трудящиеся Якутии в тылу. Якутск, 1992. С. 299; *Аргунов И.А.* Указ. соч. С. 273; Народ саха от века к веку: Очерки истории. Новосибирск, 2003. С. 250–251.

State Archive of Russian Federation (GA RF). F. A-374. Op. 23. D. 333. L. 259–261; D. 383. L. 206–211; D. 332. L. 123–124; D. 442. L. 224; F. A-374. Op. 11. D. 40. L. 96; RGAЕ. F. 1562. Op. 329. D. 151. L. 170; Arkhiv TO FSGS RS(Ya). F. 70. Op. 1. D. 34. L. 260–263; *Petrov D.D.* Yakutiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. V. 2. Trudyashchiesya Yakutii v tylu. Yakutsk, 1992. P. 299; *Argunov I.A.* Op. cit. P. 273; Narod sakha ot veka k veку: Ocherki istorii. Novosibirsk, 2003. P. 250–251.

³⁵ *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 158–159.

Isupov V.A. Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki. Novosibirsk, 2000. P. 158–159.

³⁶ *Цыретарова Б.Б.* Социальная политика в Бурятии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Улан-Удэ, 2010. С. 25.

Tsyretarova B.B. Sotsialnaya politika v Buryatii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941 – 1945 gg.). Ulan-Ude, 2010. P. 25.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ

М.Ю.Черниченко

«СПЕКУЛЯЦИЯ ПРАЗДНУЕТ СВОЮ ВАКХАНАЛИЮ»: ОБРАЗЫ СПЕКУЛЯЦИИ И СПЕКУЛЯНТА В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БЕЛОГО ЮГА РОССИИ (1919 г.)

Острый экономический кризис в тылу явился одним из решающих факторов поражения антибольшевистских режимов в ходе Гражданской войны против Советского государства. Изучение многообразных сторон и проявлений этого кризиса, анализ мер по регулированию экономики, к которым вынужденно прибегали белые правительства, оценка опыта этого регулирования в целом приводит современных историков ко многим важным выводам. Один из них состоит в том, что ключевую роль в обострении кризисных явлений в экономике на белых территориях играло падение покупательной способности российской национальной валюты при сохранении относительной рыночной свободы: именно сочетание этих двух факторов порождало хаос в денежном обращении, рост дороговизны и разгул спекуляции.

Это с особенной очевидностью вытекает из опубликованных за последнее десятилетие работ С.В. Карпенко – как статей¹, так и монографий², – в которых анализируются экономическая политика правительств генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, действенность ее регулирующего воздействия на различные стороны хозяйственной жизни Белого юга России и, наконец, воздействие тыловой экономики на политико-моральное состояние войск.

Одним из основных источников, который отечественные историки используют при изучении Белого движения еще с 1920-х гг., являются газеты, издававшиеся на территориях, подконтрольных белым армиям, как на востоке России, так и на юге. Однако до сих пор материалы, опубликованные на страницах газет, используются историками традиционно: самые значительные факты и глубокие оценки, самые яркие фразы и образы, вышедшие из-под журналистских перьев, остаются лишь более или менее удачными, более или менее убедительными иллюстрациями, «вмонтированными» в научный текст (работы С.В. Карпенко в этом отношении не являются исключением). Между тем, по мере накопления фактического материала об экономическом кризисе в белом тылу становится все более очевидно: изучение экономической, в частности финансовой и торговой, политики белых правительств лишь в «чисто экономическом» плане не позволяет всесторонне раскрыть механизм кризиса товарно-денежного обращения на их территориях. И причина этого также становится все очевиднее с выходом каждой новой работы: в

условиях Гражданской войны фактором исключительной силы воздействия на экономику была не только экономическая (финансовая, торговая и т.д.) политика сама по себе, но и ее восприятие населением, реакция различных социальных групп на правительственное регулирование хозяйственной жизни, в особенности – на регулирование товарно-денежного обращения.

Здесь важно понимать, что периодическая печать играла в белом тылу совершенно исключительную роль. Во-первых, она являлась «транслятором» законов и распоряжений власти в экономической области. Во-вторых, несмотря на все цензурные ограничения, естественные в условиях Гражданской войны, она была единственным «рупором» многоликого «экспертного сообщества». В-третьих, она естественно превратилась в инструмент формирования общественного мнения и, следовательно, – в стимул рыночного поведения населения.

Статьи на финансово-хозяйственные темы, опубликованные в белой печати, сочинялись талантливыми журналистами и публицистами, многие из которых специализировались на хозяйственной тематике, а также экономистами. Те и другие писали хорошим литературным языком, при этом часто прибегая к использованию яркой, эмоциональной лексики, образной литературной речи. Можно понять, сколь велико искушение для нынешних историков «оживить» свой «ученый» текст за счет обильного цитирования газетных материалов.

Однако простое цитирование мало помогает в объяснении закономерностей и случайностей развития экономического кризиса на белых территориях, в частности кризиса товарно-денежного обращения. Между тем, как мы уже писали, эти статьи как исторический источник скрывают в себе куда больше возможностей³ и ответить могут на куда большее число вопросов, если не ограничиваться привычным «иллюстрированием», а применить методы контент-, дискурс- и социолингвистического анализов. И при этом стремиться к раскрытию сложного механизма взаимодействия и взаимовоздействия печати, власти, общества и экономики.

В настоящей статье предпринята попытка изучения материалов периодической печати Белого юга, опубликованных в 1919 г., с точки зрения их освещения спекуляции как одного из явлений экономической жизни белого тыла. В качестве источников использованы наиболее содержательные, наиболее глубокие статьи, опубликованные в ведущих газетах, издававшихся на территории, подконтрольной в 1919 г. Вооруженным силам на юге России (ВСЮР) под главным командованием генерала А.И. Деникина.

* * *

Материалы газет свидетельствуют о том, что в восприятии современников, участников Белого движения на юге России и очевидцев тыловой жизни, именно спекуляция являлась главным бедствием тыла.

В этом явлении выделась одна из основных причин как неудач войск на фронте, так и невыносимости тягот жизни в тылу. Этот «самый тяжелый и самый неприятный вопрос»⁴ волновал абсолютно всех. Газеты пестрели статьями журналистов, которые много и с удовольствием писали о спекуляции и спекулянтах, изливая на их головы свое возмущение и тем только подливая масло в огонь общественного негодования по адресу спекулянтов. Осуждения и оскорбления в адрес спекулянтов можно встретить почти в каждом номере. А спекулянтами как-то очень быстро и само собой стали считаться все, кто занимался торговлей и вообще предпринимательской деятельностью.

Резкое осуждение спекуляции и пристальное общественное внимание к ней имело под собой как минимум два основания.

Во-первых, с ней сталкивались все и каждодневно; она оказывала непосредственное влияние на повседневную жизнь людей. Во-вторых, отрицательное отношение к предпринимателям и торговцам сформировалось в России еще задолго до 1919 г., особенно укрепившись за годы мировой войны, и, таким образом, превратилось к тому времени уже в своеобразную традицию.

Некоторые исследователи полагают, что русское общество имеет сильное предубеждение против предпринимательской деятельности в силу сложившихся культурно-религиозных традиций⁵. Данное мнение имеет под собой основания. Одним из семи смертных грехов в православии принято считать сребролюбие. В это понятие вкладывается не только стремление заработать деньги нечестным путем, но и желание человека обладать деньгами, размышления о средствах обогащения, скупость и даже боязнь нищеты. Добродетелью считалось ненависть к роскоши, стремление к нищете и отказ от денежных накоплений. Если человек стремился к накоплению, он, в соответствии с православными нормами, не верил в промысел Божий. Предпринимательство и торговля тесно связывались именно с грехом сребролюбия. Возможность искупить этот грех давала благотворительная деятельность. Благотворительность, рассматриваемая как особая добродетель, занимала важное место в жизни российского общества. А.И. Боханов приводит сведения о крупнейших пожертвованиях начала XX в., сделанных известными предпринимателями⁶.

Показательно, что именно предприниматели жертвовали крупные денежные суммы. Это объясняется тем, что «концепция праведного поведения нацеливала предпринимателей использовать прибыль от результатов деятельности не на личное потребление, а для поддержания жизни неимущих»⁷. То есть для предпринимателя единственным «путем спасения» была благотворительная деятельность, которая выступала в роли некоего положительного, праведного противовеса основной деятельности предпринимателя. Однако следует отметить, что между православными ценностями и воцерковленностью не обязательно должен был стоять знак равенства. Православная этика, особенно в начале XX в., могла существовать уже самостоятельно. Она оказывала сильное влияние

на сознание и поведение людей.

О связи между религиозной этикой и предпринимательской деятельностью пишет Макс Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма». Он приходит к выводу, что успех, в частности экономический, на ниве предпринимательства, непосредственно связан с протестантской этикой. И у человека, живущего по протестантскому учению, гораздо больше шансов добиться успехов в предпринимательской деятельности, чем у католика. Это связано, по его мнению, прежде всего с тем, что для протестанта необходимо «рациональное преобразование всего существования», вытекающее из концепции профессионального призвания⁸. То есть, жизнь протестанта ориентирована на труд, который непременно должен приносить прибыль. И чем больше протестант извлекает прибыли – это означает: тем рациональнее построено его предприятие.

Таким образом, в отличие от протестантской этики, оказавшей положительное влияние на развитие некоторых стран Западной Европы, православная этика тормозила развитие предпринимательской деятельности в России и порождала негативное отношение к «торгашам». Предпринимателям же «во искупление грехов», провоцируемых их собственной деятельностью, приходилось заниматься благотворительностью, если они испытывали «комплекс вины» перед неимущим населением.

Исходя из вышесказанного, следует, что еще до Гражданской войны в массе населения преобладало отрицательное отношение к предпринимателям. А во время Гражданской войны, в условиях экономического кризиса, население, оказавшееся на территории ВСЮР, не вдаваясь в глубинные, закономерные причины кризиса, стремилось найти «виновного» в безудержном росте цен, в периодическом исчезновении из продажи одних товаров повседневного спроса и почти постоянном отсутствии других. И вполне естественно, что «виновными» оказались, в первую очередь, предприниматели и торговцы, поголовно превратившиеся в глазах «белой общественности», да и всей «обывательской массы», в спекулянтов, в «торгашей, погрязших в спекуляции».

Спекуляция в 1919 г., действительно, достигла необычайных масштабов. С ее развитием, с ростом дороговизны в массовом сознании быстро сформировался образ спекулянта как «внутреннего врага», с которым нужно бороться так же, как и с большевиками. И формировался этот образ «внутреннего врага» при самом активном участии белой печати.

Статьи, посвященные проблеме спекуляции, отличаются высокой степенью агрессивности и имеют яркую эмоциональную окраску. Слово «спекуляция» сплошь и рядом сопрягалось со словом «вакханалия» («вакханалия спекуляции», «вакханалия наживы», «спекулятивная вакханалия» и т.п.), тем самым придавая спекуляции образ «неистового пира», «развратного празднества», «исступленной попойки» и «дикого разгула» (толкования «вакханалии» по словарю В.И. Даля). Вообще,

используемая в них лексика резко отличается от лексики статей, посвященных другим темам. Все статьи ориентированы на призыв к действию. Журналисты и публицисты обычно призывали правительство, органы власти всех уровней принять меры по предотвращению спекуляции, буквально по спасению населения от спекуляции и спекулянтов, причем как можно скорее, не теряя времени, пока еще население не впало в голод и обнищание из-за «безудержной алчности торгашей».

Использованные в настоящей статье газетные материалы публиковались в разных газетах и написаны разными авторами, однако для них характерны как общие вопросы, так и сходный порядок их освещения. Фактически очень быстро устоялась однотипная структура статей о спекуляции: первым делом журналисты обращают внимание на смену предпринимательской этики, затем подвергают критике меры, предпринимаемые правительством, и, в заключение, предлагают свои проекты по борьбе со спекуляцией.

* * *

Одним из самых интересных и поучительных моментов является тот, что авторов газетных статей, как и, по всей видимости, их читателей, больше всего шокировала внезапность смены поведения и сознания предпринимателей, особенно оптовых и розничных торговцев. Журналисты и публицисты отмечали «полный крах человеческой совести»⁹, внезапность развития «алчных appetитов»¹⁰. На смену «честным людям» вдруг пришли «грабители». Предпринимателей обвиняли в том, что они забыли о патриотических целях, государственных и общественных задачах, за которые проливают кровь белые воины на фронте, и действуют исключительно в собственных интересах, которые идут в разрез с интересами белых правительств¹¹. Потеря «уважения к праву и долгу»¹² – таково было главное обвинение, выдвинутое авторами статей против «алчных торгашей».

Так в 1919 г. авторы статей, обличая спекулянтов, указывали на резкую смену предпринимательской этики. Ее признали и сами предприниматели, отмечая, что происходит «угрожающее падение нравственного уровня во всех профессиях, соприкасающихся с промышленностью и торговлей. Падение это охватило ныне все круги этих профессий и выражается в непомерном росте спекуляции, в общем упадке деловой морали <...>»¹³. Журналисты и публицисты призывали торговцев вернуться к старым социальным установкам: «довольствоваться прибылью “рубль на рубль”», отказаться от стремления получить сверхприбыль на товарном голоде¹⁴.

Однако смена социальных установок, определяющих общественное поведение личности, «требует приложения огромного количества энергии, направленной на расшатывание структурных элементов»¹⁵, и если эта смена уже произошла – вернуться к прежним установкам невозможно.

Только безвыходные ситуации заставляют человека менять установки и поведение. Э. Берн считает, что смена установок происходит в том случае, если человека поместить в условия катастрофы, войны, голода, эпидемии, которые сминают всех на своем пути, кроме тех, кому дано использовать эти условия как средство для своего продвижения¹⁶. В 1919 г. на юге России люди – и местное население, и беженцы из центральных районов страны, и сами вооруженные силы (чины как действующей армии, так и многочисленных тыловых частей и учреждений) и, наконец, семьи фронтовых офицеров, которые жили в тыловых городах, – оказались именно в таких условиях. Причем здесь можно говорить и о свершившейся катастрофе, и о голоде, терзавшем население, и о непрекращающихся эпидемиях (этому способствовали недоедание, разрушение городской инфраструктуры, постоянная нехватка медикаментов, закрытие больниц и крайняя переполненность пока еще открытых, антисанитария), и об ужасной кровопролитной войне. Таким образом, в условиях Гражданской войны, в тылу белых армий, где продолжала сохраняться свобода предпринимательской деятельности, смена предпринимательской этики и социальных установок населения были неизбежны, так как эта смена давала возможность людям приспособиться к новым условиям существования, и не только выжить в тяжелых условиях хаоса и экономического кризиса, но и заработать деньги, «капитал приобрести».

Авторы статей, прежде чем выдвигать свои предложения по борьбе со спекуляцией, неизменно подвергали резкой критике те меры по ее обузданию, которые предпринимали Особое совещание при главкоме ВСЮР (правительство Деникина; располагалось в Екатеринодаре, столице Кубанского края, а с лета 1919 г. – в Ростове-на-Дону, центре хозяйственной жизни Белого юга) и правительство Всевеликого войска Донского (располагалось в Новочеркасске), хотя меры, применяемые этими двумя правительствами, несколько различались. Однако дороговизна росла с каждым днем, товары то пропадали из продажи, то появлялись, причем уже по более высоким ценам, жалованье офицеров и чиновников, заработки интеллигенции и работников, занятых физическим трудом, катастрофически отставали от роста цен, несмотря на все принимавшиеся властями меры. Это убеждало журналистов, как и население в целом, в том, что масштабы спекуляции увеличиваются независимо от правительственной политики. Отсюда журналисты делали вывод, что политика, которую проводят власти в хозяйственной сфере, не дает совершенно никакого положительного результата, даже малейшего. При этом одни авторы газетных статей считали, что правительство не может ничего сделать, просто не в состоянии, а другие – что правительство по каким-то причинам не хочет принимать действенные меры по борьбе со спекуляцией. Так или иначе, все журналисты и публицисты дружно выдвигали в адрес обоих правительств серьезные и резкие обвинения.

Автор, подписавшийся инициалами «А.П.», в статье, опубликованной в ноябре 1919 г. в новочеркасской газете «Донские ведомости», горько

иронизировал: «Сообщите обывателю, что Ленин и Троцкий прислали делегатов к ген. Деникину для переговоров о роспуске совнаркома и прочих совдепов, если им, Ленину и Троцкому, будет гарантировано безмятежное житие где-нибудь, но, конечно, вне пределов России, – обыватель поверит. Однако никакой, самый легковверный, обыватель не поверит, что правительство готово принять самые решительные меры для борьбы со спекуляцией. К сожалению, обыватель прав»¹⁷.

* * *

Наибольшим авторитетом на Белом юге пользовалась издававшаяся в Ростове-на-Дону газета «Приазовский край», которая традиционно выражала интересы крупного южно-российского капитала и крупных предпринимательских объединений. Более или менее регулярно печатавшийся в ней публицист, который предпочел скрыться под псевдонимом «Небессмертный», писал, что все меры, «направленные к установлению правильного товарообмена», а именно «таксы, твердые цены, соответствующие приказы, торговые трактаты», к устранению спекуляции не привели, и даже наоборот усугубили ситуацию. Положение дел в торговой сфере он определял как «катастрофическое» и «безнадежное». И именно поэтому он считал необходимым провести радикальную смену правительственной программы по борьбе со спекуляцией. Он писал о том, что предприниматель превратился в «грабителя» и «спекулянта», который потерял «уважение к праву и долгу».

Так, особо отметив и признав смену социальной установки и предпринимательской этики, «Небессмертный» далее сделал закономерный вывод: для нового предпринимателя, сформировавшегося в условиях Гражданской войны, «обычные и общепринятые нормы и системы мероприятий действительно быть не могут», то есть те регулирующие нормы и меры, которые применялись российским правительством и городскими самоуправлениями до 1917 г., в тылу белых войск оказались бесполезными¹⁸.

Другой автор, скрывшийся под псевдонимом «Шиллер», в своей статье поставил знак равенства между свободой торговли и свободой спекуляции. Он прежде всего критиковал свободу торговли и косвенно выражал недовольство правительством, которое эту свободу допускает. В тексте «Шиллера» отсутствует такая острая критика правительства, как в тексте «Небессмертного». Однако, выступая фактически против рыночной экономики, против свободы частного предпринимательства, «Шиллер» оказался гораздо более оппозиционным по отношению белым властям, чем «Небессмертный». Более того, в этой оппозиционности при желании можно было уловить тогда (можно и теперь) влияние марксистского отрицания частной собственности как первопричины всех социально-экономических бед. «Свобода торговли возможна лишь при нормальных условиях жизни государства», – это утверждение «Шиллер»

вынес в начало своей статьи, после чего перешел к аргументированному и системному доказательству правоты своего взгляда. Именно свобода торговли, по его мнению, способствовала развитию спекуляции, создавала для нее питательную почву¹⁹.

Этот взгляд в то время разделяло все больше и больше активных участников борьбы с большевиками, как военных, так и гражданских. К такому выводу, среди других, пришел и военный юрист полковник И.М. Калинин, который в книге своих воспоминаний «Русская Вандея» (в ней, кстати, он прибег к обильному цитированию сохранившихся у него вырезок из газет Белого юга) целую главу посвятил спекуляции и правительственным мерам борьбы с ней²⁰.

В поиске действенных мер против спекуляции казачья газета «Донские ведомости» не отставала от «Приазовского края». Так, член Донского войскового Круга П. Калинин указал в своей статье только на один, но крайне важный, недостаток в мерах, предпринимаемых против спекуляции Донским казачьим правительством: «громоздкость аппарата, который является орудием борьбы со спекуляцией». Под «громоздкостью аппарата» он, по всей видимости, понимал не только сам по себе разбухший Отдел торговли и промышленности, но и бюрократизм, волокиту в его работе. Соответственно, если этот недостаток устранить, то, по его мнению, хозяйственную жизнь тыла можно было нормализовать²¹. По сути, он призывал Донское правительство к более решительному и жесткому регулированию экономики с целью одолеть в том числе и «вакханалию спекуляции».

Куда более резкой критике в «Донских ведомостях» был подвергнут законопроект, разработанный в сентябре 1919 г. Отделом торговли и промышленности Всевеликого войска Донского. Уже упомянутый «А.П.» в статье об этом законопроекте по борьбе со спекуляцией расценил действия донского торгово-промышленного ведомства как не соответствующие задачам момента и настроениям в обществе. Более того, он открыто и резко заявил, что в проекте проявляется «забота о спекулянтах»²².

Газетные строки буквально «дышат гневом»: «Наказание для спекулянтов – это насмешка над здравым смыслом. В Западной Европе спекулянтов вешают, ссылают на каторгу, порют всенародно, а наш Отдел Торговли и Промышленности в заботах о спекулянтах находит достаточным кратковременное тюремное заключение, арест или штраф до 10 тысяч рублей. Совсем забавное наказание – лишение прав на дальнейшую торговлю. Как будто Отделу Торговли и Промышленности неизвестно, что никто не мешает вести торговлю на чужое имя, а многие спекулянты не имеют никаких магазинов или других торговых помещений, а занимаются перепродажей. Мелких воров сажают на год в тюрьму. Очевидно, по мнению отдела Торговли и Промышленности, мелкий вор опаснее для общества, чем крупный спекулянт. Что это, маниловщина или что-либо иное?»²³.

Эта последняя фраза перекликается со знаменитой фразой из

обличительной речи П.Н. Милокова, – «Что это, глупость или измена?», – произнесенной с трибуны Государственной думы почти ровно три года назад, в ноябре 1916 г.

Абстрагируясь от перехлестывающих через край эмоций автора статьи, вникнем в его аргументы и их логику.

Во-первых, публициста (и, надо понимать, редакцию газеты) категорически не устроило определение понятия «спекуляция», «как непомерное повышение в ценах предметов купли-продажи и получение чрезмерной прибыли сверх себестоимости». Он справедливо замечает, что «ни одного спекулянта под такое определение не подведешь». Определение страдает неточностью формулировки: «непомерное повышение» и «чрезмерная прибыль» – это всего лишь субъективные, эмоционально окрашенные понятия, которые не могут применяться в следственной и судебной практике.

Заметим, что в то же самое время трудности с определением понятия «спекуляция» возникли и в законотворческой практике Особого совещания. Начальник Управления юстиции В.Н. Челищев, опытный юрист (в 1917 г. – председатель Московской судебной палаты), которому Деникин поручил разработать закон о суровых карах за спекуляцию, считал, что «само понятие “спекуляция” имеет столь неясные и расплывчатые формы, что чрезвычайно трудно регламентировать его юридически». Он опасался, что юридическая «неопределенность» может привести к «произволу и злоупотреблениям». Деникин, однако, настоял на своем: он стремился успокоить население и припугнуть спекулянтов. И в октябре провел в порядке верховного управления через военно-судебное ведомство «временный закон об уголовной ответственности за спекуляцию» (обнародован в ноябре), каравший виновных смертной казнью и конфискацией имущества²⁴.

Во-вторых, согласно проекту донского Отдела торговли и промышленности, в состав специальных комиссий по борьбе со спекуляцией должны были войти представители торгово-промышленных учреждений. Это положение подверглось особенно резкой критике со стороны «А.П.». Как уже отмечалось выше, население стало всех торговцев и предпринимателей считать спекулянтами. К представителям торгово-промышленных учреждений относились крайне отрицательно, если не враждебно, доверие к ним совершенно отсутствовало. По выражению «А.П.», «весь класс заподозрен, и основательно, в злостной спекуляции». Именно поэтому возмущенный публицист сравнил введение этих представителей в комиссии с «введением в состав присяжных заседателей, или даже в состав суда воров, грабителей, убийц при разборе дел в судах по специальности этих полезных граждан»²⁵.

Этим сравнением он пытался доказать всю абсурдность такого предложения. И привел случай, когда члены торгово-промышленных учреждений дискредитировали себя перед лицом общественности: как только нескольких спекулянтов предали военно-полевому суду, члены

торгово-промышленных организаций выступили в их защиту, став на сторону спекулянтов.

«А.П.» не уточняет, о каком именно случае идет речь. Однако очень похожая ситуация изложена в книге И.М. Калинина: «Только один раз ростовский военно-полевой суд приговорил торговцев Платовского к двадцати и Левкова к десяти годам каторжных работ <...>. Едва этот приговор прозвучал в воздухе, как случилось нечто непостижимое, нечто невероятное. Пресса, громившая спекуляцию и призывавшая на голову ее адептов все египетские казни, взяла под свою защиту осужденных»²⁶. По всей видимости, взяла под защиту не по собственному желанию, а по заказу тех самых торгово-промышленных организаций, которых совершенно не устраивал такой прецедент в судебной практике донских властей.

В-третьих, наказания для спекулянтов по своей строгости не соответствовали, по мнению публициста, а вместе с тем и всей «белой общественности»²⁷, тяжести совершенных ими преступлений. Проект предусматривал недолгое тюремное заключение или штраф до 10 000 руб. и лишение прав на дальнейшую торговлю. Между тем население было настолько озлоблено против «алчных торгашей», что требовало введения смертной казни для спекулянтов. Публицист посчитал предлагаемые меры «насмешкой над здравым смыслом», а прочитавшие его статью скорее всего восприняли их как издевательство над людьми. Тем более что написанное в статье многим было хорошо известно: лишение прав на торговлю было совершенно бездейственной мерой, так как торговлю беспрепятственно можно было вести на чужое имя, к тому же многие торговцы вообще не имели торговых помещений и занимались исключительно перепродажей.

Эта статья «А.П.» была опубликована в ноябрьском номере «Донских ведомостей», но написана, по признанию самого автора, в сентябре, после выхода в свет законопроекта. Уже 22 октября донской атаман генерал А.П. Богаевский в приказе № 1686 Всевеликому войску Донскому признал неэффективность разработанных до сего времени мер по борьбе со спекуляцией и необходимость введения более жестких карательных мер – смертной казни, тюрьмы, каторжных работ, телесных наказаний и передачи дел спекулянтов военно-полевому суду²⁸. Это было вызвано все более возрастающим недовольством населения. Богаевский потребовал от комиссии по борьбе со спекуляцией выработать новый проект уже к 1 ноября 1919 г. Он сам констатировал факт, что получает множество писем от населения с просьбами принять решительные меры против спекуляции. По всей видимости, рост цен крайне обострил социальную напряженность в тылу ВСЮР именно осенью 1919 г. Поэтому и Деникин принял тогда же свой «временный закон об уголовной ответственности за спекуляцию», который предусматривал передачу дел о спекуляции в военно-полевые суды, а в качестве наказания – смертную казнь или ссылку на каторжные работы на срок от 4-х до 20-ти лет, а также конфискацию имущества²⁹.

Таким образом, с октября 1919 г. правительство Деникина и Донское правительство под давлением общественного мнения, которое газеты

одновременно и выражали, и формировали, начали скоординированное наступление против спекуляции. Карательные меры против спекулянтов формально, на бумаге, стали крайне суровыми. С другой стороны, эти меры сразу же стали объектом критического анализа периодической печати.

* * *

Одним из критиков деникинского «временного закона» был профессор Раевский, проживавший в Харькове и печатавший в местной газете «Новая Россия» статьи о спекуляции. Он отметил интересную особенность закона, а именно: «за обнаружение указанных в законе преступных деяний частные и должностные лица вознаграждаются в размере пяти процентов стоимости конфискованных у осужденного товаров и материалов»³⁰. По мнению Раевского, такой поощрительный процент мог спровоцировать только новый вид «спекуляции на спекуляции» и способствовать моральному разложению населения. Безусловно, этот пункт не мог не вызвать недовольства со стороны образованных слоев общества. Донос за вознаграждение – мера, которая не укладывалась в этические нормы российской интеллигенции начала XX в.

Отметим особо, что статьи Раевского отличаются от статей других авторов о спекуляции. Он демонстрирует высокую степень изученности проблемы и стремление понять ее всесторонне. Пытаясь выявить причины роста масштабов спекуляции, он увидел их не только в падении общественных нравов, но и в нестабильности финансового положения тыла ВСЮР³¹.

Критикуя меры властей, авторы газетных статей предлагали и свои собственные методы борьбы со спекуляцией. Причем каждый исходил из своих субъективных представлений об экономических реалиях и положении, в котором находился на тот момент тыл ВСЮР. Некоторые журналисты предлагали ориентироваться на опыт других стран.

Профессор Раевский обратился к закону, принятому в Англии. Он считал целесообразным создание в городах комитетов, куда вошли бы «лица, знакомые с местными условиями и пользующиеся доверием населения. В полномочия этих комитетов входило бы установление цен на товары, расчет максимального размера прибыли и выявление сделок спекулятивного характера». Похожую систему Раевский обнаружил и во Франции, где действовала Лига борьбы со спекуляцией. Таким образом, Раевский предлагал ориентироваться на опыт стран Западной Европы и создать на территории ВСЮР специальные общественные организации, которые возбуждали бы дела против спекулянтов³².

Уже упомянутый «А.П.», автор статей в «Донских ведомостях», был настроен более радикально. Показательно, что эпиграфом к своей статье «Законопроект по борьбе со спекуляцией» он поставил телеграфное сообщение из Австрии: «В Австрии приняты решительные меры против спекулянтов: двое приговорены к смертной казни, 90 – к бессрочной

каторге, остальные – к публичному наказанию розгами. Цены сразу же понизились»³³. Несомненно, такой эпиграф и вызывал обостренный интерес к статье, и наводил читателей на мысль о необходимости подобных мер в белом тылу, которые должны оказаться спасительными. Автор же далее настойчиво требовал от правительства принятия решительных, жестких мер, которые ввели страны Западной Европы в ходе мировой войны, когда начал проявлять себя экономический кризис.

Напротив, профессор Раевский, сравнивая «временный закон» Деникина и законы о борьбе со спекуляцией, принятые в Англии и Франции, признает: «При сравнении его с подобного же рода законами в Англии и Франции, он поражает своей суровостью». Но тут же и оправдывает Деникина: «Но надо принять во внимание, что нигде спекуляция не доходила и не доходит до таких чудовищных размеров, как у нас в России. Едва ли заставят призадуматься наших озверевших, потерявших всякие человеческие чувства, спекулянтов меньшие кары, чем смертная казнь или каторга!»³⁴.

Подчеркнем особо: в данном случае важна не достоверность используемой разными журналистами и публицистами новостей из Европы, не различие в их мнении на этот счет – важно восприятие ими (и передача читателям) практики Западной Европы как авторитетной и вполне подходящей для тех условий экономического кризиса, который поразил тыл ВСЮР.

Вольно или невольно, намеренно или случайно, но авторы газетных статей заставляли некоторых своих читателей обратиться к опыту куда более близкому и новаторскому – «военному коммунизму» большевиков, которые с целью прекращения спекуляции пошли по пути запрета свободного товарно-денежного обращения. Наиболее критически настроенные ко всему происходящему в «Белом стане» – такие, как полковник И.М. Калинин – начинали понимать, что в условиях Гражданской войны не может существовать рыночная организация хозяйства, что свобода торговли в условиях экономического кризиса неизбежно превращается в свободу ограбления спекулянтами всего остального населения. А потому следует использовать опыт большевиков, чтобы «спасти» экономическую жизнь» от «окончательного разрушения» ее спекуляцией³⁵.

Все проекты, предлагавшиеся журналистами и публицистами, имели общую идею. Большинство из них видело выход из сложившейся ситуации в создании специального государственного органа по борьбе со спекуляцией, в состав которого непременно должны войти люди, «пользующиеся доверием у населения». «Небессмертный» предлагал, «чтобы этот орган 1) обладал широчайшими полномочиями; 2) не был в подчинении ни у одного из министерств; 3) имел в своем распоряжении необходимые средства; 4) приводил в осуществление свои мероприятия собственной властью, какой бы отрасли управления они не касались и 5) незамедлительно основал свой коммерческий и сельскохозяйственный

аппарат не бюрократического образца, а практического характера, с отделениями, агентствами и комиссионерствами»³⁶.

П. Калинин тоже предлагает создать такого типа орган, главной особенностью которого стали бы мобильность и быстродействие. Профессор Раевский считал необходимым организовать специальные комитеты по образцу английских. «А.П.», автор «Донских ведомостей», предлагал создать специальные комиссии взамен прежних, которые уже себя дискредитировали. При этом все они предлагали поделить тыл ВСЮР на округа, и в каждом округе создать аппарат по борьбе со спекуляцией³⁷.

На территории Области войска Донского такого рода комиссии действовали с весны 1918 г.³⁸ Никаких видимых результатов в борьбе со спекуляцией ими достигнуто не было. Однако и сами авторы, и читатели их статей, похоже, верили в действенность только такого рода комиссий. Журналисты предлагали проекты, которые отвечали традиционным представлениям российского общества: чтобы решить какую-то проблему, нужно прежде всего создать специальный государственный орган (с привлечением общественности или без), который займется ее решением. А то, что подобные органы уже не справились с этой задачей, объяснялось тем, что в них работали «не те люди». То есть согласно представлениям авторов статей и их читателей, неудача предыдущих комиссий объясняется прежде всего тем, что в состав этих комиссий входили служащие, либо недостаточно подготовленные для такой деятельности, либо не имеющие специального образования (например, юридического), либо «просто взяточники». Отсюда журналистами и читателями делался вывод: главное – найти «подходящих» людей, то есть честных и образованных.

* * *

Таким образом, почти все авторы статей о спекуляции, напечатанных в крупных газетах Белого юга в 1919 г., считали спекуляцию не следствием, а причиной экономического кризиса в тылу.

В действительности, спекуляция была порождением падения объемов промышленного и сельскохозяйственного производства в условиях Гражданской войны, товарного голода на рынке, падения покупательной силы рубля разных выпусков, хаоса в денежном обращении. Дороговизна (инфляция), авместесней и инфляционная психология делали невозможным нормальное функционирование рыночной экономики. Население же было склонно винить во всех бедствиях тыла именно торговцев, почти ежедневно поднимавших цены на свои товары, – спекулянтов.

Журналисты и редакции газет, с одной стороны, обильно подпитывались этими настроениями, с другой – сами преумножали, распространяли их, формируя у «читающей публики» образ «внутреннего врага» – спекулянта.

При этом, как верно заметил И.М. Калинин, никто из журналистов не хотел называть конкретных имен³⁹. И это происходило вовсе

не потому, что они их не знали, – авторы статей не ставили своей целью обличить конкретных спекулянтов. Судя по всему, разжигая общественное недовольство спекулянтами вообще, они направляли его против представителей торговли и промышленности, чтобы отвести общественное внимание и недовольство от одной из первопричин спекуляции – экономической политики правительства Деникина и Донского правительства, которая сводилась к бюрократическому регулированию товарно-денежного обращения в интересах снабжения армии, в интересах ведения войны против большевиков. Проще говоря, образ внутреннего врага в виде спекулянтов и спекуляции необходимо было создать и пропагандировать для того, чтобы объяснить неудачи экономической политики антибольшевистских правительств.

Стремясь к этому с разной степенью осознанности, журналисты и публицисты попадали в своего рода ловушку: чтобы вызвать и сохранять интерес и доверие читателей, чтобы навязать читателям представление о спекуляции как главной причине всех тыловых бед, им необходимо было оценить действенность правительственных усилий по борьбе со спекуляцией. С разной степенью критичности, общими словами или указывая на конкретные учреждения, но они вынуждены были делать это, точнее – не могли не делать. Однако критика правительства и даже конкретных учреждений «экономического блока» носила слишком обобщенный характер (это объяснялось и «надзором» со стороны цензуры в условиях военного времени). Тут же предлагая свои меры борьбы, авторы статей прочно стояли все на той же почве благотворности бюрократического регулирования хозяйственной жизни, сводя проблему к «смене лиц».

Однако у этой «газетной войны» со спекуляцией очень скоро обнаружилось последствие, которое вряд ли входило в намерение как авторов статей, так и редакций газет. Чтение многочисленных статей о спекуляции, порой напоминающих «глас вопиющего», кого-то приводило к убеждению, что правительство Деникина, как и Донское казачье правительство, даже если и стремятся искренне к одолению спекуляции, не в состоянии покончить с ней и, соответственно, спасти население в тылу от голода и обнищания. Участники Белого движения, наиболее критически настроенные к происходящему в белом тылу, начинали понимать, что проблема не сводится к «смене лиц» – нужна «смена политики».

Это отчетливо дало о себе знать уже в начале 1920 г., когда ВСЮР потерпели поражение, и особенно явственно – в «крымский» период Белого движения на юге России. По мере катастрофического ухудшения материального положения офицеров, чиновников, интеллигенции и их семей некоторые военачальники и чины гражданских ведомств приходили к выводу: «При такой свободе в области экономических отношений цены будут возрастать, денежный кризис усиливаться и армия никогда не сможет иметь спокойного и налаженного тыла». Ссылаясь на опыт Германии, они предлагали не повышать оклады за счет эмиссии, что

только стимулирует инфляцию, а ограничить свободу торговли, усилить контроль за банками, ввести нормирование прибылей, ужесточить карательные меры против спекулянтов. Неспособность правительства нового главкома ВСЮР – генерала П.Н. Врангеля – обуздать спекуляцию, которая «праздновала свою вакханалию», способствовала еще большей радикализации антирыночных («полубольшевистских») идей, возникших в 1919 г., при Деникине, в том числе под воздействием печати. В частности, среди фронтовых офицеров, за два-три года кровопролитной войны проникшихся презрением и ненавистью к «тылу» и «тыловым буржуям», которые «благоденствуют», распространялась убежденность в том, что следует беспощадно реквизировать у спекулянтов все товары, которых не хватает армии и населению⁴⁰.

Примечания

¹ *Карпенко С.В.* «Поход на Москву» ВСЮР в 1919 г.: война и деньги // Экономический журнал. 2001. № 1. С. 35–76; *Карпенко С.В.* Врангель в Крыму: государственность и финансы // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 82–99; *Карпенко С.В.* Первые шаги правительства генерала А.И. Деникина по регулированию внешней торговли (август 1918 – апрель 1919 г.) // Вестник РГГУ. 2009. № 17. С. 84–98; *Карпенко С.В.* Из истории государственной монополизации внешней торговли в России: Опыт правительства генерала А.И. Деникина (1919 – 1920 гг.) // Экономический журнал. 2011. № 1(21). С. 84–91; *Карпенко С.В.* Из истории государственной монополизации внешней торговли в России: Опыт правительства генерала П.Н. Врангеля // Экономический журнал. 2011. № 2(22). С. 118–126; *Карпенко С.В.* Налоговая политика белых правительств на юге России в 1919 – 1920 гг. // Экономический журнал. 2011. № 4(24). С. 111–121; *Карпенко С.В.* Железные дороги и «свобода торговли» в условиях экономического кризиса: Из истории тыла Вооруженных сил на юге России (1919 г.) // Вестник РГГУ. 2013. № 10. С. 58–73.

Карпенко С.В. “Pokhod na Moskvu” VSYuR v 1919 g.: vojna i dengi // Ekonomicheskij zhurnal. 2001. No. 1. P. 35–76; *Карпенко С.В.* Vrangel v Krymu: gosudarstvennost i finansy // Krym. Vrangel. 1920 god. Moscow, 2006. P. 82–99; *Карпенко С.В.* Pervye shagi pravitelstva generala A.I. Denikina po regulirovaniyu vneshney trgovli (avgust 1918 – april 1919 g.) // Vestnik RGGU. 2009. No. 17. P. 84–98; *Карпенко С.В.* Iz istorii gosudarstvennoy monopolizatsii vneshney trgovli v Rossii: Opyt pravitelstva generala A.I. Denikina (1919 – 1920 gg.) // Ekonomicheskij zhurnal. 2011. No. 1(21). P. 84–91; *Карпенко С.В.* Iz istorii gosudarstvennoy monopolizatsii vneshney trgovli v Rossii: Opyt pravitelstva generala P.N. Vrangelya // Ekonomicheskij zhurnal. 2011. No. 2(22). P. 118–126; *Карпенко С.В.* Nalogovaya politika belykh pravitelstv na yuge Rossii v 1919 – 1920 gg. // Ekonomicheskij zhurnal. 2011. No. 4(24). P. 111–121; *Карпенко С.В.* Zheleznye dorogi i “svoboda trgovli” v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa: Iz istorii tyla Vooruzhennykh sil na yuge Rossii (1919 g.) // Vestnik RGGU. 2013. No. 10. P. 58–73.

² *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 2-е изд., испр. М., 2003. С. 148–240, 291–324; *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд., доп. и перераб. М., 2006. С. 173–295, 347–361, 388–420; *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 239–294, 360–393.

Карпенко С.В. Ocherki istorii Belogo dvizheniya na yuge Rossii (1917 – 1920 gg.). 2-nd ed. Moscow, 2003. P. 148–240, 291–324; *Карпенко С.В.* Ocherki istorii Belogo dvizheniya na yuge Rossii (1917 – 1920 gg.). 3-rd ed. Moscow, 2006. P. 173–295, 347–361, 388–420; *Карпенко С.В.* Belye generaly i krasnaya smuta. Moscow, 2009. P. 239–294, 360–393.

³ *Черниченко М.Ю.* Белая пресса как источник для изучения экономической жизни в тылу ВСЮР (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2006. № 1(14). С. 108–117.

Chernichenko M.Yu. Belaya pressa kak istochnik dlya izucheniya ekonomicheskoy zhizni v tylu VSYuR (1919 g.) // Novyy istoricheskiy vestnik. 2006. No. 1(14). P. 108–117.

⁴ *Калинин П.* К вопросу о борьбе со спекуляцией // Донские ведомости (Новочеркасск). 1919. 16(29) нояб.

Kalinin P. K voprosu o borbe so spekulyatsiyey // Donskie vedomosti (Novocherkassk). 1919. Nov. 16(29).

⁵ *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. СПб., 1991. С. 509; Экономическая психология / Под ред. Андреевой И.В. СПб., 2000. С. 159.

Oldenburg S.S. Tsarstvovanie Imperatora Nikolaya II. St. Petersburg, 1991. P. 509; Ekonomicheskaya psikhologiya / Ed. by Andreeva I.V. St. Petersburg, 2000. P. 159.

⁶ *Боханов А.И.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 43.

Bokhanov A.I. Kollektionery i metsenaty v Rossii. Moscow, 1989. P. 43.

⁷ Экономическая психология. С. 94.

Ekonomicheskaya psikhologiya. P. 94.

⁸ *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 1975. С. 77.

Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. Moscow, 1975. P. 77.

⁹ *А.П.* Законопроект по борьбе со спекуляцией // Донские ведомости. 1919. 7(20) нояб.

A.P. Zakonoproekt po borbe so spekulyatsiyey // Donskie vedomosti. 1919. Nov. 7(20).

¹⁰ Там же.

Ibidem.

¹¹ *Небессмертный.* Что же делать? // Приазовский край (Ростов-на-Дону). 1919. 15(28) окт.

Nebessmertnyy. Chto zhe delat? // Priazovskiy kray (Rostov-on-Don). 1919. Oct. 15(28).

¹² Там же.

Ibidem.

¹³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин, 1926. С. 274.

Denikin A.I. Ocherki russkoy smuty. Vol. 5. Berlin, 1926. P. 274.

¹⁴ *А.П.* Законопроект по борьбе со спекуляцией // Донские ведомости. 1919. 7(20) нояб.

A.P. Zakonoproekt po borbe so spekulyatsiyey // Donskie vedomosti. 1919. Nov. 7(20).

¹⁵ Экономическая психология. С. 179.

Ekonomicheskaya psikhologiya. P. 179.

¹⁶ *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. М., 1986.

Bern E. Igru, v kotorye igraut lyudi. Moscow, 1986.

¹⁷ *А.П.* Законопроект по борьбе со спекуляцией // Донские ведомости. 1919.

7(20) нояб.
A.P. Zakonoproekt po borbe so spekulyatsiy // Donskie vedomosti. 1919. Nov.

7(20).
¹⁸ *Небессмертный. Что же делать? // Приазовский край. 1919. 15(28) окт. Nebessmertnyy. Chto zhe delat? // Priazovskiy kray. 1919. Oct. 15(28).*

¹⁹ *Шиллер. Свобода спекуляции // Приазовский край. 1919. 6(19) авг. Shiller. Svoboda spekulyatsii // Priazovskiy kray. 1919. Aug. 6(19).*

²⁰ *Калинин И. Русская Вандея. М; Л., 1926. С. 193, 198. Kalinin I. Russkaya Vandeya. Moscow; Leningrad, 1926. P. 193, 198.*

²¹ *Калинин П. К вопросу о борьбе со спекуляцией // Донские ведомости. 1919. 16(29) нояб. Kalinin P. K voprosu o borbe so spekulyatsiy // Donskie vedomosti. 1919. Nov. 16(29).*

²² *А.П. Законопроект по борьбе со спекуляцией // Донские ведомости. 1919. 7(20) нояб. A.P. Zakonoproekt po borbe so spekulyatsiy // Donskie vedomosti. 1919. Nov. 7(20).*

²³ Там же.
Ibidem.

²⁴ *Деникин А.И. Указ. соч. С. 274. Denikin A.I. Op. cit. P. 274.*

²⁵ *А.П. Законопроект по борьбе со спекуляцией // Донские ведомости. 1919. 7(20) нояб. A.P. Zakonoproekt po borbe so spekulyatsiy // Donskie vedomosti. 1919. Nov. 7(20).*

²⁶ *Калинин И. Указ. соч. С. 192. Kalinin I. Op. cit. P. 192.*

²⁷ *А.П. Законопроект по борьбе со спекуляцией // Донские ведомости. 1919. 7(20) нояб. A.P. Zakonoproekt po borbe so spekulyatsiy // Donskie vedomosti. 1919. Nov. 7(20).*

²⁸ *Калинин И. Указ. соч. С. 191. Kalinin I. Op. cit. P. 191.*

²⁹ *Раевский. Временный закон о спекуляции // Новая Россия (Харьков). 1919. 15(28) нояб.; Деникин А.И. Указ. соч. С. 274. Raevskiy. Vremennyy zakon o spekulyatsii // Novaya Rossiya (Kharkov). 1919. Nov. 15(28); Denikin A.I. Op. cit. P. 274.*

³⁰ *Раевский. Временный закон о спекуляции // Новая Россия. 1919. 15(28) нояб. Raevskiy. Vremennyy zakon o spekulyatsii // Novaya Rossiya. 1919. Nov. 15(28).*

³¹ *Раевский. О спекуляции // Новая Россия. 1919. 1(14) сент. Raevskiy. O spekulyatsii // Novaya Rossiya. 1919. Sept. 1(14).*

³² *Раевский. Временный закон о спекуляции // Новая Россия. 1919. 15(28) нояб. Raevskiy. Vremennyy zakon o spekulyatsii // Novaya Rossiya. 1919. Nov. 15(28).*

³³ *А.П. Законопроект по борьбе со спекуляцией // Донские ведомости. 1919. 7(20) нояб. A.P. Zakonoproekt po borbe so spekulyatsiy // Donskie vedomosti. 1919. Nov.*

7(20).
³⁴ *Раевский. Временный закон о спекуляции // Новая Россия. 1919. 15(28) нояб. Raevskiy. Vremennyy zakon o spekulyatsii // Novaya Rossiya. 1919. Nov. 15(28).*

³⁵ *Калинин И. Указ. соч. С. 198. Kalinin I. Op. cit. P. 198.*

³⁶ *Небессмертный. Что же делать? // Приазовский край. 1919. 15(28) окт. Nebessmertnyy. Chto zhe delat? // Priazovskiy kray. 1919. Oct. 15(28).*

³⁷ *Раевский. О спекуляции // Новая Россия. 1919. 1(14) сент.; Раевский. Временный закон о спекуляции // Новая Россия. 1919. 15(28) нояб.; А.П. Законопроект по борьбе со спекуляцией // Донские ведомости. 1919. 7(20) нояб.; Небессмертный. Что же делать? // Приазовский край. 1919. 15(28) окт. Raevskiy. O spekulyatsii // Novaya Rossiya. 1919. Sept. 1(14); Raevskiy. Vremennyy zakon o spekulyatsii // Novaya Rossiya. 1919. Nov. 15(28); A.P. Zakonoproekt po borbe so spekulyatsiy // Donskie vedomosti. 1919. Nov. 7(20); Nebessmertnyy. Chto zhe delat? // Priazovskiy kray. 1919. Oct. 15(28).*

³⁸ *Калинин И. Указ. соч. С. 191. Kalinin I. Op. cit. P. 191.*

³⁹ Там же. С. 183.
Ibidem. P. 183.

⁴⁰ *Ковалев Н. Южная контрреволюция – Врангель (Заметки и материалы к истории). Курск, 1925. С. 40; Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд., доп. и перераб. М., 2006. С. 423. Kovalev N. Yuzhnaya kontrevolyutsiya – Vranghel (Zametki i materialy k istorii). Kursk, 1925. P. 40; Karpenko S.V. Ocherki istorii Belogo dvizheniya na yuge Rossii (1917 – 1920 gg.). 3-nd ed. Moscow, 2006. P. 423.*

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

А.С. Сенин

ГЕНЕРАЛ С.А. РОНЖИН И ЕГО ОЧЕРК О РОССИЙСКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

С. А. Ронжин

В преддверии 100-летнего юбилея начала Первой мировой войны закономерно возрастает интерес профессионального сообщества историков, различных институтов государства и широких слоев российского общества к этому глобальному военно-политическому конфликту, в результате которого с карты мира исчезли четыре некогда могучих империи, а потрясшая весь мир революция в России определила судьбу человечества на весь XX век.

Об этой войне написаны горы книг, но споры о ее причинах и итогах, возможных альтернативах продолжаются до сих пор. В отечественной историографии хорошо изучена подготовка армии и флота к

войне, ход военных действий, проанализированы почти все значимые армейские и фронтовые операции, раскрыты тайны внешней политики стран-участниц. И все же надо признать, что характеристика этой войны как «неизвестной» вполне справедлива. И дело не только в том, что советские историки рассматривали Первую мировую войну под определенным углом зрения – как предтечу Октябрьской революции. Просто многие грани этой войны до сих пор не были предметом исследования.

В сущности малоизученными остаются все социально-экономические процессы за пределом театра военных действий. Например, нет специальных исследований ни по одной отрасли народного хозяйства в годы войны, по истории военного производства даже на крупнейших заводах, выполнявших военные заказы, по проблемам эвакуации и беженцев, по истории отдельных железных дорог, осуществлявших снабжение действующей армии, о работе водного транспорта, портов и т. п. Поэтому каждый новый факт, свидетельство очевидцев и участников событий тех лет крайне важны для всестороннего изучения этой «Великой» войны, как ее называли вплоть до начала Второй мировой.

Об одном таком очевидце и его уникальном свидетельстве о той войне мы и расскажем. Речь – о генерал-лейтенанте С.А. Ронжине и его доселе неизвестном российской исторической науке очерке «Железные дороги в военное время (по опыту минувшей войны)». Значимость этого документа (можно и так его назвать) исключает иной вариант введения его в научный оборот, кроме как путем публикации полного текста, каковой и завершит наш очерк.

* * *

Кто же он, генерал-лейтенант С.А. Ронжин?

Сергей Александрович Ронжин родился 14 августа 1869 г. в семье капитана русской армии. Общее и специальное военное образование он получил в Симбирском кадетском корпусе и Николаевском инженерном училище, которое он окончил по 1-му разряду.

По окончании училища в чине подпоручика он был направлен в 7-й саперный батальон. По месту службы Ронжин был обучающим в старшем классе батальонной школы, заведующим имуществом батальонной учебной команды, командующим 1-й ротой, входил в состав батальонного суда.

В 1893 г. он предпринял попытку поступить в Александровскую военно-юридическую академию, однако не сдал экзамены. Год усиленной подготовки не прошел даром, и в следующем году Ронжин поступил в Николаевскую академию Генерального штаба.

По окончании двух классов академии он был переведен на дополнительный курс. Завершив успешно обучение в академии, он за успехи в науках в мае 1897 г. был произведен в штабс-капитаны и направлен в Киевский военный округ.

Вскоре Ронжин был назначен старшим адъютантом штаба 32-й пехотной дивизии. В 1898 г. он получил свою первую награду – орден Св. Станислава 3-й степени. Год спустя он – уже помощник старшего адъютанта штаба Киевского военного округа, а с 1901 г. – и.д. штаб-офицера для особых поручений при штабе округа. В 1907–1908 гг. он был прикомандирован к 125-му пехотному Курскому полку, командовал батальоном, временно командовал полком.

Трудно сказать, как бы сложилась его дальнейшая военная карьера, если бы не назначение 24 декабря 1908 г. заведующим передвижением войск по железным дорогам и водным путям Киевского района. Это назначение изменило всю его жизнь, связав ее уже навсегда с железнодорожным транспортом.

В 1911 г. последовало повышение по службе: Ронжина назначили начальником отделения Отдела военных сообщений Главного управления Генерального штаба. С апреля 1913 г. он – помощник начальника этого отдела, с 22 мая 1914 г. – начальник Отдела военных сообщений. Вместе со своими сослуживцами он нес ответственность за подготовку путей

сообщения к вероятному военному конфликту. Поэтому особую ценность представляет его свидетельство о том, что в Генеральном штабе исходили из краткосрочности предстоящей кампании и поэтому с объявлением войны задача сводилась к возможно быстрому сосредоточению всех войск на границе. Для решения этой задачи страна должна располагать мощными магистралями, способными быстро доставить войска из внутренних губерний в намеченные районы сосредоточения. Этому же добивался основной союзник России – Франция, опасавшаяся остаться даже на короткое время наедине с колоссальной военной машиной Германии. Предоставляемые Францией займы России обуславливались строительством или усилением широтных дорог к государственной границе¹.

Бывший глава российского правительства В.Н. Коковцов вспоминал, что в июле 1912 г. начальник Генштаба французской армии Ж.С. Жоффр явился к нему на квартиру с разработанной схемой строительства новых железных дорог в России². Он так прокомментировал свой визит: «Я приехал к вам, господин председатель, с просьбой оказать нам (!) вашу помощь в деле развития русской железнодорожной сети, так как от этого зависит теперь вся подготовка наших общих военных сил». Обратной стороной этой тенденции, по словам Ронжина было то, что железнодорожным линиям, идущим параллельно фронту, рокадным, дававшим возможность перебрасывать войска с одного операционного направления на другое, неизбежное при затяжной войне, «не придавалось даже и приблизительно того значения, которое получила работа железных дорог в этом отношении в течение войны». По существу параллельно линии фронта шла одна однопутная линия Полесских железных дорог Вильно – Ровно. После занятия противником в 1915 г. железнодорожных узлов Вильно, Лида, Барановичи Полесские железные дороги были разделены на две разобщенные части, а потому переброска войск вдоль линии фронта в основном осуществлялась путем использования тыловых дорог, выходящих за пределы театра военных действий.

С объявлением войны в соответствии с «Положением о полевом управлении войск в военное время» стал формироваться полевой военный аппарат. 19 июля 1914 г. С.А. Ронжин был назначен начальником военных сообщений при Верховном главнокомандующем и 30 июля отбыл к новому месту службы. 5 октября 1915 г. он был произведен в генерал-лейтенанты.

Обобщением его огромного опыта руководства военными перевозками за годы Первой мировой войны и стал написанный им в эмиграции, в Югославии, в 1925 г., очерк «Железные дороги в военное время (по опыту минувшей войны)». Судя по содержанию и подаче материала, С.А. Ронжин предназначал свой очерк для не известных ему российских специалистов в области железнодорожного транспорта и военных сообщений на случай возможной в будущем новой мировой войны.

Самому ему дожить до нее не хватило десятка лет.

* * *

Машинописный текст очерка С.А. Ронжина после его смерти неизвестными путями попал в США. Можно лишь предположить, что этому поспособствовал генерал Н.Н. Головин: в своей книге «Военные усилия России в Мировой войне» он дважды сослался на «рукопись генерала Ронжина», упомянув при этом, что «рукопись находится в архиве генерала Головина»³.

В настоящее время этот единственный экземпляр хранится в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Sergei Aleksandrovich Ronzhin Collection, Hoover Institution Archives, Stanford)¹.

* * *

Очерк С.А. Ронжина, с учетом других, уже известных на сегодняшний день, фактов, позволяет принципиально по-новому взглянуть на роль российских железных дорог в Первой мировой войне.

Читателю очерка важно знать, что к 1914 г. в Российской империи было 72 981 км железнодорожных линий, в том числе в европейской части – 62 198 км, в азиатской – 10 783 км⁴. В европейской части России на 100 квадратных км приходилось всего 1,1 км железных дорог, в то время как в 1913 г. во Франции – 9,4 км, в Германии – 11,9 км, Великобритании – 12,1 км. В начале 1920-х гг. транспортная секция Госплана подсчитала, что при сохранении интенсивности движения 1913 г. в 95 млн пудо-верст на 1 версту, России необходимо было иметь сеть протяженностью в 165 тыс. км⁵.

Причины слабости российской железнодорожной сети следует искать в истории железнодорожного строительства. По оценке И.Д. Михайлова, ее рост шел крайне неравномерно и не соответствовал росту производительных сил страны. Причем строительство дорог с начала XX в. постоянно сокращалось. В 1900 – 1904 гг. было построено 8 222 версты, в 1905 – 1909 гг. – 6 160, а в 1910 – 1914 гг. – 3 466⁶. По данным С.А. Ронжина, к месту сосредоточения войск вели шесть технически хорошо оснащенных двухпутных и две однопутных железных дороги. Германия, Австро-Венгрия и Румыния имели 32 железнодорожные линии с 36-ю колеями. Пропускная способность этих российских дорог – 106 пар поездов в сутки, западных соседей – 530 пар.

По мнению С.А. Ронжина, всю сеть железных дорог России нельзя было признать удовлетворительной с точки зрения их приспособленности к функционированию в военное время. Нельзя было не предвидеть, что в случае большой войны в Европе все порты Балтийского и Черного морей будут заблокированы. Оставалось сообщение через Архангельск

---

¹ Автор и редакция «Нового исторического вестника» выражают сердечную благодарность Архиву Гуверовского института и писательнице-историку Людмиле Таймасовой за предоставленную возможность опубликовать очерк С.А. Ронжина.

и Владивосток. Но к Архангельску вела однопутная и узкоколейная дорога, а Владивосток был удален от театра военных действий более чем на 8 000 верст, и для одной пары поездов требовалось до 120 паровозов. Дорогу к Архангельску уже в ходе войны перешли на широкую колею, но «многомиллионное и драгоценное в военном отношении имущество осталось не вывезенным из Владивостока и Архангельска». Первый проект сооружения железной дороги к незамерзающему порту в Баренцевом море был предложен ведомству путей сообщения еще в 1871 г., а построена Мурманская дорога была только в годы Первой мировой войны и существенной роли в военных перевозках она не играла.

Одной из серьезных проблем железных дорог России была их недостаточная техническая оснащенность. В частности, С.А. Ронжин указывает на отсутствие у вагонов автоматических тормозов, что не позволяло развивать большую скорость. В России в начале XX в. стала применяться система тормозов с использованием сжатого воздуха американского изобретателя и предпринимателя Дж. Вестингауза. Фирма «Вестингауз» построила в С.-Петербурге специальный завод по выпуску тормозов, но в годы войны его пришлось эвакуировать в Ярославль. На железных дорогах применялась винтовая сцепка вагонов. Необходимость скручивать стяжки вагонов увеличивала длительность формирования состава и требовала много времени на маневровые работы. Автоматической американской автосцепкой были оборудованы лишь несколько сотен вагонов. На скорости движения эшелонов сказывалась и проблема питания перевозимых военнослужащих, весьма сложная при российских расстояниях и климате. Это обстоятельство вызывало 2–3-часовой простой на крупных железнодорожных станциях. В результате в среднем суточный пробег вагона по российским железным дорогам не превышал 300 верст, а во Франции он был вдвое больше.

Много места в своем очерке С.А. Ронжин уделяет организации управления железными дорогами в военное время.

В основу «Положения о полевом управлении войск в военное время» был положен принцип, согласно которому все управление путями сообщения на театре военных действий было сосредоточено в ведении исключительно военного ведомства. Оно полностью отвечало за эксплуатацию, строительство новых железных дорог, усиление пропускной и провозной способности. В Ставке было создано Управление начальника военных сообщений, состоявшее из трех офицеров Генерального штаба, офицера от железнодорожных войск, двух инженеров Министерства путей сообщения (по эксплуатации и по службе тяги), чертежников и писарей. Первоначально в штате Управления было 10 человек.

Управление военными сообщениями на театре военных действий было децентрализовано. На каждом фронте, а при необходимости и при отдельных армиях, имелись начальники военных сообщений фронтов и армий, подчиненные на местах главным начальникам снабжения армий фронтов. Исполнительным органом при начальнике военных

сообщений фронта было Управление, состоявшее из отделов: военно-эксплуатационного, путей сообщения, этапно-транспортного и почтово-телеграфного, канцелярии и интендантской части. Собственно путями сообщения ведали первые два отдела. Причем военно-эксплуатационный отдел состоял исключительно из чинов военного ведомства. В отделе путей сообщения служило шесть инженеров путейского ведомства, в том числе три специалиста по эксплуатации железных дорог, два по их постройке и один по водным и шоссейным путям.

По мнению С.А. Ронжина, Ставка первоначально не могла выполнить даже функции согласования интересов начальников военных сообщений фронтов, поскольку все железнодорожные средства были подчинены главным начальникам снабжения фронтов. Такая конструкция управления военными сообщениями также исходила из доктрины скоротечной войны. Особое значение придавалось срочности распоряжений по движению, которая выигрывала при децентрализованной системе управления. «Действительность, – отмечает С.А. Ронжин, – не оправдала таких соображений».

По мере развития военных действий проблемы с перевозками войск и военных грузов, эвакуацией больных и раненых нарастали как снежный ком. Из-за отсутствия умелого руководства перевозками, движение на дорогах постепенно запутывалось. Э.Б. Кригер-Войновский вспоминал: «Большое неудобство заключалось и в разделении всей сети на две части, одна подчинялась Министерству путей сообщения, а другая находилась в ведении Управления путей сообщения, органа Штаба Верховного главнокомандующего; это приводило зачастую к несогласованным распоряжениям и действиям»⁷. По словам депутата Государственной думы, члена Комиссии о путях сообщения Д.И. Герценвица, «Положение о полевом управлении войск в военное время» было разработано без участия МПС. Устранение министерства с театра военных действий, по его мнению, было сделано «в угоду весьма шаткому принципу, что только военные власти надлежащим образом могут охранять тайны передвижения»⁸.

24 августа 1915 г. новый начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев в письме министру путей сообщения С.В. Рухлову охарактеризовал сложившуюся систему управления как имевшую «органические несовершенства». В результате в летние месяцы многие дороги «стали совершенно непровозоспособными»⁹. М.В. Алексеев предлагал немедленно реорганизовать систему управления дорогами, выработав для этого новое положение и внося соответствующие изменения в «Положение о полевом управлении войск в военное время». Главными недостатками действовавшей системы М.В. Алексеев считал разделение дорог между фронтами и подчинение их главным начальникам снабжения армий фронтов. Часто изменявшиеся границы фронтов не позволяли создать устойчивое управление дорогами. Возникали трудности с оперативной

переброской материалов, топлива, оборудования и подвижного состава с одного фронта на другой. Особые проблемы возникли у дорог, если их линии находились в пределах разных фронтов и одновременно в тылу. В этом случае линии подчинялись минимум трем разным начальникам и их учреждениям. Однако железные дороги могли правильно работать лишь при строгом соблюдении основных принципов эксплуатации. Противоречивые указания разных должностных лиц вносили изрядную путаницу, а подчас были просто невыполнимыми.

М.В. Алексеев признал, что четкая работа дорог в той войне имела чрезвычайное, и даже решающее значение, и заявил о готовности коренным образом реорганизовать управление железными дорогами на театре военных действий. В частности, он предложил упразднить отделы путей сообщения на фронтах и создать полноценное Управление в Ставке. Идея Алексеева встретила возражения главнокомандующих армиями фронтов. В частности, генерал от артиллерии Н.И. Иванов, командовавший в 1914–1916 гг. Юго-Западным фронтом, считал, что централизация приведет к замедлению в исполнении требований фронта.

М.В. Алексеев привлек к разработке новой структуры управления начальника Управления по сооружению железных дорог Г.О. Паукера. Получив от С.А. Ронжина необходимые разъяснения, Г.О. Паукер составил проект положения об Управлении главного начальника военных сообщений и 30 августа направил С.А. Ронжину подробное письмо с разъяснением его содержания. «Деятельность железных дорог требует и в мирное время полной согласованности, достигаемой путем мощного аппарата – Управления железных дорог и поддерживаемой порайонными комитетами и съездами представителей дорог», – особо отметил Г.О. Паукер¹⁰. Считая, что Управление военных сообщений не обладало достаточными полномочиями, он указывает на такой факт: начальник военных сообщений пользовался правами командира корпуса, то есть теми же, что и начальники военных сообщений армий фронтов. Г.О. Паукер предупреждал, что после введения должности главного начальника военных сообщений останется проблема его взаимоотношений с Управлением железных дорог: «К сожалению, уничтожение двойственности власти мне не представляется возможным: нельзя все дороги и связанные с ними интересы страны подчинить Управлению военных сообщений, нельзя оставить армию без самостоятельного управления путями сообщения на театре военных действий»¹¹. Разрешение этой трудной задачи Г.О. Паукер видел в установлении единых приемов эксплуатации на обеих сетях, на фронте и в тылу. В частности, это было возможно путем согласования назначений должностных лиц на железные дороги театра военных действий между министром путей сообщения и начальником Штаба Верховного главнокомандующего.

18 сентября 1915 г. Николай II утвердил «Положение о Главном Управлении военных сообщений». На этом основании М.В. Алексеев 22 сентября расформировал Управление начальника военных сообщений и

отделы путей сообщения управлений начальников военных сообщений на Северном, Западном и Юго-Западном фронтах¹².

Главный начальник военных сообщений назначался императором и непосредственно подчинялся начальнику Штаба Верховного главнокомандующего. Он обладал широкими полномочиями, включавшими: установление очередности перевозок, порядок направления корреспонденции в армию и из нее; управление военно-полицейской и жандармско-полицейской службами; утверждение плана строительных работ и заготовок на сумму не свыше 500 тыс. руб. и т. п. В чрезвычайных обстоятельствах он принимал необходимые меры для обеспечения своевременной перевозки войск и грузов, не дожидаясь соответствующих указаний начальника Штаба Верховного главнокомандующего, а лишь докладывая ему о принятых мерах.

При Главном начальнике военных сообщений было создано Главное управление военных сообщений (ГЛАВОСО) в составе Управления путей сообщения, Отдела воинских перевозок, Почтово-телеграфной и Этапно-транспортной частей, канцелярии. Была учреждена должность помощника Главного начальника военных сообщений. На каждом фронте находился начальник военных сообщений фронта, подчиненный Главному начальнику военных сообщений и начальнику штаба фронта. Его исполнительным органом было Управление начальника военных сообщений фронта, состоявшее из военно-дорожного, этапно-транспортного, и почтово-телеграфного отделов, канцелярии и интендантской части.

16 ноября управляющий Министерством путей сообщения А.Ф. Трепов подготовил всеподданнейший доклад «О взаимодействии военно-полевого управления и Министерства путей сообщения в отношении заведывания железными дорогами империи»¹³. А.Ф. Трепов считал нежелательным, чтобы органы военно-полевого управления устанавливали без согласования с МПС направления перевозок по дорогам восточного района, что мешало, а иногда совершенно срывало выполнение продовольственных, угольных и иных важных перевозок, создавало скопление груженых вагонов на узловых станциях. Далее он подчеркивал необходимость согласования объемов перевозок со способностью дорог военно-полевого управления принять и выгрузить вагоны. В противном случае происходила закупорка магистралей. Он также настаивал на согласовании движения санитарных поездов с условиями их стоянок в отдельных узлах. В завершении доклада А.Ф. Трепов подчеркнул необходимость срочного обсуждения взаимоотношений дорог тыла и фронта. Николай II наложил резолюцию «Верно».

21 ноября М.В. Алексеев написал А.Ф. Трепову подробное письмо, в котором изложил свои взгляды на управление российскими железными дорогами. Он еще раз подтвердил свою точку зрения о невозможности объединить в одних руках управление сетью дорог фронта и тыла, так как «оба района работают и живут в совершенно различных условиях и ни одно из указанных управлений [в Ставке и в МПС. – А. С.] не может быть в

достаточной мере в курсе дел другого»¹⁴. Затем он указал на невозможность управления всеми казенными и частными дорогами из одного центра и в тылу. М.В. Алексеев считал необходимым вновь вернуться к довоенной идее окружных управлений, «предоставив им по некоторым вопросам распорядительные права и организовать их так, чтобы в их ведение могли быть переданы и воинские перевозки»¹⁵.

Проблема координации работы дорог фронта и тыла становилась острее с каждым месяцем войны. 18 апреля 1916 г. Г.О. Паукер, назначенный начальником Управления путей сообщения в Ставке Верховного главнокомандующего, писал Главному начальнику военных сообщений А.С. Ронжину, что демаркационная линия между театром военных действий и восточным районом разорвала единое управление Александровской, Екатерининской, Московско-Виндаво-Рыбинской, Риго-Орловской и Южными железными дорогами. «Нахождение одной и той же дороги в ведении Управления железных дорог и полевом управлении представляет, как выяснила практика, значительные неудобства как в отношении регулирования движения, надзора за подвижным и личным составом и безопасностью движения, так и в виду усложнения при этом работы управлений дорог по ведению двойной отчетности для участков, лежащих за пределами дорог фронта и находящихся в этих пределах», – отметил Г.О. Паукер. Он предложил, не изменяя демаркационной линии, передать в ведение полевого управления вопросы регулирования движения, надзор за подвижным составом и безопасностью движения, прохождением службы железнодорожными агентами Александровской, Московской сетью Московско-Виндаво-Рыбинской и Риго-Орловской железных дорог на всем их протяжении. В то же время проходящие через театр военных действий участки Екатерининской и Южных дорог он считал возможным передать в ведение Управления железных дорог МПС¹⁶. Резолюция С.А. Ронжина свидетельствует об одобрении предложений Г.О. Паукера. Дело в том, что точно установленной границы между путями сообщения фронта и тыла долго не существовало. 3 ноября 1915 г. она была установлена по линии, проходившей между станциями Гатчина, Бологое, Ржев, Вязьма, Смоленск, Брянск, Конотоп, Долинская, Кременчуг, Синельниково и Александровск¹⁷.

Предложения Г.О. Паукера были реализованы уже в апреле 1916 г. При этом участки Николаевской и Московско-Киево-Воронежской железных дорог, проходивших по театру военных действий, в оперативном отношении подчинялись Управлению путей сообщения. Железные дороги Финляндии и весь Петроградский железнодорожный узел, хотя были частью театра военных действий, ввиду непосредственной близости к МПС, находились в его ведении. Управление путей сообщения Ставки не руководило железными дорогами Кавказского фронта, который имел собственную организацию управления ими.

Осенью необходимость новой реформы управления путями сообщения на театре военных действий была осознана Ставкой.

Приехавший в Петроград к А.Ф. Трепову С.А. Ронжин сообщил, что и.о. начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерал от кавалерии В.И. Гурко готов начать реорганизацию управления. В ответ А.Ф. Трепов направил в Ставку письмо с проектом «Положения об утверждении по военным обстоятельствам временной должности товарища министра путей сообщения на театре военных действий».

Эта должность вводилась «для обеспечения надлежащего объединения в заведывании дорогами фронта и тыла». При этом сохранялась существовавшая ранее организация Главного управления военных сообщений. Предполагалось, что разногласия между начальником этого Управления и новым товарищем министра путей сообщения будет разрешать начальник Штаба Верховного главнокомандующего. По существу функцией нового должностного лица было согласование требований Ставки на перевозку войск и военных грузов с железнодорожной сетью тыла¹⁸.

В.И. Гурко, соглашаясь на предложенную схему управления, в ответном письме предложил «спешно провести в законодательном порядке милитаризацию всех железных дорог империи». Это означало, что все чины ведомства путей сообщения призываются на военную службу и награждения их происходят по правилам, установленным на театре военных действий. Для эксплуатации головных участков дорог, важнейших строительных работ будут направляться железнодорожные батальоны. При штабах фронтов и армий будут введены должности заведующих движением по железным дорогам, входящие в состав соответствующих штабов. Предлагался и ряд других мер, в том числе касавшихся частных железных дорог¹⁹.

В действительности, единства действий и на этот раз не получалось. Оставалось Главное управление военных сообщений во главе с Главным начальником военных сообщений и Управление путей сообщения, подчинявшееся товарищу министра путей сообщения на театре военных действий. Первое снимало с себя ответственность за перевозки, которыми отныне должна была заниматься структура, подчиненная МПС.

Переговоры о реформе управления железными дорогами на театре военных действий были продолжены. Наконец, 21 января 1917 г. Николай II утвердил «Положение об управлении путями сообщения на театре военных действий».

При Штабе Верховного главнокомандующего создавались Управление путей сообщения и Управление начальника военных сообщений театра военных действий. Согласование их деятельности было возложено на товарища министра путей сообщения, который подчинялся непосредственно министру путей сообщения, хотя и получал указания не только от министра, но и от начальника Штаба Верховного главнокомандующего. Функции обоих управлений были строго разграничены, и никакого параллелизма в работе не создавалось.

В своем очерке С.А. Ронжин, сравнивая эти три системы управления,

высказался в поддержку централизации управления путями сообщения по модели 1915 г., считая, что реформа 1917 г. не смогла проявить свои сильные и слабые стороны, поскольку Февральская революция «настолько разрушила порядок, дисциплину и всякую возможность продуктивной работы, что уже никакая организация дела не могла спасти железных дорог, как, впрочем, и всего остального, на фронте от полного развала».

Часть своего очерка С.А. Ронжин посвятил оперативным, эвакуационным и другим перевозкам на театре военных действий. Анализируя проблемы, связанные с огромным ростом перевозок, нерациональным использованием подвижного состава, непониманием проблем транспорта со стороны ряда представителей командования, он не приводит соответствующих цифр. Стоит напомнить читателю хотя бы некоторые из них.

Увеличение объема работы железнодорожного транспорта была связана с ростом численности действующей армии и протяженностью линии фронта. Если численность армии в первой половине 1915 г. колебалась между 3 и 4 млн, то в начале 1916 г. она достигла 6 млн, а в конце года – 7 млн человек. С вступлением в войну Румынии Восточный фронт увеличился почти на 500 км и простирался теперь от Балтийского моря до Черного²⁰. С началом военных действий на дороги фронта были направлены 21 тыс. вагонов и 725 паровозов. Помимо этого, для перевозок различного имущества, вооружения, боеприпасов и пополнения на театр военных действий по состоянию на 1 января 1915 г. использовалось 97 100 вагонов. Около 19 000 вагонов не вернулось с фронтовых дорог: они временно использовались как склады на колесах. Итого, за неполные шесть месяцев с начала войны дороги тыла не могли использовать для перевозки коммерческих и хозяйственных грузов 13 7400 вагонов²¹. К августу 1915 г. на фронтовых дорогах находилась почти половина подвижного состава страны: 8 тыс. паровозов и 218 тыс. вагонов. Кроме того, ежедневно из тыла в адрес фронта направлялось 150–170 поездов с различными военными грузами. В дни Брусиловского наступления на Юго-Западном фронте в 1916 г. на фронт ежедневно подавалось 6,5–6,7 тыс. вагонов. Генерал Н.Н. Головин в своем исследовании отметил, что это наступление не дало тех стратегических результатов, на которые можно было рассчитывать, исключительно из-за слабости нашей железнодорожной сети. Требуемые для развития успеха оперативные перевозки войск «оказались совершенно не под силу нашим железным дорогам»²².

Несмотря на увеличение пропускной и провозной способности основных магистралей, они не отвечали требованиям фронта и тыла. Так, Николаевская дорога пропускала в 1916 г. 1 500–1 700 вагонов в сутки, а для удовлетворения потребностей Северного фронта, населения всего Северо-Западного района, включая Петроград и Финляндию, многочисленных фабрик и заводов, расположенных на этой территории, требовалось перевозить в сутки не менее 2 200 вагонов.

Интенсивная работа усилила износ подвижного состава, а пополнялся

транспорт новыми паровозами и вагонами в мизерных количествах, равно как и рельсами, крестовинами, стрелками и прочим. Например, в 1916 г. Ставка Верховного главнокомандующего потребовала передать на театр военных действий 1 947 паровозов широкой колеи для обслуживания прежних и новых фронтовых дорог, что в три раза превышало годовую производительность отечественных паровозостроительных заводов. Только за первый год войны с тыловых дорог на театр военных действий для восстановления фронтовых линий было направлено 878 верст рельсов, около 700 тыс. пудов скреплений и 2 975 комплектов стрелочных переводов. А в 1916 г. Ставка запросила уже 5 тыс. верст рельсов. Российская промышленность не могла выполнить железнодорожные заказы МПС и Ставки в необходимом объеме из-за недостатка металла, квалифицированных рабочих, трудностей снабжения предприятий топливом, переключения их на выпуск военной продукции. В результате к концу 1916 г. количество паровозов и вагонов на сети сократилось примерно на 20 %. На 1 января 1917 г. железным дорогам недоставало 128 313 товарных вагонов, 1 884 новых мощных паровозов и 28 млн пудов рельсов²³.

Эти цифры, несомненно, помогут читателю лучше вникнуть в содержание очерка С.А. Ронжина, в его размышления, наблюдения и суждения, а также оценить значимость этого уникального труда человека весьма осведомленного, знающего свое дело, а главное – болеющего душой за Россию и ее будущее.

С.А. Ронжин

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ (ПО ОПЫТУ МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ)

Значение железных дорог

Роль железных дорог, этого исключительного по своей мощности транспортного средства, была в военное время очень велика и ранее, в прошлые войны при значительно меньших армиях и сравнительно слабом развитии военной техники. Теперь же, когда воюют вооруженные народы и армии измеряются многими миллионами бойцов, а развитие техники привело к тому, что количество и качество расходуемых боевых припасов достигло размеров, которые еще четверть века тому назад показались бы фантастическими, роль железных дорог, обеспечивающих подвоз к армии всего необходимого, очень усилилась и сделалась крайне ответственной. Снабжение армии интендантским, артиллерийским, инженерным и санитарным имуществом, подвоз укомплектований, эвакуация раненых и больных требуют ежедневно сотен поездов и составляют основную работу железных дорог, с которой может справиться только хорошо

развитая железнодорожная сеть. Но этими основными, постоянными перевозками роль железнодорожного транспорта не исчерпывается. Наряду с перевозками по снабжению, железные дороги должны быть во всякое время готовы к выполнению перевозок оперативных, к переброске войск со стратегической целью из одного боевого района в другой, иногда удаленный по фронту на сотни верст. Такие перевозки диктуются часто крайней необходимостью, требуют почти всегда весьма срочного выполнения, влияя непосредственно на ход военных действий, а по размерам достигали у нас иногда громадной цифры в десятки корпусов.

Если теперь принять во внимание, что обеспечение жизненных и боевых потребностей армий возможно, по грандиозности связанных с этим перевозок, только благодаря наличию железных дорог, значение их для войны надо признать в той же мере первостепенным, как и значение основных боевых элементов государства. А если вспомнить, что кроме указанных перевозок практика минувшей войны выработала такие разнообразные способы пользования железными дорогами (от броневых поездов до поездов-бань и прачечных), что их участие проявлялось в самых различных сторонах армейской фронтовой жизни, — нельзя не согласиться с определением одного германского военного автора, сказавшего, что современная война — железнодо́рная.

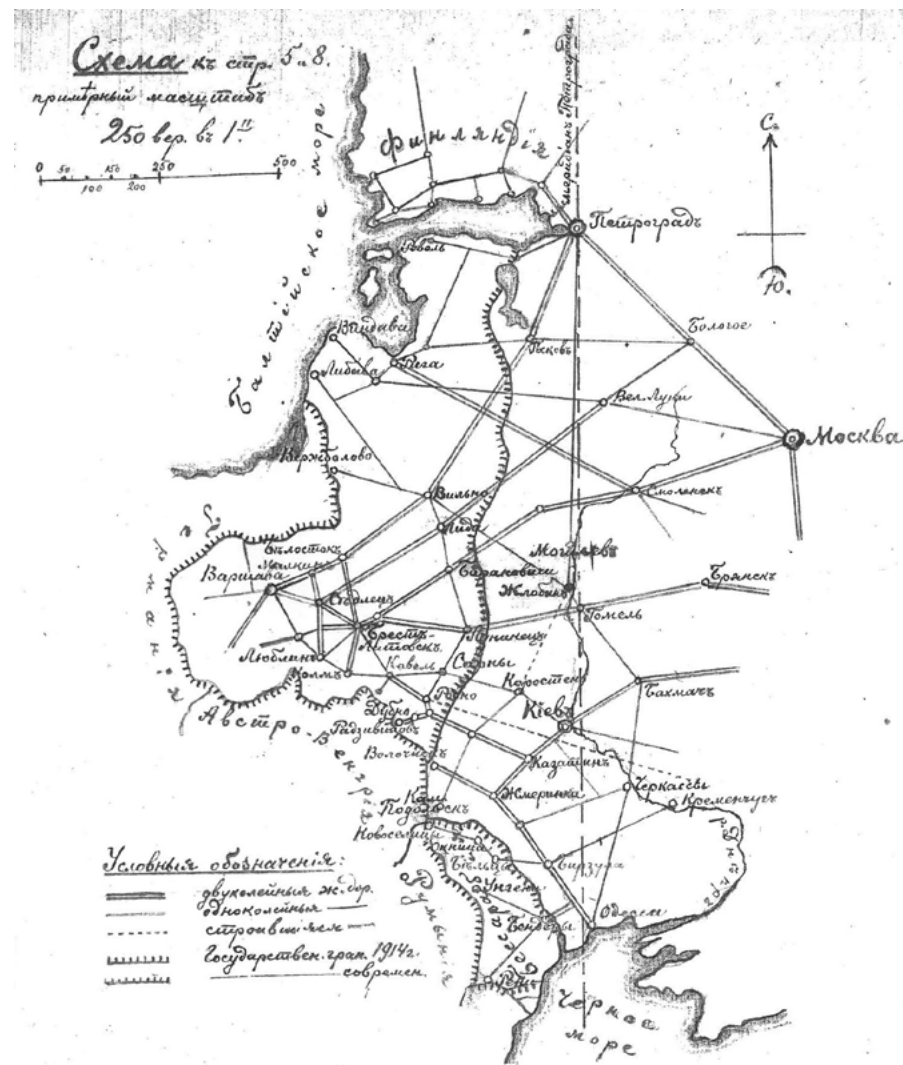
Однако, насколько можно предвидеть, не только в настоящее время, но и в будущем роль железных дорог останется первостепенной и никакие из существующих транспортных средств, по совокупности всех условий работы, не в состоянии будут заменить ширококолейную железнодорожную сеть. Относительно главнейшего из новых средств транспорта — автомобилей — после большого опыта это твердо признано во Франции, и оно особенно важно для нас, при нашем бездорожье, наших расстояниях и климатических условиях. Отсюда следует какую чрезвычайную важность имеет соответственное устройство железных дорог прежде всего в пределах будущего театра военных действий и затем и общегосударственной сети, которая в период современной войны должна подчинить свою работу служению фронту.

Главные условия надлежащего устройства железных дорог таковы:

- 1) соответственное начертание сети,
- 2) техническое оборудование, отвечающее требованиям воинских перевозок, и
- 3) организация управления, обеспечивающая максимальную работу железных дорог в условиях военного времени.

Начертание железнодорожной сети

Опыт минувшей войны дал нам очень полезные указания в отношении начертания железных дорог нашего главного театра военных действий и обнаружил также некоторые дефекты остальной сети, в смысле общей подготовки страны к войне.

С началом в июле 1914 года войны с Германией и Австро-Венгрией в зависимости от расположения на фронте войск и организацией их тыла театром военных действий сделалась обширная территория нашей западно-пограничной полосы от Финляндии до Черного моря с севера на юг и от государственной границы до линии Петроград — Смоленск и течение р. Днепра с запада на восток. Отдельные части заключенной в этих пределах громадной площади были очень различны по своему военному значению и, соответственно, по характеру и развитию железнодорожной сети.

Северную часть составляла Финляндия, которая по сложившейся обстановке ареной военных действий не сделалась и со своей довольно развитой, хотя и не сильной железнодорожной сетью вследствие отсутствия

достаточной связи с общегосударственными дорогами осталась как бы изолированной.

Южный участок фронта, пограничный с Румынией, которая, видимо, предполагалась или нейтральной, или союзной, в военном отношении подготовки вообще не получил и в пограничной полосе, в Бессарабии, располагал всего двумя одноколейными линиями слабой провозоспособности: от Бендер на Унгены и на Рени. Военные события, разыгравшиеся на фронте этого южного участка в конце 1916 года, в связи с выступлением Румынии дают повод констатировать, как, несмотря на то что предположения о нейтралитете и союзничестве Румынии оправдались, тяжело пришлось испытать нашим войскам, вынужденным сформировать новый фронт, недостаточное развитие железнодорожного сообщения в этом районе и как форсированная работа Бессарабских линий неблагоприятно отразилась на значительной части железных дорог южной половины театра военных действий.

Обращаясь к оценке железнодорожной сети на обширной центральной части нашего главного театра – от Финского залива до северной границы Бессарабии, той части, которая, собственно, и была ареной нашей кровавой борьбы, – необходимо отметить, что в последнее десятилетие железнодорожное строительство в этих пределах происходило под сильным влиянием военного ведомства и потому начертание сети в значительной мере отражало взгляды Генерального штаба на характер будущих военных операций. Согласно предположениям военных авторитетов, не только наших, но и наших союзников и наших врагов, будущая война, как по соображениям чисто военного характера, так и по причинам экономическим, должна была быть, при крайней интенсивности, очень короткой по времени. В военном мире господствовала доктрина, что объектом действий могут быть только живые силы противника и военные действия должны отличаться крайней решительностью. Поэтому с объявлением войны задача сводилась к возможно быстрому сосредоточению всех войск к границе, к маршам-маневрам для встречи с противником в наиболее выгодных условиях и к столкновению громадных масс, которое чуть ли не тут же решит участь кампании. При этом в дело должны быть введены все силы, при полном напряжении всех средств и это давало основание предполагать, что ни одно государство не сможет длительно выдержать такого одностороннего напряжения, нарушающего всю хозяйственную и промышленную жизнь страны. В соответствии с изложенным, в стратегических интересах железнодорожная сеть должна была располагать прежде всего мощными артериями, которые могли бы с возможной скоростью доставить войска из внутренних областей в намеченные районы сосредоточения на границе. Эти же сильные магистрали нужны были и для напряженной работы в период короткой кровопролитной войны для подвоза укомплектований, всех видов довольствия и эвакуации раненых и больных. Железнодорожным линиям параллельно фронту, рокадным, дававшим возможность перебрасывать

войска с одного операционного направления на другое, что при затяжной войне оказалось бы неизбежным, не придавалось даже и приблизительно того значения, которое получила работа железных дорог в этом отношении в течение войны. Возможно, что указанная тенденция железнодорожного строительства в направлении западной границы усиливалась еще и пожеланиями нашего главного союзника, для которого ускорение нашего сосредоточения могло иметь, а быть может, и фактически имело, решающее значение.

Если на прилагаемой схеме проследить с севера на юг по меридиану Петрограда, то, кроме Балтийской линии Петроград – Ревель, имевшей специальное значение для обороны южного берега Финского залива, мы найдем 6 сильных двухколейных магистралей и 2 одноколейных линий, которые направлялись в районы сосредоточения войск.

Начиная с севера это были двухколейные магистрали:

- 1) Северо-Западная дорога – Петроград – Белосток – Варшава,
- 2) Бологое-Седлецкая – двухпутная от Вел. Лук до Седлеца,
- 3) Александровская – Москва – Брест-Литовск – Варшава,
- 4) Линия Полесской дороги – Брянск – Лунинец – Брест-Литовск и Юго-Западные дороги:
- 5) Киев – Казатин – Дубно – Радзивиллов и
- 6) Одесса – Жмеринка – Волочиск.

Одноколейные линии:

- 1) Киев – Сарны – Ковель и
- 2) Кременчуг – Бирзула – Бельцы – Новоселицы.

Приведенные линии, не считая последней, направленной к крайнему левому флангу нашей границы с Австро-Венгрией, охватывая веерообразно на востоке до 1 500 верст (Петроград – Одесса), сходились к границе на 400-верстное протяжение и при работе полным графиком могли на фронте Белосток – Волочиск доставлять в сутки до 250 воинских эшелонов¹. Но и такое положение не удовлетворяло Генеральный штаб и он всячески поддерживал проекты новых магистралей, направлявшихся из центра в районы сосредоточения.

В тоже время, как сказано, наш главный театр в отношении линий для переброски войск по фронту был очень беден, и военное ведомство не только не оказывало серьезного содействия постройке дорог в этом направлении, но иногда различными своими требованиями тормозило их сооружение и оно затягивалось на многие годы².

Два участка двухколейных линий, позволявших переброску войск в меридиальном направлении в пределах «Передового театра»: Малкин – Люблин и Белосток – Холм были относительно небольшого

¹ Это составляло до двух корпусов войск. (Здесь и далее, кроме примечания 6, – подстрочные примечания С.А. Ронжина.)

² Так было, например, с Подольской линией: Каменец-Подольск – Коростень – Жлобин, связывавшей линию Петроград – Жлобин с Юго-Западной сетью.

протяжения и могли иметь ограниченное местное значение. Далее же вглубь мы располагали только одной параллельной фронту одноколейной ветвью Полесских дорог: Вильно – Ровно, а затем в тылу для подобных оперативных перевозок приходилось бы пользоваться уже круглыми направлениями, выходящими за пределы театра военных действий. Такое начертание сети серьезно дало себя знать при нашей эвакуации весной 1915 года, не позволяя отклонять излишний подвижной состав с перегруженных главных направлений. А после того, как противником были заняты узлы Полесской линии: Вильно, Лида и Барановичи, а наша война с осени 1915 г., благодаря усиленным оперативным перевозкам, обратилась действительно в войну «железнодорожную», работа дорог Полевого управления осложнилась до крайности. И если во второй половине 1916 года на дорогах чувствовалось явное переутомление, оно в значительной мере обязано тому, что общий план железнодорожной сети театра военных действий не соответствовал тем задачам, которые возлагались на дороги. В течение войны были выполнены крупные строительные работы, чтобы улучшить наше сообщение вдоль фронта, но, конечно, новые, спешно строившиеся во всякое время года линии существенно не могли изменить положения. Предвзятое мнение относительно характера будущих военных операций оказало сильное влияние на вышеприведенное начертание железнодорожной сети, и это должно послужить уроком для нас в будущем. Железнодорожная сеть театра войны должна быть широко сообразна с возможностью обеспеченной переброски войск на различные участки нашего громадного фронта, и обстоятельство это чрезвычайно важно, в особенности если наши военные операции сложатся в виде действий по внутренним операционным линиям.

Высказаться сейчас конкретно по поводу того или иного соответствия современной русской западно-пограничной железнодорожной сети возможным в будущем военным столкновениям с нашими западными соседями также трудно, как решать уравнение с несколькими неизвестными. Вместо одного определенного и хорошо знакомого нашего противника – в виде Германии с ее послушной союзницей Австро-Венгрией и нейтральной Румынией – России на ее западной границе придется устанавливать отношения с шестью новыми государствами, часть которых владеет значительными участками русской земли и пользуется многим нашим имуществом, в том числе и железнодорожным. Как сложатся эти отношения – разрешит ли спорные вопросы мирно всесильное время, или они будут решены с оружием в руках, – это гадательно и об этом можно быть самых противоположных мнений. Но, во всяком случае, в первые годы после свержения большевиков для нас едва ли возможны будут какие-либо военные операции. Россия будет поглощена своими внутренними делами: очисткой страны от коммунизма, восстановлением армии, торговли, промышленности и нормальной человеческой жизни. В железнодорожном отношении понадобится, вероятно, приведение всей сети в «проезжее» состояние, а это потребует таких материальных средств

и такого числа рабочих рук, что о новом строительстве со стратегической целью в сколько-нибудь серьезных размерах думать не придется. Поэтому пока для всякого рода военных предположений надо ограничиться существующими линиями, считая возможным скорое восстановление на главных направлениях норм пропускной способности наших дорог.

В это общее положение относительно железных дорог пограничной полосы хотелось бы, однако, внести одну серьезную поправку. Она находится в связи с вероятным пересмотром нашей границы с Польшей. Сейчас граница проходит так, что вся линия бывших Полесских дорог Вильна – Лида – Барановичи – Лунинец – Сарны – Ровно оказалась в пределах Польши (см. схему). Эта линия имеет чрезвычайно важное военное значение, связывая вдоль фронта пять наших магистралей, направленных на запад, и нам необходимо получить ее обратно. Случайное происхождение современной восточной границы Польши, равно как и полное отсутствие этнографических оснований для такого ее начертания, позволяют думать, что этот вопрос может быть разрешен для нас благоприятно, не откладывая его на далекий срок.

Что касается нашей общеимперской железнодорожной сети, то, с точки зрения подготовки к войне, надо признать не вполне удовлетворительной нашу рельсовую связь с внешними морскими портами и с Кавказским театром военных действий. Нельзя было не предвидеть, что в случае европейской войны мы на западе и на юге будем лишены связи с нашими союзниками и подвоза извне. Выходы из Балтийского и Черного морей преграждались очень легко. Оставалось сообщение через Архангельск и Владивосток. Но Архангельск по климатическим условиям в течение года доступен не более шести месяцев и был связан с общей сетью Архангело-Вологодской дорогой метровой колеи сравнительно слабой провозоспособности, а Владивосток удален был от фронта более чем на 8000 верст и для одной пары поездов требовалось до 120 паровозов, в которых мы вскоре после начала войны уже начали ощущать недостаток. И хотя во время войны, зимой, при исключительно трудных условиях, благодаря доблестной работе наших железнодорожных войск, архангельская линия была перешита на широкую колею, хотя принимались различные меры для улучшения подвоза по Сибирской дороге, многомиллионное и драгоценное в военном отношении имущество осталось не вывезенным из Владивостока и Архангельска, и армия его не получила. Недостаточность железнодорожного сообщения с важнейшими портами сознавалась, и после начала войны вскоре приступили к постройке Мурманской железной дороги к незамерзающему порту в Северном океане. К сожалению, однако, технические условия сооружения и обстановка работы были так трудны, что во время войны линию закончить не удалось.

Железнодорожное сообщение с Закавказьем существовало к началу войны только в виде огибавшей Кавказский хребет с востока Владикавказской линии очень круглой по направлению и на большей части протяжения однопутной. Владикавказская дорога, очень хорошо

оборудованная, в мирное время вполне успешно обслуживала Закавказье и весьма важный для нашей промышленности Бакинский нефтяной район; в военное же время от нее потребовалось громадное напряжение, чтобы удовлетворить требования по подвозу для армии, оперировавшей на турецком фронте, а также и для населения, которое в Закавказье не могло существовать средствами края. Серьезным подспорьем в мирное время служил морской транспорт по Черному морю, но на этот путь нельзя было с уверенностью рассчитывать во время войны; что в значительной мере и подтвердилось, благодаря частому появлению у наших берегов, хотя и небольшого, но энергичного германо-турецкого флота. Предвидя такое положение, военное ведомство давно уже настаивало на осуществлении разработанного проекта так называемой Перевальной через Кавказский хребет железной дороги, сокращавшей путь до Тифлиса на 700 верст и коренным образом разрешавшей вопрос обеспеченной связи с Закавказьем. Но сооружение ее затягивалось различными контрпроектами, и к началу войны была в постройке побережная Черноморская дорога Туапсе – Квалони. Это направление, хотя и давало значительное сокращение пробега поездов в Закавказье, но было не обеспечено от разрушения с моря противником, а количество необходимых искусственных сооружений оказалось так велико, что в течение войны дорога окончена не была.

Техническое оборудование

Общее техническое состояние нашей железнодорожной сети к началу войны надо признать вполне удовлетворительным. Было некоторое различие между дорогами казенными и частными, обычно в пользу первых, но, во всяком случае, на постоянное техническое совершенствование и на поддержание в порядке пути и сооружений, а также и подвижного состава на всех линиях было обращено полное внимание. В отношении воинских перевозок делалось все возможное для выполнения их в удобных условиях, что при наших расстояниях и свойствах климата было очень важно. Воинское оборудование вагонов давало людям возможность не утомляться при длительных переездах, а отапливаемые вагоны-теплушки обеспечивали перевозки в зимнее время. Слабой стороной перевозки войск была малая скорость движения воинских поездов. В среднем суточный пробег не превышал 300 верст, что, например, вдвое медленнее движения воинских поездов во Франции. Главных причин этому было две. Одна – это продолжительные остановки для довольствия эшелонов горячей пищей на продовольственных пунктах. Это обстоятельство, вызывавшее простой поездов до 2–3 часов, было устранимо, и с 1912 г. началась реорганизация этого нелегкого дела при массовых перевозках, в виде перехода к довольствию в пути из подвижных вагонов-кухонь. Вторая причина медленного движения воинских поездов более серьезная и была весьма трудно устранима. Она заключалась в том, что наш товарный парк не имел автоматических тормозов и воинские поезда не могли развивать больших

скоростей ввиду небезопасности такого движения. Вопрос о переделке всего вагонного парка возбуждался неоднократно, но организация этого дела оказалась настолько сложной и работа вызывала такой значительный расход, что вопрос благоприятного разрешения не получил. А вместе с тем при наших расстояниях увеличение скорости движения воинских поездов настолько важно в интересах государственной обороны, что переделка эта необходима и вопрос должен получить благоприятное решение. Судя по тому, что до нас доходит из России, можно думать, что железные дороги, кроме некоторых показных линий, у нас на родине в плачевном состоянии и с годами общее состояние сети только ухудшается. В таком случае после падения большевистского режима для приведения железных дорог в порядок потребуются очень крупные мероприятия; не будет ли это время подходящим и для указанного выше усовершенствования нашего товарного парка?

Организация управления железными дорогами в военное время

С объявлением войны железные дороги театра военных действий переходили в полное подчинение военным властям. Это обстоятельство вызывало необходимость для военного ведомства иметь надлежаще подготовленный кадр чинов, которые могли бы выполнить крайне ответственную роль распорядителей железнодорожного транспорта во время войны. Таким кадром были офицеры, подведомственные в мирное время Отделу военных сообщений, одному из подразделений Главного управления Генерального штаба. Отдел военных сообщений был центральным органом, ведавшим подготовкой для войны железных дорог и внутренних водных путей, организацией этапно-транспортной службы, почтово-телеграфных сношений военного времени и полевыми железнодорожными войсками. Местными органами Отдела военных сообщений в отношении железных дорог были заведующие передвижением войск различных районов, на которые делилась вся территория империи, и каждый из которых заключал в себе от 3-х до 4 тысяч верст железнодорожной сети. Районы делились на комендантские участки, составлявшие примерно от 400 до 500 верст пути, с управлениями железнодорожных комендантов в крупных узловых пунктах. Затем при управлениях заведующих передвижением войск было некоторое число офицеров для поручений. Они изучали практически и теоретически железнодорожное дело и, после испытания, зачислялись в кандидаты на должности железнодорожных комендантов. Приведенная организация службы по военным сообщениям давала возможность Генеральному штабу подготовить необходимый персонал для занятия во время войны должностей на дорогах Полевого управления и принимать в мирное время ответственное участие в общей подготовке всей железнодорожной сети к выполнению ее работы военного времени.

Порядок управления железными дорогами театра войны определялся подлежащими отделами «Положения о полевом управлении войск». В главных чертах он заключался в следующем: в составе Штаба главной квартиры (Ставки) был начальник военных сообщений при Верховном главнокомандующем. На него возлагалось общее распоряжение всеми средствами железнодорожной сети и водных путей и преподание руководящих указаний по этапной и транспортной частям на театре военных действий. В соответствии с характером деятельности, в виде «общего распоряжения» и «руководящих указаний», при начальнике военных сообщений было очень ограниченное управление. По части железных дорог, например, в Управлении было всего два штаб-офицера Генерального штаба и два инженера VI класса³ Министерства путей сообщения, специалистов по движению и по тяге. Следующей инстанцией были начальники военных сообщений «армий фронтов» (что отвечает понятию «группы армий»). В их полном ведении находились все железные дороги и водные пути фронта. Начальники военных сообщений подчинялись непосредственно главным начальникам снабжений и только с соблюдением некоторых формальностей выполняли специальные указания начальника военных сообщений при Верховном главнокомандующем. При начальниках военных сообщений находились хорошо развитые управления из трех отделов: военно-эксплуатационного, путей сообщения и этапно-транспортного. Исполнительными органами их на местах были те же, что и в мирное время, заведующие передвижением войск и железнодорожные коменданты, число коих, а равно и их права и обязанности значительно увеличивались.

Приведенную организацию управления железными дорогами театра войны надо признать основанной на принципе децентрализации. Хотя при верховном командовании и был орган в виде Управления начальника военных сообщений, предназначенный для объединения и согласования деятельности начальников военных сообщений фронтов, однако практически он и по своей конструкции, и по правам едва ли мог это выполнить, тем более что все железнодорожные средства фронтов были подчинены главным начальникам снабжений. В предварительных расчетах по поводу войны на Западе у нас на главном театре устанавливалось всего два фронта (Северо-Западный и Юго-Западный), делившиеся примерно параллелью кр. Брест-Литовск, и два военных округа (Петроградский и Одесский), имевшие, впрочем, только тыловое значение. Война, как это уже было упомянуто, по общему убеждению, ожидалась очень интенсивной и кратковременной. При таких условиях особое значение, по-видимому, придавалось срочности распоряжений по движению, которая выигрывала при децентрализации, а согласование деятельности между двумя фронтами

---

³ VI класс должности определял выбор этих лиц из числа инженеров, не занимавших в мирное время ответственных мест, и потому едва ли достаточно авторитетных для непосредственного участия в руководстве хотя бы и «общей» службой железных дорог театра войны.

и притом непродолжительное время представлялось достижимым и при слабом центральном органе.

Действительность, однако, не оправдала таких соображений.

Первое время войны, когда дела на фронте шли успешно и войска действовали в определенных операционных направлениях, подвоз укомплектований и всех видов снабжения производился без затруднений, а общий подъем духа облегчал и упрощал всякую работу. В порядке управления железными дорогами чувствовалась некоторая ненормальность, заметно было, что распорядители недостаточно бережно расходуют силы и средства железных дорог, эгоистично преследуя свои частные интересы, но при избытке средств и убеждении в непродолжительности войны вредные стороны существовавшего порядка недооценивались и крайне нежелательная ломка принятой системы управления железными дорогами не казалась настоятельно необходимой. Однако относительно налаженная и спокойная работа была непродолжительна. Изменившиеся военные обстоятельства вызвали перемены в распределении боевых участков между фронтами, что повлекло за собой изменение границ их тыловых районов и принадлежности железнодорожной сети, число войск и различных учреждений на театре военных действий непрерывно возрастало, военная обстановка начала вызывать крупные оперативные перевозки с одного фронта на другой, и к зиме в нашем владении оказалась железнодорожная сеть Галиции, которую надо было снабдить личным и подвижным составом. К началу весны 1915 г. работа железнодорожного транспорта уже очень осложнилась и наличие нескольких почти независимых распорядителей начало серьезно отражаться на порядке движения. Когда же в мае месяце в связи с отходом вглубь мы начали эвакуацию лазаретов, имущества и населения Галиции и «Передового театра», существовавший порядок управления железными дорогами оказался несоответственным для надлежащей регулировки движения и реорганизация управления железными дорогами сделалась безусловно необходимой.

Немедленно после того, как наши армии стали на новых позициях и эвакуация начала затихать, было проведено в жизнь новое положение об управлении военными сообщениями театра войны. В Ставке Верховного главнокомандующего была установлена должность Главного начальника военных сообщений с надлежаще развитым Управлением путей сообщения. Все начальники военных сообщений, а через них все лица и учреждения Министерства путей сообщения, находившиеся в пределах театра военных действий, во всех отношениях подчинялись Главному начальнику военных сообщений. Управления при начальниках военных сообщений фронтов были сокращены и значительно урезаны в правах. Главные начальники снабжений потеряли право распоряжения железнодорожным транспортом.

В таком виде Управление военных сообщений просуществовало до конца января 1917 года. С этого времени, по инициативе Министерства путей сообщения, был введен новый порядок, причем существенное

изменение заключалось в том, что должность Главного начальника военных сообщений была упразднена и во главе железных дорог театра войны стал товарищ министра путей сообщения, не подчиненный начальнику Штаба Верховного главнокомандующего. Этим достигалось объединение железных дорог Полевого управления с общеимперской сетью. В Ставке была установлена должность начальника военных сообщений театра военных действий с характером прав и обязанностей военно-эксплуатационных отделов; в работу органов управления путей сообщения были введены некоторые частичные изменения.

* * *

Итак, в течение войны мы испытали три различных способа управления железными дорогами на театре военных действий. От первого способа, предусмотренного «Положением о полевом управлении войск» 1914 г., основанного на децентрализации, мы перешли к централизации всего управления в Ставке Верховного главнокомандующего и закончили попыткой дальнейшей централизации, в смысле сокращения прав военного ведомства и объединения управления в Министерстве путей сообщения.

Первый способ не дал положительных результатов даже на протяжении первого года войны, времени наиболее простой и легкой работы железнодорожного транспорта. В дальнейшем, когда на главном театре у нас образовалось четыре отдельных фронта, когда оперативные перевозки усилились настолько, что измерялись многими корпусами, и когда тыловые магазины юга должны были снабжать северную половину фронта – к силам и средствам железных дорог необходимо было относиться очень расчетливо и децентрализованное управление, как можно с уверенностью думать, с такими задачами не справилось бы.

Со второй половины 1915 г. управление железными дорогами было централизовано в Ставке и на долю этого главного управления выпали наиболее трудные задачи на протяжении полутора года. При обслуживании удвоившейся по размерам армии и очень усложнившимся снабжении почти не прекращавшиеся оперативные перевозки временами вызвали чрезмерное напряжение сил железных дорог, но все военные задания были выполнены, и если армия по части снабжения в чем-либо иногда испытывала недостаток, – это происходило не по вине железных дорог. В то же время по всей сети шло непрерывное строительство. Строились новые линии, прокладывались вторые пути, развивались узловые пункты и к 1917 г. провозная способность сети железных дорог театра войны была увеличена более чем на 100 %.

В конце января 1917 года, как уже сказано, управление военными сообщениями было вновь реформировано и во главе железнодорожного транспорта стал товарищ министра путей сообщения. Выказаться на основании практики об этом способе управления – не приходится.

Произошла эта реформа по инициативе гражданских властей⁴, случилась уже в смутное предреволюционное время, а через месяц после ее осуществления революция сразу настолько разрушила порядок, дисциплину и всякую возможность продуктивной работы, что уже никакая организация дела не могла спасти железных дорог – как, впрочем, и всего остального на фронте – от полного развала.

Поэтому нижеприводимые выводы являются результатом опыта двух способов военного управления сетью железных дорог:

1. Управление железными дорогами театра войны должно быть централизовано для достижения правильного использования и регулировки их сил и средств. Железные дороги полевого управления должны быть единым организмом, которым распоряжается один центр.

2. Центральный орган управления железными дорогами должен быть в Ставке Верховного главнокомандующего. Только путем постоянного личного сношения с высшими оперативными и хозяйственными установлениями можно быть в курсе быстро меняющейся обстановки на театре войны, знание которой необходимо для правильного распоряжения средствами железнодорожного транспорта. Только при совместном обсуждении часто спешных и крайне ответственных задач по оперативной части можно прийти к наилучшему решению боевой задачи в ее целом.

3. Управление железных дорог театра войны должно быть в руках подготовленных в мирное время чинов военного ведомства. Оно должно быть основано во всех инстанциях на взаимном благожелательном сотрудничестве с агентами Министерства путей сообщения, которые остаются самостоятельными и ответственными распорядителями по технической части. При этом военная администрация железных дорог не должна быть поводом для вмешательства в какие бы то ни было распоряжения по железным дорогам строевого начальства всех рангов. Во всех случаях воинские чины должны со своими заявлениями обращаться к представителям управления военных сообщений, выработанным еще в мирное время «компетентным посредникам», говорящим общим языком с чинами военного ведомства и достаточно осведомленным в железнодорожном деле, чтобы оценить, что и когда от железных дорог может быть потребовано.

* * *

К п. 3-му. Вопрос о порядке управления железными дорогами во время войны вызывал и будет, вероятно, вызывать в будущем разногласие между военным ведомством и тем, в ведении которого дороги находятся в мирное время; у нас это было Министерство путей сообщения. Однако обширный

---

⁴ В декабре месяце 1916 г. подобная же реорганизация была произведена во Франции и в дальнейшем вызвала необходимость различных мероприятий, чтобы опять, возможно, сблизить управление железными дорогами с военным командованием.

опыт минувшей войны в этом отношении говорит за то, что надлежаще подготовленный, можно сказать, специализировавшийся военный кадр с успехом может руководить службой железных дорог в военное время и придать дорогам тот милитаристический характер, который будет только на пользу их военной работы.

Наш опыт, так сказать, гражданского управления дорогами театра войны, как уже упомянуто, не может быть назидателен. В Германии военное управление дало блестящие результаты, которые только укрепили этот принцип. Во Франции попытка смягчения военного режима и передача военным министром власти над железными дорогами министру общественных работ вскоре же ослабила дисциплину, среди железнодорожников начали происходить случаи неисполнения распоряжений, митинги и были даже попытки забастовок. В результате потребовалось вновь усилить военное влияние.

Первое авторитетное мнение о подчинении эксплуатации железных дорог в военное время военной власти было высказано фельдмаршалом ф. Мольтке и в Германии этот порядок проведен в жизнь с немецкой педантичностью и законченностью. Тот же принцип после войны 1870–71 гг. принят во Франции, где с объявлением мобилизации все дороги страны поступают в ведение военного министра. У нас по «Положению» о полевом управлении войск» 1914 г., как мы видели, в подчинение военному ведомству в случае войны переходили дороги театра военных действий. Остальная сеть оставалась в ведении Министерства путей сообщения, и такой порядок, с некоторыми частичными поправками, и для будущего надо признать правильным. Условия железнодорожного транспорта в Германии и во Франции, сравнительно с нашими, были очень различны. Германия воевала одновременно на трех фронтах: западном, восточном и юго-восточном. Война велась по внутренним операционным линиям, и центральная часть сети страны была постоянным транзитным путем воинских перевозок. Отсюда естественно вытекала необходимость единства управления всей сетью, что и было выполнено в полной мере. Железные дороги Франции, хотя и по другим причинам, но были в аналогичных условиях. Собственно театром войны был северо-восток Франции от моря до швейцарской границы. Но наряду с этим, порты севера и северо-запада были базой для английской армии, с юга шли воинские перевозки колониальных войск и грузов, громадную работу выполняли дороги в направлении Италии, снабжая ее углем, а в критические дни весны 1916 г. и войсками; в том же направлении шло снабжение Салоникской армии и, наконец, когда выступили американцы, прибывавшие ввиду подводной войны в различные пункты без предупреждения, перевозки из западных портов через всю страну дали французским дорогам еще одну нелегкую задачу. Таким образом, и здесь военные перевозки непосредственно и серьезнейшим образом затрагивали всю сеть. Со всеми своими задачами французские дороги справились и, как признают их руководители, в значительной мере потому, что управление дорогами было впервые

объединено в лице авторитетной власти, делавшей прежде всего все возможное для войны и «нечувствительной к посторонним влияниям».

Наше положение было иным. Кроме изолированного Закавказского театра, мы вели войну на обширной территории западно-пограничной полосы, имея базисные магазины примерно на меридиане Петрограда. На долю железных дорог к западу от этой линии (железные дороги театра войны) и выпала главная работа по обслуживанию всех нужд армии. Кроме того, два направления общей сети, как это было упомянуто, имели особое значение для военных надобностей, – это сообщение с портами Владивостока и Архангельска. Движение по сибирской и архангельской дорогам регулировалось петроградскими комиссиями и комитетами, в которых представитель военного ведомства был одним из равноправных, многочисленных членов коллегии. Результаты этого порядка были не вполне удовлетворительны, и можно пожалеть о том, что военному ведомству не было предоставлено надлежащих прав для руководства эксплуатацией этих магистралей в соответствии с теми жизненными интересами армии, которые были с этим связаны. Вся остальная сеть империи, конечно, много работала по перевозкам по снабжению армии, но эти перевозки расплылись на громадной площади всей страны и при надлежащей организации дела могли бы быть выполнены без особых затруднений и исключительных мероприятий. Поэтому, хотя работа наших железных дорог вообще и подвергалась в большей или меньшей степени влиянию различных обстоятельств военного положения, однако далеко не в той мере, как это было в Германии и во Франции, и при обширности нашей территории и разнообразии местных условий не было необходимости обременять Полевое управление заведыванием железнодорожной сетью всей страны. Если при таком положении в деле управления железными дорогами во второй половине войны начала замечаться двойственность и даже как бы отсутствие необходимой солидарности, то, к сожалению, приходится отметить, что не только в вопросе транспорта, но и в других отраслях государственной жизни с течением времени все сильнее проявлялась наша историческая склонность к розни. Во время войны она выразилась в делении на «мы» и «они»: столицу, с ее министерствами, и Ставку, как бы узурпирующую у них права. Однако этим явлениям периода несомненного упадка общего управления и ослабления авторитета военного командования, не надо для будущего придавать большего значения, чем они заслуживают, и в зависимости от них нельзя нарушать основных положений. Боевые и хозяйственные интересы войск так тесно связаны с железными дорогами театра войны, что дороги должны быть подчинены верховному командованию и для успеха их военной работы надо делать что можно, чтобы сблизить их с войсками. Подчинение же их постороннему ведомству, если даже не вызовет таких явлений, какие наблюдались во Франции, повлечет за собой разъединение между военными чинами и железнодорожниками и может создать между ними крайне вредную для дела атмосферу недоверия и враждебности.

Работа железных дорог в военное время

а) Перевозки по мобилизации и сосредоточению

С объявлением мобилизации армии железные дороги также немедленно приступали к выполнению своих мобилизационных планов.

Мобилизационными планами дорог предусматривались все мероприятия, необходимые для перехода от коммерческого движения к воинскому и выполнение перевозок по мобилизации и сосредоточению. Эти перевозки и составляют первую военную работу железных дорог.

Мобилизационные перевозки состояли главным образом в доставлении запасных воинских чинов, призывавшихся для укомплектования армии первоначально со сборных волостных пунктов в города, в управления уездных воинских начальников, где производилось их распределение и формирование команд, и затем в перевозке команд по назначению в мобилизующиеся части войск. Были перевозки по мобилизации лошадей, повозок и имущества, но сравнительно незначительные. Перевозки из волостей в свой же уездный город общей массы всех явившихся запасных, рассредоточенные по всей сети, были несложны и выполнялись на коротких расстояниях. Дальнейшие мобилизационные перевозки от воинских начальников в части войск при нашей дислокации мирного времени и при одновременном призыве нескольких миллионов человек давали дорогам уже большую работу. В течение нескольких дней требовалось перевезти, часто на очень больших протяжениях, несколько тысяч отдельных команд. И выполнить это надо было в первые дни мобилизации, когда дороги заняты перераспределением личного и подвижного состава, своими усиленными хозяйственными перевозками, ликвидацией товарного движения и прочими работами для перехода на воинский график.

Вслед за началом мобилизационных перевозок, по мере готовности частей, начиналась очень ответственная работа железных дорог в виде перевозок по сосредоточению. Эти перевозки заключались в доставлении от мобилизованных частей войск с их управлениями и заведениями до железнодорожных станций, ближайших к пунктам их назначения по боевому расписанию. Перевозки производились в воинских поездах, эшелонами, на основании «Расчетов штатных частей войск на поезда железнодорожной сети нормальной колеи». Расчеты эти были составлены, с одной стороны, принимая во внимание желательность возможно компактного размещения перевозимых для ускорения доставки частей на фронт, с другой – считаясь с необходимостью отдыха при наших переездах в несколько суток. В товарный вагон нормального размера помещалось 36 человек или 8 лошадей с 2–3 проводниками. Орудия, зарядные ящики и обоз размещались на платформах. Вагоны снабжались особыми приспособлениями для так называемого «двойного оборудования», что

давало возможность пользоваться теми же вагонами для перевозки людей или лошадей в зависимости от потребности. Воинский поезд состоял из 44 единиц (вагонов и платформ) + 1 вагон-прикрытие.

Все перевозки по мобилизации и сосредоточению в 1914 году были выполнены с полным успехом; тысячи команд и эшелонов благополучно и часто даже ранее определенных сроков прибыли по назначению, и работа железных дорог в этот начальный период войны дает нам хороший образец для будущего.

Выше, в отделе о «Техническом оборудовании», было высказано пожелание применения автоматических тормозов. Здесь можно это повторить, т. к. такое переустройство окажет большое влияние на слабую сторону нашей боевой готовности – на сроки нашего сосредоточения. Это же переустройство, обеспечивая большую безопасность движения, позволит нам перейти к 50-вагонным составам воинских поездов, которые мы часто практиковали по необходимости при оперативных перевозках во время войны. От этого сосредоточение еще выиграет, потому что число эшелонов сократится на 10 %.

б) Перевозки во время войны

Приведенные сейчас перевозки по мобилизации и сосредоточению, очень значительные по размерам, выполнялись, как было указано, на основании заранее выработанных планов. Заблаговременно были составлены расписания, сделаны все расчеты и с объявлением войны оставалась исполнительная часть большой, но определенной работы. Это как раз то условие, при котором железнодорожный аппарат может дать максимум. Иначе обстоит дело с перевозками во время войны. Если часть из них, как, например, по подвозу снабжения, и может быть в периоды затишья на некоторых участках фронта признана до известной степени установившейся и как бы планомерной, то гораздо большее число перевозок, находясь в полной зависимости от хода военных операций, носит характер импровизированных и почти всегда весьма срочных. Работа железных дорог в этих обстоятельствах представляет особые трудности и, кроме знания дела и энергии, требует от исполнителей большой находчивости и распорядительности.

Различные перевозки на театре военных действий можно, по опыту минувшей войны, подразделить следующим образом:

1. Основной и постоянной работой железных дорог была доставка войскам всех видов снабжения: интендантского, артиллерийского, инженерного и санитарного, а также подвоз укомплектований, который тоже носил почти постоянный характер.

2. Следующую категорию составляли перевозки оперативные. Они не были постоянными, но, однако, довольно частыми и по размерам и характеру нередко давали дорогам очень тяжелую работу.

3. К третьей категории относятся перевозки эвакуационные. Они

заклучались, во-первых, в вывозе раненых и больных для размещения их в тыловых лечебных заведениях, и во-вторых, в удалении с фронта всего, что могло стеснять действия войск, или что, в зависимости от хода военных действий, признавалось необходимым обеспечить от возможного захвата противником.

4. Четвертую категорию составляли остальные менее крупные перевозки по обслуживанию нужд армии, а также различные виды пользования жел<езно>дор<ожным> подвижным составом, выработавшиеся условиями и практикой военного времени.

Из перевозок первой категории – по снабжению войск – о особенно сложными и громоздкими были перевозки интендантского довольствия, и это серьезнейшее дело, давшее дорогам много излишнего труда, должно быть для будущего заблаговременно обстоятельно разработано и установлено.

Сложность интендантских перевозок происходила от трех причин: во-первых, от разнообразия и количества продуктов и предметов довольствия⁵. Неожиданные размеры и условия войны, нарушившие все предварительные расчеты, вынудили интендантство (и его добровольных помощников) к спешному принятию различных мер для пополнения недостающего, так сказать, «подручным материалом», что естественно влекло за собой большое разнообразие и отклонение от норм, предусмотренных положением.

Это разнообразие продуктов питания создавало особые затруднения в связи со второй причиной сложности перевозок – именно, недостаточно полно проведенным в жизнь принципом обезличения интендантских грузов. Случалось, что продовольственные грузы направлялись не только в адрес расходного магазина, но и в адрес определенного войскового подразделения. Отсюда на практике некоторые войсковые части имели в общих магазинах как бы собственные склады, которые они стремились перевозить с собой даже в случаях оперативных перемещений. Подобная принадлежность грузов очень затрудняла работу узлов по пересоставлению поездов и конечных станций, где иногда тот же продукт выгружался в различных местах.

Третье обстоятельство, осложнявшее продовольственные перевозки, проявилось во второй половине войны и было результатом неравномерного, или, точнее, несоответственного потребности, пополнения базисных магазинов. Из обильно снабженных магазинов южной половины фронта приходилось частью направлять грузы в расходные магазины на север, что создавало как бы облические⁶ перевозки, в пределах театра военных действий. К этому наша сеть была мало приспособлена, и это еще более осложняло работу узловых пунктов.

Оба последние недочета, конечно, вполне устранимы при надлежащей

---

⁵ То же отмечают у себя французы.

⁶ Облический, облическая, облическое [от *лат.* *obliquus*] (устаревший военный термин) – обходной, не фронтальный (примечание главного редактора).

дисциплине и постановке дела самим интендантством. К сожалению, в минувшую войну интендантство в значительной мере уступило свои обязанности посторонним ведомствам и безответственным организациям, а это не могло не влиять и на падение дисциплины в продовольственном деле.

Указанная выше громоздкость интендантских перевозок происходила преимущественно вследствие двух обстоятельств нашей технической отсталости. Одно из них заключалось в том, что у нас было ничтожное сравнительно с потребностью число грузовых автомобилей и очень малое количество переносных узкоколейных железных дорог. Поэтому вся тяжесть доставки продовольственных и многих других грузов из расходных магазинов в войска ложилась на войсковые обозы и специальные конные транспорты. Такими же транспортами должны были пользоваться и многочисленные на театре войны строительные управления и рабочие команды. Все это вместе составляло несколько сот тысяч лошадей и подвоз для них зернового фуража и сена, в особенности в зимнее время, представлял очень громоздкую работу.

Другое обстоятельство, создававшее немалые затруднения для железных дорог, – это перевозка в живом виде скота для довольствия людей мясом. Не говоря уже о нежелательности таких перевозок, вследствие сложности организации в пути кормежки и водопоя для скота, при среднем весе отдельного животного от 12–15 пудов в вагон помещалось не более 200 пудов живого веса и, следовательно, всего около 100 пуд. полезного груза (т.е. 10 % подъемной силы вагона). Суточная дача мяса на человека была установлена в 1 фунт, и подвоз скота для корпуса в день требовал вместо одного до 10 вагонов. Попытка организовать доставку мяса в вагонах-холодильниках успехом не увенчалась.

Организация в будущем войсковых обозов и транспортов с механической тягой, равно как и подготовка необходимого числа вагонов-холодильников, что важно не только для перевозок в пределах театра военных действий, но и на линиях внутренней сети, а быть может, развитие и консервного производства – значительно облегчат работу железных дорог во время войны. В минувшую кампанию ежедневно сотни вагонов были излишне направляемы на фронт как результат этих двух примеров нашей технической неподготовленности.

Прочие виды снабжения: артиллерийское, инженерное и санитарное, так же как и подвоз укомплектований, не представляли тех особенностей, которые только что приведены в отношении интендантского довольствия. Грузы артиллерийские и иногда инженерные бывали очень значительны, но они компактны, удобны для погрузки и совершенно обезличены. И если артиллерийское снабжение потребует даже многих поездов для перевозок, то надо иметь в виду, что для железных дорог не так важно количество поездов, как, если можно так выразиться, их качество. Маршрутные артиллерийские поезда на фронт дадут дорогам, вероятно, большую работу, но она не будет такой сложной и беспокойной, какую вызывает

какой-нибудь продовольственный поезд, подлежащий в нескольких узловых пунктах пересоставлению для отправки иногда отдельных вагонов по разным направлениям.

Перевозки оперативные представляют по существу для железных дорог ту же работу, как и перевозки по сосредоточению, и, если железнодорожная сеть соображена правильно и Полевое управление располагает достаточным количеством подвижного состава, выполнение их не должно вызывать особых затруднений. Но это верно до тех пор, пока предъявляемые к дорогам требования не превосходят их сил, и на эту сторону дела должно быть обращено чрезвычайное внимание. Железные дороги, как уже было сказано, обладают большой мощностью и могут выполнить громадные работы по перевозкам. Наряду с этим, однако, этот мощный аппарат обладает и большой хрупкостью. При планомерной и усиленной работе железные дороги действительно способны дать очень много, причем наибольшее определяется их графиком. Но это предел, дальше которого идти нельзя. Всякая форсировка, перенапряжение сил железных дорог влечет за собой расстройство движения, которое притом не ограничивается районом форсированной работы и отраженно передается на значительные протяжения сети. Высшим оперативным органам надо это всегда иметь в виду. И если нервная подчас обстановка войны дает повод для принятия решений, связанных с перенапряжением сил железных дорог, надо очень серьезно взвесить это обстоятельство, т. к. в будущем оно может иметь тяжелые последствия. Минувшая война дала нам много примеров таких требований сверхсилой работы железных дорог, что и было главной причиной переутомления сети и тех затруднений, с которыми происходили последние из оперативных перевозок – перевозки для образования Румынского фронта.

Третью категорию перевозок во время войны составляют перевозки эвакуационные. Вывоз из передовых лазаретов раненых и больных в тыл и дальнейшее рассеяние их по лечебным заведениям страны требует от железных дорог подготовки особого подвижного состава для формирования специальных санитарных поездов, предназначенных главным образом для тяжелых случаев, и заготовки некоторых приспособлений для оборудования ими обыкновенных товарных вагонов для массы легкораненых. В периоды боев, которые в минувшую войну тянулись иногда по несколько недель, работа санитарных поездов бывала очень напряженной, в особенности первое время войны, когда число поездов было значительно менее потребности в них и этот недостаток приходилось возмещать быстротой оборота поездов. С течением времени число поездов значительно увеличилось и санитарные устройства в них все совершенствовались. Вероятно, в дальнейшем они будут еще улучшены, но принципиальных изменений в этом деле ожидать не приходится.

Что касается условий работы железных дорог при эвакуации того, что или может обременять войска, или нужно обеспечить от возможного захвата противником, то тут может быть два положения: одно – это

практиковавшийся у нас насколько возможно заблаговременный вывоз вглубь страны из пограничных районов различных учреждений с их личным составом и имуществом. Для таких перевозок заранее составлялись планы, которые выполнялись в зависимости от хода военных действий. Другое положение – это работа железных дорог по эвакуации при вынужденном отходе войск под давлением противника.

Опыт такой работы в большом масштабе дала нам эвакуация при отходе армии в первой половине 1915 года. Возникла она внезапно и потому не могла быть планомерной. Недостаточно определенные и часто запаздывавшие распоряжения по эвакуации со стороны военных властей и отсутствие надлежащего спокойствия у исполнителей сделали работу железных дорог с самого начала очень нервной. По мере отступления и неизбежного распространения по линиям тревожных слухов и на головных станциях, и все глубже в тылу производилась спешная и нередко совершенно произвольная погрузка и отправка казенного и частного имущества. Руководство движением было до крайности затруднено непрерывно менявшейся обстановкой, а иногда и вмешательством лиц командного состава. Поезда, следовавшие с головных участков под давлением военной необходимости, проталкивали вглубь составы попутных станций и постепенно как бы спрессовывали движение. Число отправляемых поездов значительно превышало пропускную способность линий, и на станциях начали образовываться пробки. Подходившие с фронта составы вынуждены были останавливаться в пути, вследствие чего получались иногда непрерывные линии вагонов в десятки верст длиной. С течением времени средняя скорость движения не достигала и 50 верст в сутки.

Эвакуация продолжалась свыше четырех месяцев, мы вывезли весь наш подвижной состав, но потеряли много ценного военного имущества.

Когда армия остановилась на новых позициях, железные дороги Северо-Западного фронта⁷ оказались настолько забытыми, что потребовались чрезвычайные усилия и продолжительное время, чтобы освободить линии и наладить правильное движение. Потрясение, испытанное дорогами, долго еще отражалось на их военной работе, и только размеры нашей общегосударственной сети позволили выкинуть с фронта излишний подвижной состав и спасти нас от полупараличного состояния.

Подобную же картину наблюдала у себя Франция при первом вторжении германцев в 1914 году, и еще более сильное расстройство железнодорожного транспорта произошло в Румынии после эвакуации ею Валахии и Добруджи.

Очевидно, что и в будущем ни одно государство не вправе считать себя гарантированным в военное время от подобных вынужденных эвакуаций.

---

⁷ На Юго-Западном фронте эвакуация прошла в других условиях, потому что она ограничилась пределами Галиции, сеть которой была заграничной колеи, и почти не затронула наших железных дорог.

А если это так, то, принимая в расчет весь вред бессистемной эвакуации для интересов армии, быть может, полезно заблаговременно, независимо от хода военных событий, составлять для железных дорог, согласовав со строевым командованием, план их работы на случай отступления, тем более что это не затрагивает никаких воинских частей. Конечно, вероятно, такой план не будет выполнен детально, но, во всяком случае, он будет основан на обдуманном и взвешенном соображении и при его наличии мы можем рассчитывать воспользоваться железными дорогами в сфере отхода армии не только для вывоза военного имущества, но и для переброски войск, с целью противодействия неприятельским успехам.

К четвертой категории были отнесены менее крупные перевозки по обслуживанию нужд армии и различные случаи пользования железнодорожным подвижным составом.

Из перевозок подобного рода заслуживают внимание и нуждаются в организации перевозки отпускных и командированных и доставка в войска почтовых отправок и подарков.

Отпускные и командированные, число которых при размерах нашей армии было очень значительно, в составе команд из войсковых районов следовали до узловых станций в тылу, где обыкновенно расплылись в поисках кратчайшего пути к себе на родину.

Доставка почтовых отправок на фронт требовала от железных дорог большого к себе внимания. Письма близких людей, полученные в боевой обстановке, имеют такое моральное значение, что железные дороги должны принять все меры для быстрой и аккуратной доставки их в корпусные полевые почтовые конторы, расположенные в армейских районах.

Подарки приурочивались по большей части к большим праздникам и предназначались войскам, расположенным в передовых линиях. Перевозились они отдельными вагонами или даже целыми поездами и доставлять их приходилось до головных станций, что и выполнялось иногда не без затруднений.

Пользование подвижным составом железных дорог с различными целями в течение минувшей войны получило у нас широкое распространение. В большинстве случаев полезные результаты, которые достигались этим путем, оправдывали и занятие подвижного состава, и дополнительную работу железных дорог, и можно думать, что многие из этих приспособлений войдут как обязательные устройства в будущие железнодорожные мобилизационные планы.

Проектирования по разнообразному применению железнодорожного состава начались по мере выяснения затяжного характера войны и условий боевой обстановки и окопной жизни войск. В целях, которые преследовались такими проектированиями, можно отметить три направления: боевое, строительное и гигиенически-хозяйственное.

С боевой целью строились броневые поезда и отдельные бронированные мото-вагоны. Они были различных образцов и улучшались

с постройкой каждого нового. Броневые поезда много раз показали себя очень ценным оружием, и существующие типы послужат, вероятно, хорошей базой для постройки еще более совершенных в будущем. Мото-вагоны особого применения не получили.

Занятие подвижного состава для строительных целей происходило главным образом в связи с деятельностью полевых железнодорожных войск. При овладении дорогами противника или в случаях обратного занятия участков наших железных дорог, побывавших в руках неприятеля, нужны были очень крупные работы по восстановлению искусственных сооружений. Технические средства, которыми располагали железные дороги и железнодорожные войска, оказались для этого недостаточными. Потребовалось усиление их станками, инструментами и имуществом. При железнодорожных войсках были устроены в отдельных вагонах в большом числе ротные подвижные мастерские. Для особо важных работ были оборудованы два «подвижных технических поезда-мастерских». На железных дорогах были очень расширены и усовершенствованы существовавшие ремонтные поезда. Для работ на внутренней сети театра войны были спроектированы вагоны с различными станками и приборами. Каждый вагон был снабжен довольно сильной динамо-машиной и особыми приводами, при помощи которых возможно было на некотором расстоянии от вагона механическое производство токарных, сверлильных, клепальных и др. работ.

Все эти оборудования для строительства и ремонта занимали значительное количество подвижного состава, но условия работы полевых железнодорожных войск в передовых линиях и необходимость срочной доставки ремонтных средств в пункты, где произошло какое-либо разрушение пути или сооружений на всей сети Полевого управления, требовали большой подвижности мастерских и всегда готового запаса материалов. В частности, в отношении железнодорожных войск, занимавших наибольшее число вагонов, необходимо отметить, что и работы их на ширококолейных дорогах были очень велики. Надобность в железнодорожных войсках была такова, что с 14-ти число батальонов во время войны было увеличено до 45-ти и, не говоря о головных участках, где работали исключительно они, на всем театре военных действий почти все серьезнейшие работы выполнены только при их участии. Несколько батальонов были командированы и на постройку Мурманской и на переустройство архангельской дороги. Вообще же, деятельность полевых железнодорожных войск в течение этой кампании была настолько продуктивна⁸, что правильная организация их и широкое снабжение техническими средствами должно составить одни из наиболее серьезных вопросов при устройстве наших специальных войск.

Применение железнодорожных составов с гигиенически-хозяйственными целями было вызвано желанием помочь войскам в удовлетворении их насущных потребностей, в случаях продолжительного

⁸ То же признают у себя французы и немцы.

пробывания на передовых позициях. Так возникли поезда-бани, поезда-прачечные, поезда-склады, поезда-лавки и др.; сюда же надо отнести вагоны-дезинфекционные камеры и вагоны-аптеки. Все эти поезда и вагоны передвигались по фронту в те пункты, где войска в них особенно нуждались, и работа их была вполне успешна.

Однако вышеприведенными полезными способами утилизации подвижного состава практика войны не ограничилась, и нельзя не отметить в этом отношении некоторых случаев отрицательных.

По принятому у нас порядку главнокомандующие фронтами и командующие армиями для своих переездов имели право на отдельные поезда, независимо от составов для перевозки их штабов. С объявлением мобилизации такие поезда были сформированы и предоставлены названным старшим начальникам для проезда на театр военных действий. По прибытии в пункты назначения, т. к. в начале войны местопребывания штабов были неустойчивы, эти личные поезда остались в их распоряжении, а с ними вместе была задержана и часть штабных составов. С течением времени крупные штабы перемещались не так часто, располагались обыкновенно в населенных пунктах, где всему личному составу, всем управлениям и канцеляриям отводились помещения. Но значительная часть подвижного железнодорожного состава, преимущественно классные вагоны, штабами продолжали задерживаться и мало-помалу начали приспособляться для различных надобностей. В вагонах устраивались типографии, телефонные станции, склады имущества, вагонами пользовались для постоянного проживания, устраивались столовые и т. п.

Для урегулирования этого дела управлениями военных сообщений неоднократно принимались различные меры, но нельзя сказать, чтобы в лице старших начальников законные требования по этой части встречали всегда надлежащую поддержку. Недостаточное знакомство с железными дорогами некоторых из них, излишнее стремление к удобствам салон-вагонов со стороны других одинаково тормозили деятельность военных сообщений и в то же время крайне отрицательно влияли на отношение к железнодорожному имуществу со стороны многочисленного персонала штабов и управлений.

Только что приведенное пользование подвижными железнодорожными составами со стороны высших штабов, конечно, действительной необходимостью не вызывалось, приносило дорогам несомненный вред и в будущем не должно быть допущено.

Что же касается случаев ранее изложенных, то многие из них принесли такую пользу войскам, что распространенное в инженерных кругах мнение о вредных последствиях для работы железных дорог «употребления на театре войны подвижного состава для целей, для которых он не предназначен», подлежит основательной проверке и едва ли можно сомневаться в том, что понятие о «предназначении» железнодорожного подвижного состава в военное время, и именно в наших условиях, будет очень расширено.

* * *

Заканчивая этим краткий очерк службы железных дорог по опыту минувшей войны, хочется сказать два слова по поводу того состояния, в котором были наши дороги к зиме 1916–17 гг.

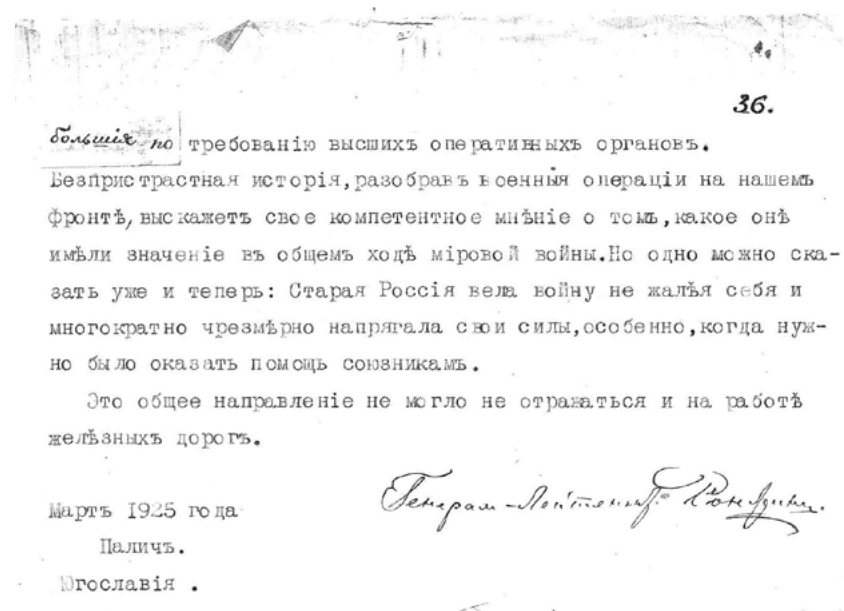
Два с половиной года непрерывной и часто форсированной работы дали себя знать, и силы дорог были значительно подорваны. Произошло это от многих причин, среди которых были, вероятно, и недочеты управления, но главнейшая из них заключалась в том, что дороги не раз вынуждены были выполнять непосильные перевозки, в том числе наибольшие по требованию высших оперативных органов.

Беспристрастная история, разобрав военные операции на нашем фронте, выскажет свое компетентное мнение о том, какое они имели значение в общем ходе мировой войны. Но одно можно сказать уже и теперь: старая Россия вела войну не жалея себя и многократно чрезмерно напрягала свои силы, особенно когда нужно было оказать помощь союзникам.

Это общее направление не могло не отражаться и на работе железных дорог.

Март 1925 года

Палич
Югославия

Примечания

¹ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М., 2001. С. 58–59.

Golovin N.N. Voennye usiliya Rossii v mirovoy voyne. Zhukovskiy; Moscow, 2001. P. 58–59.

² Кокотцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903 – 1919 гг. Т. 2. М., 1992. С. 149.

Kokovtsov V.N. Iz moego proshlogo: Vospominaniya 1903 – 1919 gg. Vol. 2. Moscow, 1992. P. 149.

³ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. С. 71.

Golovin N.N. Voennye usiliya Rossii v Mirovoy voyne. Vol. 1. Paris, 1939. P. 71.

⁴ Оппенгейм К.А. Россия в дорожном отношении. М., 1920. С. 109, 113.

Oppengeym K.A. Rossiya v dorozhnom otnoshenii. Moscow, 1920. P. 109, 113.

⁵ Борисов И.Н. План железнодорожного строительства и схема Госплана. [Б.м., б.г.] С. 45.

Borisov I.N. Plan zheleznodorozhnogo stroitelstva i skhema Gosplana. [N.p. N.d.]. P. 45.

⁶ Михайлов И.Д. Эволюция русского транспорта, 1913 – 1925. М., 1925. С. 10.
Mikhaylov I.D. Evolyutsiya russkogo transporta, 1913 – 1925. Moscow, 1925. P. 10.

⁷ Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера: Воспоминания, впечатления и мысли о революции / *Спрогэ В.Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 47.

Kriger-Voynovskiy E.B. Zapiski inzhenera: Vospominaniya, vpechatleniya i mysli o revolyutsii / Sproge V.E. Zapiski inzhenera. Moscow, 1999. P. 47.

⁸ Новый экономист. 1916. № 12. С. 8.

Novyy ekonomist. 1916. No. 12. P. 8.

⁹ Пути сообщения на театре войны 1914 – 1918 гг.: Краткий отчет Управления путей сообщения при Штабе Верховного главнокомандующего Ч. 1. М., 1919. С. 103.

Puti soobshcheniya na teatre voyny 1914 – 1918 gg.: Kratkiy otchet Upravleniya putey soobshcheniya pri Shtabe Verkhovnogo glavnokomanduyushchego Vol. 1. Moscow, 1919. P. 103.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 1. Д. 44. Л. 28об.

Russian State Archive of Military History (RGVIA). F. 2004. Op. 1. D. 44. L. 28v.

¹¹ Там же. Л. 29.

Ibidem. L. 29.

¹² Пути сообщения на театре войны 1914 – 1918 гг.... С. 116.

Puti soobshcheniya na teatre voyny 1914 – 1918 gg.... P. 116.

¹³ Там же. С. 143–145.

Ibidem. P. 143–145.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 3. Д. 267. Л. 1.

RGVIA. F. 2004. Op. 3. D. 267. L. 1.

¹⁵ Там же. Л. 2.

Ibidem. L. 2.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 121. Л. 23об.

RGVIA. F. 2004. Op. 2. D. 121. L. 23v.

¹⁷ Пути сообщения на театре войны 1914 – 1918 гг.... С. 28.

Puti soobshcheniya na teatre voyny 1914 – 1918 gg.... P. 28.

¹⁸ Там же. С. 146–147.

Ibidem. P. 146–147.

¹⁹ Там же. С. 149.

Ibidem. P. 149.

²⁰ Шацлло В.К. Последняя война царской России. М., 2010. С. 199.

Shatsillo V.K. Poslednyaya voyna tsarskoy Rossii. Moscow, 2010. P. 199.

²¹ Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую Отечественную войну. Ч. I. Пг., 1916. С. 18.

Kratkiy ocherk deyatel'nosti russkikh zheleznykh dorog vo vtoruyu Otechestvennyuyu voynu. Vol. I. Petrograd, 1916. P. 18.

²² Головин Н.Н. Указ. соч. С. 278.

Golovin N.N. Op. cit. P. 278.

²³ История железнодорожного транспорта России, XIX – XXI вв. М., 2012. С. 173–174.

Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii, XIX – XXI vv. Moscow, 2012. P. 173–174.

А.Н. Грищенко

ГРИГОРИЙ МАСЛАКОВ: ОТ КОНАРМЕЙСКОГО КОМБРИГА ДО ПОВСТАНЧЕСКОГО КОМАНДИРА

30 марта 1921 г. всем губернским ЧК и Особым отделам была направлена циркулярная телеграмма председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского, содержащая перечень мероприятий по окончательной ликвидации бандитизма на территории РСФСР и Советской Украины. В ней отмечалось: «Банды Антонова [в] Тамбове, Махно [на] Украине, Маслакова [на] Дону разбиты нашими войсками. Антонов [с] сотней сабель скрывается [в] неустановленном еще месте, Махно [с] десятком людей скрылся – местонахождение также неизвестно, та же участь постигла Маслакова»¹.

Что дало основания Дзержинскому упомянуть Маслакова в одном ряду с известными руководителями крупнейших крестьянских выступлений против большевиков в 1920–1921 гг.? Кем был Маслаков? Почему большевики опасались его «банды» не меньше, чем многочисленных отрядов А.С. Антонова и Н.И. Махно?

Количество различных публикаций об Антонове и Махно исчисляется многими десятками, тогда как о Маслакове современному читателю известно совсем немного.

О комбриге Маслакове, его решительных действиях упоминали бывшие бойцы и командиры 1-й Конной армии в воспоминаниях о боях на Южном фронте осенью–зимой 1919 г., напечатанных в начале 1930-х гг.²

Был упомянут Маслаков и в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». После присоединения Григория Мелехова к восставшему в марте 1921 г. в Верхне-Донском округе караульному эскадрону Якова Фомина начальник штаба фоминовского отряда Капарин предложил Григорию: «Знаете,

Мелехов... я думаю, что долго мы не продержимся, если не вольемся в какую-нибудь крупную антисоветскую часть, например – в бригаду Маслака, которая бродит где-то на юге области. Надо пробиваться туда, иначе нас здесь уничтожат в одно прекрасное время». Подумав, Григорий согласился³. Но соединиться двум отрядам не удалось: при попытке обнаружить «бригаду Маслака» остатки фоминовского отряда были окончательно разгромлены.

Наконец, Маслаков стал героем нескольких произведений советской художественной литературы, в которых изображались события Гражданской войны.

И.Э. Бабель в «Конармии» оставил колоритное описание конармейского комбрига во время Советско-польской войны: «Впереди полка на степной раскоряченной лошаденке ехал комбриг Маслак, налитый пьяной кровью и гнилью жирных своих соков. Живот его, как большой кот, лежал на луке, окованной серебром»⁴.

Показан он и в романе А.П. Листовского «Калёные тропы» (в начале 1920-х гг. автор служил в 11-й кавалерийской дивизии, к тому времени уже выведенной из состава 1-й Конной армии). Для обсуждения плана разгрома 4-го Донского конного корпуса генерала К.К. Мамантова, прорвавшего Южный фронт, на совещание в штаб С.М. Буденного среди прочих прибыл «толстый, как бочка, Маслак, с опухшим хитроватым и красным лицом». Он «медведем пролез в уголок, сел отдельно на скрипнувший под ним табурет, сложил пухлые руки на большом животе и, помаргивая заплывшими, сонными глазками, приготовился слушать»⁵.

Для В.В. Карпенко, автора дилогии «Комкор Думенко» и других романов о Гражданской войне на юге России, Маслаков – донской хохол-землепашец, один из организаторов краснопартизанских кавалерийских отрядов на Дону, один из самых известных на «красном» и «белом» Дону «рубак», пользовавшийся завидным авторитетом среди бойцов-конников, но недолюбливаемый начальством за независимость нрава⁶. Первая встреча Б.М. Думенко и Маслака произошла в марте 1918 г., когда Маслак привел подкрепление в отряд Думенко: «Чужак сидел в седле крепко. Шапка из белой цигейки надвинута на седые клочковатые брови. Лицо мясистое, битое оспой, как дробью»⁷. Писатель ярко, во множестве сцен, показал сложные отношения между Думенко и Маслаком, но при этом – их растущую взаимную симпатию. С весны 1918 до зимы 1918–1919 гг., в сформированных Думенко кавалерийском полку, в кавбригаде и в 4-й кавдивизии Маслаков являлся правой рукой командира.

В 1990 – 2000-е гг. о личности и судьбе Маслакова писали донские краеведы-энтузиасты А.Ф. Рыбалкин, А.С. Пчелинцев и Г.С. Колесов, которые много сделали для выяснения фактов его биографии⁸. Интересный, проникновенный очерк о нем написал кинорежиссер-документалист Ю.Г. Калугин⁹. Однако приводимые этими авторами сведения о Маслакове и его жизни подчас весьма спорны, многие факты еще нуждаются в уточнении.

* * *

Сведения о происхождении Маслакова противоречивы.

Хорошо его знавший Буденный отмечал, что он – «житель Сальского округа Донской области, выходец из Полтавской губернии. Бедняк»¹⁰. По другим данным, Маслаков происходил из крестьян Ставропольской губернии и до Первой мировой войны работал объездчиком на конном заводе в Сальском округе¹¹. Рыбалкин на основе рассказов сверстников и сослуживцев Маслака утверждал, что он появился на свет в 1889 г. в хуторе Митрофановке Области войска Донского в крестьянской семье. Работал у коннозаводчика, но не объездчиком, а наемным рабочим. За кражу бычка был осужден на три года тюрьмы. С началом мировой войны в его мобилизовали на фронт¹². Колесов полагает, что Маслаков родился в хуторе Митрофановке Сальского округа в 1877 г., иногородний крестьянин. Был батраком, табунщиком. В мировую войну служил в конной артиллерии, дослужился до вахмистра, был награжден Георгиевским крестом 4-й степени¹³. По мнению Пчелинцева, Маслаков – «выходец из крестьян Приманычья, с хутора Полстяного Сальского округа»¹⁴. Калугин отмечает, что Маслаков «иногородний крестьянин – хохол, выросший в Сальской степи. Природная фамилия – Маслак»¹⁵.

В 2007 г. в РГАСПИ, в фонде К.Е. Ворошилова (№ 74), нами была обнаружена биография Григория Савельевича Маслакова. Написана она от руки на двух листах с обеих сторон. Вероятно, с его собственных слов и примерно во второй половине 1920 г., поскольку упомянуто, что в июне 1920 г. он был принят в РКП(б). Не исключено, предполагалось повисить его в должности или представить к награде, для чего и потребовалась биография. Не менее самого текста интересна «резюмация», наложенная в верхнем левом углу красным карандашом: «Переписать»¹⁶.

Никаких дополнительных данных о том, когда и при каких обстоятельствах она попала к К.Е. Ворошилову, в документах дела не содержится. Но можно предположить, что он как член РВС 1-й Конной армии затребовал ее сразу после мятежа Маслака. И именно тогда на безупречной с точки зрения большевиков биографии и появилась эта «резюмация»: нужно было его опорочить в глазах конармейцев. Возможно и другое: биография попала к Ворошилову, когда он в июне 1921 г. возглавил воссозданный на базе 1-й Конной армии Северо-Кавказский военный округ. Тогда еще Маслак был жив и колесил по Ставропольской губернии и Донщине. Как командующий войсками округа и председатель созданного при штабе СКВО Краевого военного совещания по борьбе с бандитизмом, Ворошилов, безусловно, должен был получать максимально полные сведения о «бандах» и их «атаманах». Так или иначе, интерес Ворошилова к личности Маслака был вполне закономерен, ведь он не знал его так хорошо, как Буденный.

Согласно биографии Григория Савельевича Маслакова, он родился 12 марта 1877 г. в крестьянской семье в слободе Маныч-Балабинской,

станции Багаевской, Черкасского округа Области войска Донского. Начальное образование получил «самое ничтожное», вместе с родителями был наемным работником.

В 1899 г. Григорий был призван в армию, служил в артиллерии, дослужился до чина фейерверкера. В 1901 г. был произведен в вахмистры и в этом чине уволился в запас. С началом Первой мировой войны был мобилизован в артиллерию, всю войну находился на фронте. Принимал «самое горячее участие» в революционном движении. После демобилизации вернулся на Дон¹⁷.

Вероятно, Маслаков происходил из осевших на Дону украинских крестьян-переселенцев, а затем долгое время жил и работал в расположенных в Сальском округе коннозаводствах. Во время появления в Донской области мятежного маслаковского отряда разведка РККА со слов местных жителей установила, что Маслаков – житель хутора Маныч-Балабинский, в котором у него живет семья и поэтому повстанцы намерены следовать на этот хутор¹⁸. Настоящая фамилия храброго вахмистра Маслаков, а Маслак – прозвище. Среди красных партизан и конармейцев он был широко известен как «дед Маслак». Действительно, для многих молодых красноармейцев Маслаков, которому во время Гражданской войны шел уже пятый десяток, являлся «дедом».

В феврале 1918 г. Маслаков создал краснопартизанский отряд в Сальском округе, во главе которого воевал против белоказаков атаманов П.Х. Попова и П.Н. Краснова. В мае того же года маслаковские партизаны присоединились к отряду Думенко¹⁹. В сформированной вскоре бригаде бывший вахмистр стал командиром эскадрона, затем командовал 1-м кавалерийским полком²⁰. В марте 1919 г. за боевые заслуги Маслаков вместе с начальником дивизии Думенко и командиром бригады Буденным был награжден орденом Красного Знамени²¹. Всего же Маслаков имел два ордена Красного Знамени²². Командуя полком, он снискал симпатию красноармейцев всей бригады. За умелое руководство полком и за «проявленную энергию в военном деле» Маслаков в июне 1919 г. был назначен командиром 1-й отдельной бригады 4-й кавалерийской дивизии²³. Дважды Маслакову довелось командовать дивизией. В феврале – начале марта 1920 г. он был начальником 14-й кавалерийской дивизии, а в течение ноября того же года временно «исполнял дела» начальника 4-й Петроградской кавалерийской дивизии. Затем его вновь вернули к командованию бригадой.

В сентябре 1919 г. бригада Маслакова участвовала в подавлении мятежа и аресте Ф.К. Миронова. При этом, как отмечалось в приказе, комбриг проявил «особенную деятельность и мужество»²⁴. Во главе 1-й бригады 4-й кавалерийской дивизии Маслаков воевал против белогвардейских войск генерала А.И. Деникина, участвовал в Советско-польской войне. За время участия в Гражданской войне он был пять раз ранен, но никогда не оставлял свою часть. Кроме орденов, он был награжден двумя золотыми часами, золотым портсигаром и серебряными часами. В июне 1920 г. на

советско-польском фронте комбриг вступил в РКП(б). Несмотря на то, что ему было уже за 40, он был еще «храбрый и бодрый» и не уступал молодым конармейцам²⁵.

Таким образом, у Маслакова была вполне успешная биография для крестьянина-бедняка, посвятившего себя революции, и сулившая, при ревностной службе и преданности партии большевиков, вполне успешную карьеру в РККА.

Буденный отмечал, что Маслаков был «человек огромной физической силы и отчаянной отваги. Были в его поведении крупные недостатки, но храбрость в бою, умение личным примером увлечь за собой бойцов и добиться победы искупали их»²⁶. В бою Маслаков отличался незаурядным личным мужеством. Летом 1920 г. «седоватый, плотного телосложения» комбриг на подступах к Львову повел в атаку буденовцев и наголову разгромил наступавших поляков²⁷. Маслаков обладал определенными организаторскими способностями и задатками военного стратега. Но вместе с тем был своенравен, резок в суждениях, не признавал чинопочитания, за что его высоко ценили и уважали подчиненные. Однако это вызывало очень нелестные характеристики со стороны армейских политорганов. В информационном бюллетене Политуправления РВС Республики в марте 1920 г. отмечалось: «...Революционной дисциплины не признает, питает склонность к самостийности и неорганизованному приобретению хозяйства. К комиссарам и политработникам Маслаков относится безразлично, иногда даже недоброжелательно»²⁸. Даже став коммунистом, Маслаков не считал нужным скрывать свое пренебрежительное отношение к армейским комиссарам и тыловым служащим.

* * *

Для мятежа бригады Маслакова имелись серьезные причины.

Рядовой состав и командиры среднего звена 1-й Конной армии были буквально пропитаны духом антисемитизма и антибольшевизма. Уже в 1920 г. среди конармейцев распространялись антибольшевистские и анархистские настроения: «идем почистить тыл от жидов», «идем соединиться с батькой Махно», «бей жидов – комиссаров и коммунистов». Обычными стали еврейские погромы на Украине и убийства комиссаров, массовое пьянство, грабежи и насилия над мирным населением, убийства пленных и мародерство. В октябре 1920 г. чрезвычайная выездная сессия Реввоен трибунала приговорила к расстрелу 141 погромщика из 387 арестованных бойцов 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, остальные были осуждены на разные сроки лишения свободы²⁹.

Одной из главных причин острой неприязни конармейцев к большевикам была беспощадная продразверстка, о которой бойцам сообщали в письмах родные с Дона. В сентябре 1920 г. начальник политотдела 1-й Конной армии И.Л. Вардин писал в ЦК РКП(б): «Положение скверное. Слухи о безобразиях в тылу усиливаются с каждым днем...». Он привел

пример с полученным помощником командира 1-й бригады Грициком письмом с новостью о том, что его отец и семья «подверглись гнусному оскорблению со стороны продагентов», у них забрали почти весь скот и хлеб. Но Грицик, как «человек сознательный и сдержанный», махнул на это рукой. Но подобных извещений было много, и далеко не все бойцы готовы были просто отмахнуться. «И можно сказать, – предупреждал Вардин, – что никакая агитация среди армии, никакие культпросветы, ни отдельные личности и политкурсы вместе с комячейками не приведут нас к желанным результатам, если творимые безобразия на Дону и Кубани не будут в самый короткий срок ликвидированы»³⁰.

Из писем знал о положении на родном Дону и Маслаков. Стремление избавить земляков от грабительской продрозверстки, от насилия, бесчинств и злоупотреблений местных продотрядов и советских работников, «очистить» тыл от «закомиссарившихся» бюрократов явились одной из причин мятежа.

Еще одной причиной выступления Маслакова стал арест и расстрел его близкого друга и соратника Думенко³¹, с которым комбрига связывали месяцы совместной службы. Пути Маслакова и Думенко разошлись в мае 1919 г., когда после тяжелого ранения последний не вернулся в конный корпус, командование которым принял Буденный. В апреле 1920 г., после ареста Думенко по явно надуманному обвинению, у Маслакова произошел публичный конфликт с Буденным. В честь убытия 1-й Конной армии на польский фронт в Ростове на ипподроме состоялся митинг (художественная версия произошедшего представлена и в постсоветской исторической прозе³²). Бойцы кричали выступавшему Буденному: «Долой с трибуны!». А Маслаков громко и крепко выругал его за предательский поступок: стало известно, что командарм дал обвинительные показания в отношении Думенко. Это, разумеется, не понравилось Буденному, и он попытался избавиться от своенравного комбрига. По пути на польский фронт в одном из селений Маслаков был окружен в том доме, где остановился на ночлег, кавалерийским дивизионом, его попытались арестовать. Но Маслаков с ординарцем отбивался до прихода эскадронов 19-го полка из возглавляемой им бригады³³.

Тогда обошлось, но Маслаков не мог не осознавать нависшую над ним угрозу расправы. Тучи сгустились после окончания боев с белополяками. 23 ноября Маслакова отстранили от командования 4-й кавалерийской дивизией, а в конце месяца он получил сведения из Особого отдела 1-й Конной армии о его возможном аресте по приказанию Буденного. Маслаков собрал командиров полков и штабистов, устроил прощальный обед. Во время обеда попросил у присутствовавших прощения за возможные обиды, поблагодарил за совместную трехлетнюю борьбу за Советскую власть и заплакал. На вопрос о причине готовившегося ареста ответил: «А за то, что я Сэмэна [С.М. Буденного. – А.Г.] выругал. Что он отплатил подлостью Думенко... Я не раскаиваюсь, цэ наше личное дило. А арестовать меня хочуть от имени Советской власти, а за что? Царя скинули, а царьки

засилы и творять що хочуть». И в заключение добавил: «Ухожу на Дон с обиженным знаменем...»³⁴ Но тогда его не арестовали. Очевидно, именно в это время у Маслакова окончательно созрело намерение выступить против всех несправедливостей, допущенных большевиками: расстрела Думенко, жестокостей продрозверстки, усилившейся в конце 1920 г., и других.

Для начала мятежа требовался только подходящий повод.

* * *

После разгрома Русской армии П.Н. Врангеля 1-я Конная армия была привлечена к борьбе с Повстанческой армией Н.И. Махно. В январе 1921 г., когда 4-я кавалерийская дивизия вела боевые действия против отряда атамана Михаила Бровы в Екатеринославской губернии, конники 1-й бригады Маслакова отказывались участвовать в карательных операциях³⁵. Тяжело переживая создавшуюся ситуацию, комбриг сильно злоупотреблял спиртным. По воспоминаниям Буденного, Маслаков вообще «любил выпить, покуражиться», а накануне мятежа у него появились «подозрительные собутыльники»³⁶. Вероятно, это были представители Н.И. Махно, с которым комбриг пытался установить контакт.

Финал успешной службы конармейского комбрига наступил в ночь с 8 на 9 февраля 1921 г., когда в расположении 4-й кавалерийской дивизии произошел мятеж. Он начался с того, что командир 1-й бригады Маслаков от имени начальника дивизии отдал приказ своей бригаде выступить в Донскую область для борьбы с «противниками Советской власти». С ним выступили 1, 3 и 5-й эскадроны и пулеметная команда 19-го кавалерийского полка 1-й бригады. Но многие конармейцы отказались выполнить приказ на том основании, что он исходил не от начальника дивизии³⁷. Мятеж именно в этом полку был особенно неприятен лично для Буденного, так как 19-й полк был своего рода гвардией 1-й Конной армии: в нем начинали военно-революционную деятельность Думенко, Буденный, О.И. Городовиков и многие другие известные впоследствии конармейцы. Почетным конармейцем 1-го эскадрона 19-го полка состоял И.В. Сталин³⁸. В июне 1920 г., после успешных боев 1-й Конной армии с поляками, Сталину, «прокинувшему все расчеты интервентов и остановившему наступление белополяков», командование армии вручило боевую саблю с надписью: «Конная армия – своему основателю, красному кавалеристу 1-го эскадрона 19-го полка 4-й кавдивизии И.В. Сталину»³⁹.

10 февраля отряд Маслакова численностью в 300 сабель при 18-ти пулеметах⁴⁰ в селе Хандалеевка в окрестностях Павлограда соединился с махновским отрядом Бровы⁴¹. Махно рассчитывал, что отряд Маслакова пополнит истрепанную в боях Повстанческую армию, но бывший комбриг и Брова неожиданно попросили Совет армии выдать им «мандат» на право формирования «Кавказской повстанческой армии» и предоставить Кавказ в зону их влияния. Особенно настойчив был Маслаков, обещавший Махно собрать «местные казачьи силы» и привлечь на свою сторону части 1 и

2-й Конных армий. Совет армии и Махно долго колебались, но в итоге Махно «махнул рукой» и вручил Маслакову и Брове требуемый мандат⁴². По воспоминаниям самого Махно, «Брова и Маслак были выделены мной из армии... в самостоятельную Донскую группу и отправлены на Дон и Кубань»⁴³ для расширения «театра» антибольшевистской борьбы.

* * *

Вопрос о времени и месте гибели мятежного конармейского комбрига является дискуссионным. Версия о гибели Маслакова и Бровы в конце сентября или начале октября 1921 г. в горах Северного Кавказа от рук амнистированных и вернувшихся в отряд повстанцев впервые была высказана в начале 1990-х гг. в книге А.В. и В.Ф. Белаша⁴⁴. Это утверждение затем воспроизводилось в ряде документальных изданий по истории крестьянского повстанческого движения⁴⁵. Из документальных сборников некритически воспринятая версия о месте и времени гибели Маслакова попала в труды современных исследователей⁴⁶. Украинский историк В.А. Савченко добавляет версию гибели Маслакова и Бровы живописной деталью. Разделяя мнение об убийстве повстанческих командиров амнистированными повстанцами, он полагает, что головы убитых «были предъявлены как доказательства лояльности»⁴⁷.

В.Г. Яценко, напротив, приводит данные о действиях отряда Маслакова в конце сентября в районе станиц Распопинской и Клетской Усть-Медведицкого округа Царицынской губернии. «Таким образом, – делает вывод автор, – в сентябре 1921 г. Маслаков был жив и здоров. Где и когда он погиб, доподлинно не известно»⁴⁸.

Колесов приводит свидетельство одного из земляков-старожилов, с «достоверной точностью» подтверждающее, что осенью 1922 г. Маслаков был жив и с немногими соратниками скрывался «в глухомани» у малонаселенного северного побережья озера Маныч-Гудило⁴⁹.

Архивные документы, изученные автором настоящей статьи, не дают оснований для подобных выводов. 2 июля 1921 г. отряд Маслакова появился в Сальском округе и занял станцию Мокрый Гашун. Армейская разведсводка 5 июля сообщала о движении отряда повстанцев в направлении станицы Баклановской. При этом отмечалось, что «бандой командует Сычев»⁵⁰. Лица, побывавшие в плену у маслаковцев и вернувшиеся 5 июля, сообщили, что отряд направился в 1-й Донской округ. Они подтвердили, что во главе отряда стоит Сычев, а «Маслака в банде нет». Позднее выяснилось, что Маслаков и 8 охранявших его бойцов скрывались «в камышах» по берегам реки Кума, а 14 июля стало известно, что Маслаков и 6 его соратников убиты⁵¹. Армейская разведка установила, что Маслаков был убит 8 июля⁵².

О его гибели как о достоверно установленном факте сообщал в начале августа 1921 г. делегатам IV Донской областной конференции РКП(б) А.С. Бубнов, член Краевого военного совещания по борьбе с бандитизмом. По

его данным, Маслаков «в пьяном виде разодрался со своими приятелями и лежит раненый в голову». Он подтвердил информацию других докладчиков о смерти Маслакова⁵³. По воспоминаниям П.И. Квачева, командира отряда по борьбе с бандитизмом Сальского окружного военного совещания, Маслак был убит «на балке Чеколда», в районе зимовников Болдырева, Пишванова и Пупкова, в 125-ти верстах восточнее Великокняжеской⁵⁴. Вероятно, в отряде произошел раскол, и Маслаков, утративший авторитет, не сумел удержать в руках своих конников. Будучи ранен «своими»⁵⁵, он скрывался в одном из степных зимовников с немногочисленными ближайшими сторонниками, но был обнаружен и убит бойцами красноармейского кавалерийского отряда. Причиной раздора стали, очевидно, внутренние разногласия, вызванные неудачами в боях и неотступным преследованием советскими частями.

Григорий Маслаков, заслуживший репутацию непримиримого противника большевиков, по праву пользовался авторитетом среди других повстанческих отрядов. Показательно, что проникшим в Сальский округ отрядом полковника Петрова был установлен памятник Маслакову на месте его гибели. Он был сооружен из большого столба с ближайшей мельницы, на нем была выжжена надпись: «Вечная память славному герою павшему в неравной борьбе с заблужденными детьми дорогой России». Были также указаны фамилия и инициалы Маслакова, месяц и год.

Памятник обнаружил Квачев во время преследования отряда Петрова. Надеясь сохранить его, он отдал приказ не разрушать «исторический памятник», установленный «над большой шляховой дорогой». Но его сжег очередной красноармейский отряд, прошедший по тем местам.

«Любимый конь Маслака», на котором тот воевал «всю революцию», после гибели хозяина достался квачевскому отряду. V съезд Советов Сальского округа в декабре 1922 г. наградил им Квачева «за боевые заслуги»⁵⁶.

* * *

Григорий Савельевич Маслаков стал ярким представителем революционной эпохи. Его жизнь и смерть были типичны для многих повстанческих «красных командиров» заключительного этапа Гражданской войны. Он не являлся выдающимся полководцем и известным политиком, но был мужественным человеком, борцом за справедливость, отважным воином и авторитетным командиром. Маслаков далеко не всегда соблюдал воинскую дисциплину, но обладал организаторскими способностями и пользовался заслуженным уважением подчиненных. Он злоупотреблял алкоголем, но в ту лихую годину этот порок был в равной степени присущ и красным командирам, и белым офицерам. Он сознательно выступил за Советскую власть и самоотверженно боролся за ее укрепление в наиболее тяжелое для нее время, но когда государственная политика стала нетерпимой для селян, Маслаков не менее решительно встал на сторону

народа и выступил с оружием против политики военного коммунизма и политического диктата РКП(б).

Крайняя опасность для власти заключалась не столько в оперировании в Донской области значительно увеличившегося повстанческого отряда Маслакова, который был в итоге разгромлен регулярными красноармейскими и чекистскими формированиями, сколько в остром недовольстве казачье-крестьянской массы политикой большевиков, на фоне которой проходила эта борьба. В начале марта 1921 г. руководство Сальского округа признавало, что «Маслаковщина не в Маслаке и его силе, а в создавшемся положении Донской области»⁵⁷.

Так что Дзержинский справедливо упомянул Маслакова в числе крупнейших повстанческих командиров. В начатой борьбе с властью Григорий Маслаков, как Александр Антонов и Нестор Махно выступил выразителем крестьянского протеста и разделил общую трагическую судьбу руководителей крестьянского повстанческого движения.

Примечания

¹ Нестор Махно: Крестьянское движение на Украине, 1918 – 1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 608.

Nestor Makhno: Krestyanskoie dvizhenie na Ukraine, 1918 – 1921: Dokumenty i materialy. Moscow, 2006. P. 608.

² *Кремень М.* На Касторную // Первая конная в изображении ее бойцов и командиров. М., Л., 1930. С. 16–21, 42; *Ракитин Н.В.* Записки конармейца. М., 1931. С. 202.

Kremen M. Na Kastornuyu // Pervaya konnaya v izobrazhenii ee boytsov i komandirov. Moscow; Leningrad, 1930. P. 16–21, 42; *Rakitin N.V.* Zapiski konarmeysta. Moscow, 1931. P. 202.

³ *Шолохов М.А.* Тихий Дон: Роман. В 4 кн. Кн. 4. Ростов н/Д, 1989. С. 376.

Sholokhov M.A. Tikhii Don: Roman. In 4 v. Vol. 4. Rostov on Don, 1989. P. 376.

⁴ *Бабель И.* Конармия // *Бабель И.* Собр. соч. В 4 т. Т. 2. М., 2005. С. 132.

Babel I. Konarmiya // *Babel I.* Sobr. soch. In 4 v. Vol. 2. Moscow, 2005. P. 132.

⁵ *Листовский А.П.* Калёные тропы: Роман. М., 1950. С. 42–45.

Listovskiy A.P. Kalyonye tropy: Roman. Moscow, 1950. P. 42–45.

⁶ *Карпенко В.В.* Тучи идут на ветер: Книга первая исторического романа-дилогии «Комкор Думенко». Ростов н/Д, 1989; *Карпенко В., Карпенко С.* Исход: Роман-хроника. М., 1984; *Карпенко В., Карпенко С.* Врангель в Крыму: Исторический роман. М., 1995.

Karpenko V.V. Tuchi idut na veter: Kniga pervaya istoricheskogo romana-dilogii “Komkor Dumenko”. Rostov on Don, 1989; *Karpenko V., Karpenko S.* Iskhod: Roman-khronika. Moscow, 1984; *Karpenko V., Karpenko S.* Vrangeli v Krymu: Istoricheskiy roman. Moscow, 1995.

⁷ *Карпенко В.В.* Тучи идут на ветер: Книга первая исторического романа-дилогии «Комкор Думенко». С. 225.

Karpenko V.V. Tuchi idut na veter: Kniga pervaya istoricheskogo romana-dilogii “Komkor Dumenko”. P. 225.

⁸ *Рыбалкин А.Ф.* Багаевская – 350 лет: Историко-статистический очерк (История станицы Багаевской от ее возникновения до сегодняшних дней).

Багаевская (Ростовская обл.), 1998; *Пчелинцев А.С.* Судьба комбрига Маслакова // *Пчелинцев А.С.* Память сердца: Записки друга писателя В.В. Карпенко. Южный (Ростовская обл.), 2007. С. 140–151; *Колесов Г.* «Таран революции»: герой или бандит? // Дон. 2009. № 9–10. С. 183–199; *Пчелинцев А.С.* О героических командирах конницы Думенко // Триумф и трагедия комкора Б.М. Думенко. Волгоград, 2010. С. 16–18.

Rybalkin A.F. Bagaevskaya – 350 let: Istoriko-statisticheskiy ocherk (Istoriya stanitsy Bagaevskoy ot ee vozniknoveniya do segodnyashnikh dney). Bagaevskaya (Rostov oblast), 1998; *Pchelintsev A.S.* Sudba kombriga Maslakova // *Pchelintsev A.S.* Pamyat serdtsa: Zapiski druga pisatelya V.V. Karpenko. Yuzhnyy (Rostov oblast), 2007. P. 140–151; *Kolesov G.* “Taran revolyutsii”: geroy ili bandit? // Don. 2009. No. 9–10. P. 183–199; *Pchelintsev A.S.* O geroicheskikh komandirakh konnitsy Dumenko // Triumf i tragediya komkora B.M. Dumenko. Volgograd, 2010. P. 16–18.

⁹ *Калугин Ю.* Комбриг Маслак: «Ухожу на Дон с обиженным знаменем» // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 96–102.

Kalugin Yu. Kombrig Maslak: “Ukhozhu na Don s obizhennym znamenem” // Novyy istoricheskiy vestnik. 2009. No. 3(21). P. 96–102.

¹⁰ *Буденный С.М.* Пройденный путь. Кн. 3. М., 1973. С. 201.

Budyonnyy S.M. Proydenny put. Vol. 3. Moscow, 1973. P. 201.

¹¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939: Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. 1918 – 1922 гг. М., 2000. С. 796.

Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD, 1918–1939: Dokumenty i materialy. In 4 v. Vol. 1. 1918 – 1922 gg. Moscow, 2000. P. 796.

¹² *Рыбалкин А.Ф.* Указ. соч. С. 93–94.

Rybalkin A.F. Op. cit. P. 93–94.

¹³ *Колесов Г.* Указ. соч. С. 183.

Kolesov G. Op. cit. P. 183.

¹⁴ *Пчелинцев А.С.* Указ. соч. С. 16.

Pchelintsev A.S. Op. cit. P. 16.

¹⁵ *Калугин Ю.* Комбриг Маслак: «Ухожу на Дон с обиженным знаменем» // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 97.

Kalugin Yu. Kombrig Maslak: “Ukhozhu na Don s obizhennym znamenem” // Novyy istoricheskiy vestnik. 2009. No. 3(21). P. 97.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 385. Л. 13.

Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 74. Op. 1. D. 385. L. 13.

¹⁷ Там же.

Ibidem.

¹⁸ РГВА. Ф. 28087. Оп. 1. Д. 89. Л. 86.

Russian State Military Archive (RGVA). F. 28087. Op. 1. D. 89. L. 86.

¹⁹ *Дедов И.И.* В сабельных походах. (Создание красной кавалерии на Дону и ее роль в разгроме контрреволюции на Юге России в 1918 – 1920 гг.). Ростов н/Д, 1989. С. 27.

Dedov I.I. V sabelnykh pokhodakh. (Sozdanie krasnoy kavalerii na Donu i ee rol v razgrome kontrevolyutsii na Yuge Rossii v 1918 – 1920 gg.). Rostov on Don, 1989. P. 27.

²⁰ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 796.

Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD ... P. 796.

²¹ Наш край: Из истории Советского Дона: Документы: Октябрь 1917 – 1965. Ростов н/Д, 1968. С. 74–75; Сборник лиц, награжденных орденом Красного

Знамени и Почетным революционным оружием. М.; Л., 1926. С. 154.
Nash kray. Iz istorii Sovetskogo Dona. Dokumenty. Oktyabr 1917-1965. Rostov n/D, 1968. P. 74–75; Sbornik lits, nagrazhdennykh ordenom Krasnogo Znameni i Pochetnym revolyutsionnym oruzhiem. Moscow, Leningrad, 1926. P. 154.
²² Нестор Махно: Крестьянское движение на Украине, 1918 – 1921... С. 905.
Nestor Makhno. Krestyanskoe dvizhenie na Ukraine, 1918 – 1921... P. 905.
²³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 385. Л. 13об.
RGASPI F. 74. Op. 1. D. 385. L. 13v.
²⁴ Филипп Миронов (Тихий Дон в 1917 – 1921 гг.): Документы и материалы. М., 1997. С. 383–384.
Filipp Mironov (Tikhyy Don v 1917 – 1921 gg.): Dokumenty i materialy. Moscow, 1997. P. 383–384.
²⁵ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 385. Л. 13об.–14.
RGASPI F. 74. Op. 1. D. 385. L. 13v.–14.
²⁶ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 1. М., 1959. С. 187.
Vidyonny S.M. Proydenny put. Vol. 1. Moscow, 1959. P. 187.
²⁷ Комашко А. Эпизод: Посвящается 4-й дивизии 1-й Красной конной армии // Армия и революция. 1922. № 3-4. С. 117–118.
Kotashko A. Epizod: Posvyashchaetsya 4-oy divizii 1-oy Krasnoy konnoy armii // Armiya i revolyutsiya. 1922. No. 3-4. P. 117–118.
²⁸ Генис В.Л. Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 74–75.
Genis V.L. Pervaya Konnaya armiya: za kulisami slavy // Voprosy istorii. 1994. No. 12. P. 74–75.
²⁹ Там же. С. 66–73.
Ibidem. P. 66–73.
³⁰ Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 254–255.
Pavlyuchenkov S.A. Krestyanskiy Brest, ili predystoriya bolshevistskogo NEPa. Moscow, 1996. P. 254–255.
³¹ Карпенко В. Комкор Думенко. Саратов, 1976; Комкор Думенко на фронтах гражданской войны. Кн 1. Сердце в атаке: Воспоминания и документы. Ростов н/Д, 2010.
Karpenko V. Komkor Dumenko. Saratov, 1976; Komkor Dumenko na frontakh grazhdanskoй voyny. Kn 1. Serdtse v atake: Vospominaniya i dokumenty. Rostov on Don, 2010.
³² Карпенко В., Карпенко С. Врангель в Крыму: Исторический роман. М., 1995. С. 176–184.
Karpenko V., Karpenko S. Vrangeli v Krymu: Istoricheskiy roman. Moscow, 1995. P. 176–184.
³³ Калугин Ю. Комбриг Маслак: «Ухожу на Дон с обиженным знаменем» // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 99, 100.
Kalugin Yu. Kombrig Maslak: "Ukhozhu na Don s obizhennym znamenem" // Novyy istoricheskiy vestnik. 2009. No. 3(21). P. 99, 100.
³⁴ Там же. С. 96–97.
Ibidem. P. 96–97.
³⁵ Савченко В. Атаманы казачьего войска. М., 2006. С. 351.
Savchenko V. Atamanu kazachego voyska. Moscow, 2006. P. 351.
³⁶ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 3. С. 201–202.
Vidyonny S.M. Proydenny put. Vol. 3. P. 201–202.

³⁷ Там же. С. 201.

Ibidem. P. 201.

³⁸ Присяжный Н.С. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году (Малоизвестные страницы истории). Ростов н/Д, 1992. С. 48.

Prisyazhnyy N.S. Pervaya Konnaya armiya na polskom fronte v 1920 godu (Maloizvestnye stranitsy istorii). Rostov on Don, 1992. P. 48.

³⁹ Городовиков О.И. В рядах Первой конной: Рассказы конармейца. М., 1939. С. 116–117.

Gorodovikov O.I. V ryadakh Pervoy konnoy: Rasskazy konarmeysa. Moscow, 1939. P. 116–117.

⁴⁰ Степаненко Б.И. Контрреволюция на Дону, Кубани и Тереке в декабре 1920 – мае 1921 года и ее разгром // История СССР. 1986. № 6. С. 128.

Stepanenko B.I. Kontrevolyutsiya na Donu, Kubani i Tereke v dekabre 1920 – maе 1921 goda i ee razgrom // Istoriya SSSR. 1986. No. 6. P. 128.

⁴¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. 153.

RGVA. F. 4. Op. 2. D. 1. L. 153.

⁴² Белаиш А.В., Белаиш В.Ф. Дороги Нестора Махно: Историческое повествование. Киев, 1993. С. 541, 542.

Belash A.V., Belash V.F. Dorogi Nestora Makhno: Istoricheskoe povestvovanie. Kiev, 1993. P. 541, 542.

⁴³ Аршинов П.А. История махновского движения (1918 – 1921 гг.). Запорожье, 1995. С. 185.

Arshinov P.A. Istoriya makhnovskogo dvizheniya (1918 – 1921 gg.). Zaporozhe, 1995. P. 185.

⁴⁴ Белаиш А.В., Белаиш В.Ф. Указ. соч. С. 573.

Belash A.V., Belash V.F. Op. cit. P. 573.

⁴⁵ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 785, 796; Крестьянское движение в Поволжье, 1919 – 1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С. 828; Нестор Махно: Крестьянское движение на Украине, 1918 – 1921... С. 887, 905.

Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD... P. 785, 796; Krestyanskoe dvizhenie v Povolzhe, 1919 – 1922 gg.: Dokumenty i materialy. Moscow, 2002. P. 828; Nestor Makhno: Krestyanskoe dvizhenie na Ukraine, 1918 – 1921... P. 887, 905.

⁴⁶ Баранов А.В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920 – 1924 гг.) // Белая гвардия. Вып. 8. Казачество России в Белом движении. М., 2005. С. 121; Филин М.В. Слава и трагедия российского казачества. М., 2008. С. 269; Аleshкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918 – 1922 гг.). М., 2010. С. 275; Аleshкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянские восстания в России в 1918 – 1922 гг.: От махновщины до антоновщины. М., 2012. С. 156.

Baranov A.V. Povstancheskoe dvizhenie "belo-zelenykh" v kazachikh oblastiakh Yuga Rossii (1920 – 1924 gg.) // Belaya gvardiya. Vol. 8. Kazachestvo Rossii v belom dvizhenii. Moscow, 2005. P. 121; Filin M.V. Slava i tragediya rossiyskogo kazachestva. Moscow, 2008. P. 269; Aleshkin P.F., Vasilev Yu.A. Krestyanskaya voyna v Rossii v usloviyakh politiki voennogo kommunizma i ee posledstvy (1918 – 1922 gg.). Moscow, 2010. P. 275; Aleshkin P.F., Vasilev Yu.A. Krestyanskiye vosstaniya v Rossii v 1918 – 1922 gg.: Ot makhnovshchiny do antonovshchiny. Moscow, 2012. P. 156.

⁴⁷ Савченко В.А. Махно. Харьков, 2005. С. 379.

Savchenko V.A. Makhno. Kharkiv, 2005. P. 379.

⁴⁸ Яценко В.Г. Командиры Красной армии в борьбе с большевизмом (средний Дон, 1920 – 1921 гг.) // Партизанская и повстанческая борьба: Опыт и уроки XX

столетия. Доклады Академии военных наук. № 3(38). Саратов, 2009. С. 54.

Yashchenko V.G. Komandiry Krasnoy armii v borbe s bolshevizmom (sredniy Don, 1920 – 1921 gg.) // Partizanskaya i povstancheseskaya borba: Opyt i uroki XX stoletiya. Doklady Akademii voennykh nauk. No. 3 (38). Saratov, 2009. P. 54.

⁴⁹ *Kolesov G.* Указ. соч. С. 196–199.

Kolesov G. Op. cit. P. 196–199.

⁵⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 238. Л. 228об., 230.

RGVA. F. 6. Op. 10. D. 238. L. 228v., 230.

⁵¹ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. р-1174. Оп. 1. Д. 165. Л. 16–16об., 17, 18.

State Archive of Rostov oblast (GARO). F. R-1174. Op. 1. D. 165. L. 16–16v., 17,

18.

⁵² РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 416. Л. 51об.

RGVA. F. 33988. Op. 1. D. 416. L. 51v.

⁵³ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 64. Л. 352, 358.

Center of documentation of the Modern history of the Rostov oblast (TsDNIRO). F. 4. Op. 1. D. 64. L. 352, 358.

⁵⁴ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 536. Л. 5об.

TsDNIRO F. 12. Op. 3. D. 536. L. 5v.

⁵⁵ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 156. Л. 13.

TsDNIRO F. 12. Op. 5. D. 156. L. 13.

⁵⁶ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 536. Л. 5–5об.

TsDNIRO F. 12. Op. 3. D. 536. L. 5–5v.

⁵⁷ ЦДНИРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 17. Л. 34об.

TsDNIRO F. 97. Op. 1. D. 17. L. 34v.

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Л.И. Демина, Е.Н. Евсеева

РУССКИЕ ИСТОРИКИ-ЭМИГРАНТЫ В ПРАГЕ: К ИЗУЧЕНИЮ ИХ ЖИЗНИ И НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

Научная эмиграция 1920–1940-х гг. в последнее 20-летие стала предметом пристального внимания отечественных исследователей. Среди множества центров эмиграции ученых-историков выделяется Прага. И это естественно: правительство Чехословакии создавало условия не только для материального выживания ученых, вынужденно покинувших Россию, но и для продолжения их педагогической и научной работы. Не случайно именно в Праге был создан уникальный, и по составу документов, и по их судьбе, «архив в изгнании» – Русский заграничный исторический архив¹.

Поэтому каждая новая работа – статья, очерк, сборник статей или документов, монография, – посвященная судьбам русских историков, нашедших приют в Праге и продолживших там свою деятельность, закономерно вызывает большой интерес специалистов и по истории Русского зарубежья, и по истории чешско-русских научных и культурных связей, и по истории отечественной исторической науки.

Естественно, обратила на себя внимание и вызвала интерес монография молодого саратовского историка, доцента Саратовского государственного технического университета М.В. Ковалева «Русские историки-эмигранты в Праге (1920 – 1940 гг.)», выпущенная издательством этого университета в 2012 г. (научный редактор – профессор И.Р. Плева)².

* * *

Книга удачно сочетает в себе широту охвата сюжетов из жизни и творчества ученых-историков и стремление к глубокому раскрытию и осмыслению этих сюжетов. Очевидно, что в целом книга представляет собой историографическое явление: она обобщает накопленный опыт последних лет по изучению пражской школы русских историков-эмигрантов и намечает новые направления ее исследования. Эта богатая идеями и материалами работа побуждает к дальнейшим размышлениям над судьбами историков-эмигрантов и их вкладом в русскую и зарубежную историческую науку.

Существенным отличием от предыдущих работ, вообще большим достоинством книги является использование многочисленных материалов архивов России, Чехии, Эстонии. Хорошо изученные источники удачно дополняются впервые введенными в научный оборот, в том числе на чешском и других европейских языках. Вместе с тем, что также является большим достоинством книги, в ней широко использован фактический

материал, почерпнутый из работ современных чешских историков.

Отмечая очевидную трудоспособность и широту интересов автора, его увлеченность избранной темой, его заинтересованность в ее дальнейшем изучении и поиске новых материалов, рассмотрим, в какой степени его монография, как заявлено в аннотации, является «первой попыткой историко-антропологического изучения» жизни и деятельности историков-эмигрантов в Праге в течение двух десятилетий между мировыми войнами.

Взяв на вооружение исследовательские подходы и концепции Т. Куна, П. Фейерабенда, Б. Латюра, Д. Блура, С. Шейпина, а также А. Шютца, М.В. Ковалев уверенно сообщает читателям, что использованные им «методологические подходы дали возможность впервые в рамках исторического исследования и при помощи исторических методов проанализировать особенности внутренней жизни локального научного сообщества» (с. 26) и что «выносимая на суд читателей книга является первой попыткой комплексно изучить повседневное измерение эмигрантской науки» (с. 26).

В сконструированную им «комплексность» автор включил «изучение повседневной организации науки и жизненных практик ученых-историков, научной конкуренции и академических конфликтов, проблем власти и подчинения в науке, быта и культуры научных учреждений, коллективных и индивидуальных представлений ученых об окружающем мире, традиций и привычек ученого сообщества, внешних и внутренних регуляторов развития научного знания» (с. 26).

В свою очередь, совокупность методологических подходов и вышеизложенной «комплексности» дала автору основание отнести свою книгу к направлению, которое «принято называть социальной историей науки» (с. 24).

Возможно, заметим попутно, в этом тоже есть что-то новаторское: когда автор исторического сочинения с первых страниц ничтоже сумняшеся стремится «застолбить» место своего труда в историографии. И свое собственное заодно. Вообще, у некоторых представителей «новой волны» российской исторической науки, особенно у тех, кто претендует на ликвидацию «белых пятен» в истории антибольшевистской России, это «родимое пятно» проступает все явственнее.

Однако при первом знакомстве с содержанием книги становится очевидным, что М.В. Ковалев пошел по уже проторенному пути, использовал готовый «сценарий», предложенный целой плеядой историков, изучавших Русское зарубежье до него, а он прежде всего преумножает введенный в научный оборот фактический материал, обобщает и расширяет накопленный предшественниками опыт. Что само по себе, вообще-то, достойно одобрения. При том, однако, условии, что исследователь (даже самоуверенно заявивший о своем труде как о «первой попытке») основательно «проработал» труды своих предшественников, отнесся к ним с должным вниманием и уважением, то есть профессионально.

Сразу отметим, что М.В. Ковалеву не удалось выстроить единую концепцию и соответствующую ей композицию книги: все разделы носят очерковый характер, и в целом книга, по большому счету, так и осталась сборником очерков. Возможно, сыграл свою роль слишком широкий охват сюжетов монографии – от бытовых и финансовых условий жизни эмигрантов, личных взаимоотношений историков, организации научных учреждений до развития исторической мысли: эти разнородные сюжеты оказались не лучшим образом увязаны, «состыкованы» между собой. А возможно, такая очерковая композиция книги стала следствием поспешности (вполне объяснимой и понятной по нынешним временам) автора, стремления побыстрее «сделать» монографию из кандидатской диссертации и двух десятков уже опубликованных статей, написанных автором на вышеперечисленные сюжеты.

Ну, в конце концов, обо всем этом будет судить читатель.

* * *

Глава 1-я – «Русские ученые и чешское культурное окружение» – включает в себя шесть разделов, в которых освещаются шесть аспектов из жизни русских эмигрантов в Праге. Традиционно для таких исследований автором рассматриваются проблемы адаптации эмигрантов на чужбине.

В первом разделе – «Историки-эмигранты и “Русская акция” чехословацкого правительства» – рассматривается, каким путем прибыли эмигранты в Прагу, их материальные условия жизни на чужбине. Автор останавливается на помощи молодой Чехословацкой республики ученым-эмигрантам, на так называемой Русской акции. Важным является освещение роли президента Чехословакии Т. Масарика, а также чехословацкой общественности, в частности семьи К. Крамаржа, первого премьер-министра страны, в организации помощи русским эмигрантам.

Тщательно подсчитано количество прибывших историков, названы их имена. Работой в чехословацких учреждениях могли быть обеспечены лишь отдельные профессора-историки, такие как А.Ф. Францев, занимавшийся историей чешско-русских связей, академик Н.П. Кондаков и историк-славист Н.В. Ястребов. Автор приводит примеры пособий, выделенных в 1920-е гг. для разных категорий деятелей исторической науки. Что касается 1930-х гг., то нельзя не согласиться с выводами М.В. Ковалева о том, что «гуманитарная программа чехословацкого правительства была изначально запланирована на непродолжительный срок» (с. 56). И этому были объективные причины: наступающий мировой экономический кризис, сокращение числа русских ученых-эмигрантов, изменение картины международных отношений.

С другой стороны, этот раздел 1-й главы, думается, мог бы быть более содержательным и основательным, если бы автор для расширения своих познаний о материальных условиях жизни русских эмигрантов в Чехословакии, о финансовой помощи правительства Чехословакии

русским эмигрантским организациям и, в частности, о «Русской акции» обратился к монографии С.С. Ипполитова³ и статье О.В. Будницкого (номер журнала «Родина», где она опубликована, вышел в свет за восемь месяцев до подписания книги в печать; как это обычно случается с работами О.В. Будницкого, статья сразу вызвала немалый резонанс)⁴.

Следующий раздел 1-й главы – «Образы Праги в сознании российской интеллигенции» – представляется нам не совсем удачным. Беда в том, что здесь автор приводит впечатления, почерпнутые из писем и дневников не ученых-историков, а литераторов – Е.И. Замятина, М.И. Цветаевой, И.Г. Эренбурга, А.Т. Аверченко, В.Ф. Ходасевича и других. В качестве фона этот сюжет – о «пражском городском пространстве», – занявший в книге 16 страниц, может быть, сам по себе и интересен, но он слишком «размыт» и подменить собой представления самих историков не в состоянии: все же восприятие «городского пространства» историками и литераторами – вещи разные. Да к тому же автору явно не хватило главного, что требовалось для полнокровного раскрытия «образов» Праги с помощью русских литераторов: хотя бы какого-то владения методами литературоведческого анализа.

Но если уж автор пошел по этому пути – следовало, конечно, «использовать» и автобиографический роман бывшего студента-эмигранта, талантливого писателя Георгия Федорова «Прага Золотая»⁵.

До 1917 г. Георгий Федоров учился на Юридическом факультете С.-Петербургского университета. Во время Гражданской войны служил рядовым в батарее одной из артиллерийских бригад Добровольческой армии. В ноябре 1920 г. с остатками Русской армии генерала П.Н. Врангеля эвакуировался из Крыма в Турцию. В сентябре 1921 г. вместе с другими недоучившимися студентами из числа военнослужащих армии Врангеля он был перевезен в Чехословакию для завершения учебы. В середине 1920-х гг. он возвратился в СССР⁶.

Увы, ныне Георгий Федоров, этот писатель-самородок, незаслуженно забыт (если не считать переиздания в мемуарной серии «Белое движение» его первого автобиографического произведения – «Путешествие без сантиментов (Крым, Галлиполи, Стамбул): Воспоминания беженца»⁷).

В романе «Прага Золотая» Георгий Федоров ярко описал быт и нравы как русских студентов, так и их профессоров, взаимоотношения и настроения, царившие в этой среде. Раскрытие во всех тонкостях восприятия Праги и пражан русскими эмигрантами, как и восприятие русских эмигрантов чехами – одна из наиболее сильных сторон романа.

Чтобы не показаться голословными, приведем два небольших отрывка.

«Яркая, лунная ночь. Артистка русского “Швандова дивадла” <...> Нагорская сидит в парке, на узенькой скамейке, почти над самым обрывом и любуется с высоты Градчан ночной Прагой, мерцающей там внизу, где-то под ногами, мириадами огненных глаз. Она сидит неподвижная, зачарованная прелестной ночной панорамой города, и ей начинает

казаться, что она уже больше не сидит на скамейке в парке, но парит, словно птица, высоко в воздухе, и все ей доступно, и для нее уже не существует больше границ и расстояния. На Карловом мосту то вспыхивают, то гаснут разноцветные огни, и доносится чуть слышное жужжание и визг колес трамвая на поворотах. Потом снова делается тихо и все погружается во тьму. И кажется в те минуты Нагорской, что там, внизу, на мосту, бегут не трамваи, исчезая в сумерках ночи, а бродят души таборитов, погибших когда-то на нем в жестоком бою за свободу религиозной совести. Вот под мостом проходит, свистя и шипя, буксир. Каким крохотным, игрушечным кажется он с высоты обрыва... Заволновалась Влтава, собрались складки на воде, рассердилась проснувшаяся, растревоженная река. Нагорская напряженно следит за красным удаляющимся бликом на корме, и ее охватывает острый приступ тоски»⁸.

«Было ровно 5 часов вечера, когда Виктор подошел к памятнику Вацлава. Он обошел кругом величественную фигуру на коне <...> вынул сигаретку, закурил и, усевшись на тумбу, стал задумчиво глядеть на Вацлавскую площадь. Мимо проходили люди, мелькали трамваи, авто, велосипеды, коляски, omnibusы, звенели бесчисленные звонки, гудели всех видов рожки, шелкали бичи извозчиков, свистели, кричали люди, но он до такой степени погрузился в свои мысли, что не замечал окружающей его жизни и суеты большого города. <...> Он думал о России, о своем далеком и милом Питере, где жили родные, друзья. Большая площадь Вацлава невольно напомнила ему его родной город, заставив мысленно перенестись на отдаленную родину, под сень родимого очага»⁹.

* * *

В следующем, третьем, разделе книги М.В. Ковалев убедительно, впервые на основе исследований чешских ученых последних лет, документов Архива г. Праги, Архива РАН и ГА РФ, рассказал читателям о стесненности жилищно-бытовых условий ученых-эмигрантов, их стремлении справиться с этими трудностями путем создания многочисленных кооперативных обществ и жилищных товариществ.

Хорошо известно, что камнем преткновения для ассимиляции в чешскую научную жизнь был языковой барьер, так как, справедливо отметил автор в четвертом разделе главы, «большая часть русских овладела чешским лишь на уровне бытового общения в процессе ежедневных контактов» (с. 93). Вместе с тем, по убеждению автора, «русские считали свое пребывание в Чехословакии лишь временным и не стремились стать частью чешского общества. Это в полной мере касалось ученых, которые не торопились интегрироваться в местную научную среду. Но по мере таяния надежд на возвращение в Россию, вопрос о приспособлении к новой культурной среде становился все более острым. Языковой барьер был одной из причин того, что у блестящих русских интеллектуалов в Праге практически не было чешских последователей.

Он приводил к определенной культурной изоляции» (с. 95). С другой стороны, подчеркивается, что многие русские историки печатали в чешской научной периодике свои статьи, а профессора Н.П. Кондаков и В.А. Францев – соответственно на французском и на чешском языках – читали лекции чешским студентам в Карловом университете.

Тема эта отчасти продолжена в пятом разделе, посвященном поиску взаимодействия, сотрудничеству русских историков-эмигрантов с чешскими коллегами. Еще раз описываются покровительство Т. Масарика русским научным учреждениям, усилия по выделению им денежных средств на возобновление лекционной работы, на публикацию научных трудов, на научные командировки, архивные и полевые исследования, на подготовку новых кадров ученых, на участие в научных чешских проектах. Хорошо показана совместная работа над научными проектами чешских ученых – Л. Нидерле, Я. Славика – с русскими учеными.

Последний, шестой, раздел 1-й главы – «Проблемы адаптации русских ученых», – повествующий о быте и трудностях адаптации русских ученых, опять-таки не совсем удачен. И все по той же причине: он основывается на свидетельствах эмигрантов, не являвшихся историками, – Д.И. Мейснера, Н.С. Арсеньева, В.Ф. Ходасевича и других.

При подборе и освещении этих моментов «эмигрантского существования» очевидны как определенная тенденциозность автора, по каким-то причинам увлекшегося негативными примерами из жизни эмигрантов, так и не слишком глубокий источниковедческий анализ использованной им мемуарной литературы (той, что была написана специально для издания в СССР). Интеллектуальный социум ученых в Праге отражен им в «кривом зеркале» склок, конфликтов, споров, выяснения отношений.

Все это, конечно, было. Но, перефразируя известную фразу А.И. Деникина – «Был подвиг, была и грязь», – скажем так: была «бытовая» грязь, но был и научный, и человеческий подвиг. Как видно из писем таких историков, как Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, П.Н. Милоков и других, многих из них связывала нежнейшая дружба и уважительное отношение друг к другу.

Вообще, историку, когда он берется за изучение судеб ученых, за выяснение подробностей их жизни в различных, подчас трагических, обстоятельствах изгнания, за анализ и оценку их эмигрантского творческого наследия, особенно требуются чувство меры и такт. Да и просто зрелость, личностная и профессиональная.

В этой связи уместно сказать еще раз: зачастую многие сюжеты в книге М.В. Ковалева строятся на примерах из жизни литераторов и людей искусства, но никак не историков. Особенно это касается вопросов адаптации и менталитета эмигрантов, их представлений о стране, приютившей их, и ее народе. Такая «натяжка», возможно, вызвана стремлением автора сюжетно обогатить книгу, а заодно и «подкачать» ее объем. Стремление понятное. Однако подобное самонадеянное вторжение

в «иное измерение» чревато большой вероятностью попасть в неловкое положение. Что, похоже, и произошло. Во всяком случае, ни, повторимся, хотя бы какого-то владения автором «технологией» литературоведческого анализа, ни хотя бы самого поверхностного знакомства с трудами известных отечественных специалистов по эмигрантской русской литературе по тексту не чувствуется.

Об этом остается только пожалеть.

Вдумчивое обращение к трудам литературоведов, серьезный «обмен опытом» с ними, а затем и попытка самостоятельно погрузиться в «смысловые глубины» художественного текста – все это позволило бы вывести изучение «пражского городского пространства» жизни и творчества русских историков-эмигрантов на действительно новый уровень.

Опять же чтобы не показаться голословными, укажем, к примеру, на одну из работ известного специалиста по эмигрантской литературе Д.Д. Николаева¹⁰. Помимо прочего, в ней рассказывается о сотрудничестве историков в периодических изданиях русской Праги, в частности – о статьях А.А. Кизеветтера, опубликованных в газете «Огни».

* * *

Глава 2-я – «Историческая наука в контексте организации и институционализации научного быта» – посвящена вопросам организации науки. По композиции она повторяет монографию В.Т. Пашуто¹¹, но в то же время история каждого научного объединения исследована более глубоко за счет привлечения неизвестных ранее архивных документов и материала, содержащегося в работах современных чешских ученых (еще раз подчеркнем это несомненное достоинство книги).

В первом разделе главы М.В. Ковалев особо останавливается на истории создания и деятельности Русской академической группы, функции которой заключались в проведении научной аттестации – присвоении ученых званий и степеней эмигрантским исследователям, на создании Союза Русских академических организаций и проведении пяти съездов этого Союза. Автор приводит крайне интересную отчетную документацию за 1922–1930 гг. по защите магистерских и докторских диссертаций. Защита диссертаций проходила на основе правил, существовавших в русских университетах до 1917 г.

Следующий раздел главы посвящен деятельности Семинария (Института) имени академика Н.П. Кондакова. Благодаря привлечению новых материалов и современных исследований, автору удалось показать, что судьба Семинария по изучению истории византийского искусства, зарегистрированного как Археологический институт имени Н.П. Кондакова, складывалась непросто. Особенно интересны приведенные факты, говорящие о том, как ради преодоления финансовых трудностей руководители института вели переговоры с Н.К. Рерихом, а после Второй

мировой войны вступили в контакт с руководством Академии Наук СССР, конкретно – академиком В.П. Волгиным. Однако эти переговоры по разным причинам, о которых повествуется в книге, не были завершены.

Наиболее ценным разделом книги М.В. Ковалева является обстоятельно, в деталях, хотя и не до конца, изученная судьба Русского исторического общества в Праге. В центре внимания автора оказались вопросы создания и деятельности Общества, его финансирования, издательской активности, разработки плана по выпуску журнала и другие.

На наш взгляд, освещая эти сюжеты, автору следовало бы обратиться к деятельности Е.Ф. Шмурло и к документальным материалам его личного архива. В 1899 г. он был одним из учредителей Исторического общества при С.-Петербургском университете, в которое входили Н.И. Кареев, С.Ф. Платонов, Г.В. Форстен и другие. По подобию этого Общества и по инициативе Е.Ф. Шмурло и возникло Русское историческое общество в Праге, но уже в более крупном масштабе. В фонде Е.Ф. Шмурло в ГА РФ сохранились письма А.А. Кизеветтера за 1929–1932 гг., в которых последний тщательнейшим образом информирует председателя Русского исторического общества в Праге Е.Ф. Шмурло о финансовом положении Общества, о выпуске Обществом своих «Записок» и по другим вопросам.

Об этом, кстати, М.В. Ковалев мог узнать как из межархивного путеводителя «Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге»¹² (который, кажется, должен быть ему хорошо известен), так и из очерка (похоже, совершенно ему не известного) одной из авторов настоящего отзыва, включенного в коллективную монографию «Русские без Отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20 – 40-х годов», изданную в РГГУ еще в 2000 г.¹³

Далее во 2-й главе получили освещение создание и деятельность других научно-учебных организаций русских эмигрантов. Среди них – Русский институт и Институт изучения России в Праге, Русский юридический факультет в Праге, Русский народный (свободный) университет. Рассмотрена также работа русских историков в эмигрантских высших учебных заведениях. Интересны приведенные автором примеры лекций, которые читались историками, равно как и сведения о семинарах (например, Г.В. Вернадского и П.Б. Струве) на Юридическом факультете. На принципах автономии и для широких масс был открыт Русский народный (свободный) университет, который с 1940 г., в силу суровых военно-политических обстоятельств, поглощал один за другим эмигрантские высшие учебные заведения.

Русский зарубежный исторический архив в Праге всегда привлекал внимание исследователей антибольшевистской эмиграции. Не обошел его и М.В. Ковалев: он обобщает исследовательскую литературу, в том числе работы чешских ученых по его истории, приводит новые факты передачи послевоенными властями Чехословакии документальных коллекций архива советской стороне в 1945 г.

И, наконец, последний, девятый, раздел 2-й главы – совсем

маленький, в три страницы, – посвящен неформальным интеллигентским объединениям, существовавшим в форме кружков. К ним автор отнес различные семинары и «збраславские пятницы».

* * *

Глава 3-я – «Метаморфозы исторической памяти» – представляется нам оригинальной по замыслу, но эклектичной: автор включил в нее и попытался объединить довольно разнородные сюжеты – от исторических праздников и евразийцев до развития русской исторической мысли в эмиграции. Объединение получилось чисто внешним, формальным.

Первый раздел – «Память о прошлом как часть научного быта» – содержит анализ трудов современных российских и зарубежных историков о феномене коллективной памяти. Автор справедливо отметил то, что не раз уже отмечалось его предшественниками и является очевидным: «изгнание актуализировало споры об исторических путях России и порождало новые формы памяти о прошлом» (с. 236).

Второй раздел назван «Евразийский вызов». Тема эта хорошо изучена историками, накоплен огромный пласт литературы, не до конца, кстати, охваченный и проанализированный в книге. Автор попытался найти свой угол зрения на это течение общественно-исторической мысли.

Во-первых, он подчеркивает «неустойчивость состава» сторонников евразийства, выделяя в качестве ключевых фигур только П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского, при этом «оставив за бортом» взгляды А.В. Карташова, П.М. Бицилли и Г.В. Флоровского. Попутно он поспорил с М.Г. Вандалковской о целесообразности включения в этот состав С.Г. Пушкирева, М.В. Шахматова и Н.С. Трубецкого¹⁴ (все же «поспорил» – несколько громко сказано: критика в адрес М.Г. Вандалковской больше смахивает на петушиный наскок).

Во-вторых, автор доказывает – хотя с этим никто и не спорит, – что евразийство было также и общественно-политическим движением. По его мнению, «евразийцы старались самыми неожиданными способами подчеркнуть свою особость» (с. 252), из чего он выводит, что «появление евразийства воспринималось как вызов эмигрантской идентичности» (с. 254).

М.В. Ковалев приводит неудачный, на наш взгляд, пример курьезного поведения в быту примыкавшего к евразийцам Н.П. Толля (с. 252). Не путает ли он вслед за А.А. Кизеветтером евразийцев со славянофилами, противопоставляя старшее поколение историков-эмигрантов – младшему?

Безапелляционными выглядят и некоторые выводы автора относительно евразийцев. Например, такой: «Евразийцы пытались создать новую картину мира и обосновать ее своей амбициозной научной программой» (с. 257). Не вдаваясь глубоко в эту специальную проблему, отметим признаваемый всеми несомненный вклад евразийцев в историческую науку, в этнологию, лингвистику и другие науки. Тем более

что сам автор приводит в книге положительные отзывы советских ученых 1930-х гг. о работах евразийцев (с. 255).

Следующий раздел – «Исторические праздники как способ сохранения памяти о прошлом» – продолжает данную тематику, уже не раз освещенную в литературе о Русском зарубежье. На наш взгляд, автор весьма удачно подвел итоги и показал пути изучения этой проблемы. Нельзя не согласиться, что формы организации памятных церемоний в Чехии были весьма разнообразными – от Дней русской культуры, которые отмечались с 1924 г. 6 июня, в день рождения А.С. Пушкина, до различных юбилеев (200-летие Российской Академии Наук, 100-летие со дня рождения Б.Н. Чичерина, А.Н. Пыпина, Д.И. Менделеева и других). Отмечали историки-эмигранты 70-летний юбилей П.Н. Милюкова (правда, в книге не упоминается 75-летний юбилей историка и политика) и 175-летний юбилей Московского университета. В Татьянин день проводилась благотворительная акция помощи студентам. Не обошел вниманием автор юбилей, связанные с возрождением чешской государственности, – День независимости республики 28 октября. Несомненно, автор прав в своем выводе, что исторические праздники «служили мощным моральным стимулом в условиях экзистенциальной трагедии изгнания» (с. 275).

Последние два раздела 3-й главы – пятый и шестой – посвящены рассмотрению исторических взглядов историков-эмигрантов на отдельные проблемы российской истории, от крещения Руси до восстания декабристов и деятельности А.И. Герцена. Обозначена тематика исследований Е.Ф. Шмурло, М.В. Шахматова, Г.В. Вернадского, И.И. Лаппо, А.А. Кизеветтера, С.Г. Пушкарева, А.В. Флоровского, А.Н. Фатеева, В.А. Мякотина. Однако исторические сюжеты взяты автором выборочно, причем без должного обоснования этой выборочности. Кроме того, понять уровень развития исторического знания эмиграции невозможно на основе краткого историографического обзора. Следует найти какие-то другие исследовательские подходы и методологические приемы. Уже давно очевидно: невозможно выявить общую для всех историков-эмигрантов историческую концепцию развития Русского государства.

* * *

Особо следует сказать об исторической литературе, использованной М.В. Ковалевым в его книге. При ее чтении сразу бросается в глаза одно странное обстоятельство: некоторые исследования 1990 – начала 2000-х гг. автор «оставил за бортом».

О мотивах столь пренебрежительного отношения к работам своих «коллег по цеху» пусть судят читатели книги: мотивы, как и читатели, бывают разными. Мы же лишь порекомендуем молодому историку в дальнейшем обратить внимание на предисловие Т.Ф. Павловой к межархивному путеводителю «Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге»¹⁵, на статьи и очерки авторов настоящего отзыва о русских высших

учебных заведениях и русской профессуре в Праге¹⁶ и о пражской школе русских историков¹⁷, на работы известного специалиста А.В. Квакина о судьбах и общественно-политических взглядах русской интеллигенции в эмиграции¹⁸, а также на ряд других научных трудов и публикаций источников по истории Русского зарубежья.

Укажем и на то, что многие труды эмигрантов, опубликованные в 1920–1930-е гг. и использованные автором, были переизданы в постсоветской России. Традиционная научная этика требует делать ссылки на последние издания. Это касается, например, воспоминаний А.А. Кизеветтера «На рубеже двух столетий» (М., 1997), «Воспоминаний» П.Н. Милюкова (М., 2001), «Истории России 862 – 1917» Е.Ф. Шмурло (М., 1997) и других.

В заключение хочется отметить, что выход в свет монографии М.В. Ковалева – явление закономерное и, несмотря на очевидные недоработки и слабости, обнадеживающее. Оно свидетельствует об углублении интереса наших историков к проблемам русского исторического зарубежья, о еще не исчерпанных возможностях расширения источниковой базы его изучения. И поскольку последнюю точку в изучении пражской школы русских историков ставить еще рано, пожелаем и молодому исследователю, и всем нашим «коллегам по цеху» творческих удач.

Примечания

¹ Павлова Т.Ф. Предисловие // Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 5–32.

Pavlova T.F. Predislovie // Fondy Russkogo zagranichnogo istoricheskogo arkhiva v Prage: Mezharhivny putevoditel. Moscow, 1999. P. 5–32.

² Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920 – 1940 гг.): Монография. Саратов, 2012.

Kovalev M.V. Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920 – 1940 gg.): Monografiya. Saratov, 2012.

³ Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004.

Ippolitov S.S. Rossiyskaya emigratsiya i Evropa: nesostoyavshiysya alyans. Moscow, 2004.

⁴ Будницкий О.В. Русская акция и русское золото: история одного мифа // Родина. 2011. № 12. С. 112–116.

Budnitskiy O.V. Russkaya aktsiya i russkoe zoloto: istoriya odnogo mifa // Rodina. 2011. No. 12. P. 112–116.

⁵ Федоров Г. Прага Золотая. Л.; М., 1927.

Fedorov O.V. Praga Zolotaya. Leningrad; Moscow, 1927.

⁶ Карпенко С.В. Комментарии // Белое дело: Избранные произведения. В 16 кн. / Под ред. С.В. Карпенко. Кн. 13. Константинополь – Галлиполи. М., 2003. С. 458.

Karpenko S.V. Kommentarii // Beloe delo: Izbrannye proizvedeniya. In 16

v. / Ed. by S.V. Karpenko. V. 13. Konstantinopol – Gallipoli. Moscow, 2003. P. 458.

⁷ Федоров Г. Путешествие без сантиментов // Белое дело: Избранные произведения. В 16 кн. / Под ред. С.В. Карпенко. Кн. 13. Константинополь – Галлиполи. С. 173–313.

Fedorov G. Puteshestvie bez sentimentov // Beloe delo: Izbrannye proizvedeniya. In 16 v. / Ed. by S.V. Karpenko. V. 13. Konstantinopol – Gallipoli. P. 173–313.

⁸ Федоров Г. Прага Золотая. С. 20–21.

Fedorov O.V. Praga Zolotaya. P. 20–21.

⁹ Там же. С. 25–26.

Ibidem. P. 25–26.

¹⁰ Николаев Д.Д. Русская эмигрантская периодика в Чехословакии // Литература русского зарубежья: 1920 – 1940. Вып. 3. М., 2004. С. 329–427.

Nikolaev D.D. Russkaya emigrantskaya periodika v Chekhoslovakii // Literatura russkogo zarubezhya: 1920 – 1940. Vol. 3. Moscow, 2004. P. 329–427.

¹¹ Паушто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

Pashuto V.T. Russkie istoriki-emigranty v Evrope. Moscow, 1992.

¹² Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 399–400.

Fondy Russkogo zagranichnogo istoricheskogo arkhiva v Prage: Mezharhivny putevoditel. Moscow, 1999. P. 399–400.

¹³ Демина Л.И. Историки и футурологи // Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20 – 40-х годов. М., 2000. С. 380–397.

Demina L.I. Istoriki i futurologi // Russkie bez Otechestva: Ocherki antibolshevistskoy emigratsii 20 – 40-kh godov. Moscow, 2000. P. 380–397.

¹⁴ Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997.

Vandalkovskaya M.G. Istoricheskaya nauka rossiyskoy emigratsii: «evraziyskiy soblazn». Moscow, 1997.

¹⁵ Павлова Т.Ф. Предисловие // Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. С. 5–32.

Pavlova T.F. Predislovie // Fondy Russkogo zagranichnogo istoricheskogo arkhiva v Prage: Mezharhivny putevoditel. P. 5–32.

¹⁶ Демина Л.И. Судьбы историков российского зарубежья в 20 – 30-е годы // Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 300–320; Демина Л.И. Историки и футурологи // Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20 – 40-х годов. М., 2000. С. 380–397; Демина Л.И. А.А. Кизеветтер в Праге (1923 – 1933): страницы жизни // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. М., 2001. С. 131–138.

Demina L.I. Sudby istorikov rossiyskogo zarubezhya v 20 – 30-e gody // Rossiya v izgnanii: Sudby rossiyskikh emigrantov za rubezhom. Moscow,

1999. P. 300–320; *Demina L.I. Istoriki i futurologi // Russkie bez Otechestva: Ocherki antibolshevistskoy emigratsii 20 – 40-kh godov. Moscow, 2000. P. 380–397; Demina L.I. A.A. Kizevetter v Prage (1923 – 1933): stranitsy zhizni // Rossiyskaya intelligentsiya na rodine i v zarubezhe. Moscow, 2001. P. 131–138.*

¹⁷ Евсеева Е.Н. Профессора и студенты // Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20 – 40-х годов. М., 2000. С. 262–274, 280–333; *Евсеева Е.Н. Туман над Прагой Золотой // Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004. С. 186–210; Евсеева Е.Н. Русский народный университет в Праге (1923 – 1933) // Новый исторический вестник. 2001. № 3. С. 208–212.*

Evseeva E.N. Professora i studenty // Russkie bez Otechestva: Ocherki antibolshevistskoy emigratsii 20 – 40-kh godov. Moscow, 2000. P. 262–274, 280–333; Evseeva E.N. Tuman nad Pragoy Zolotoy // Mezhdru Rossiey i Stalinym: Rossiyskaya emigratsiya i Vtoraya mirovaya voyna. Moscow, 2004. P. 186–210; Evseeva E.N. Russkiy narodnyy universitet v Prage (1923 – 1933) // Novyy istoricheskiy vestnik. 2001. No. 3. P. 208–212.

¹⁸ Квакин А.В. Между белыми и красными: Российская интеллигенция 1920 – 1930 годов в поисках Третьего Пути. М., 2006.

Kvakina A.V. Mezhdru belymi i krasnymi: Rossiyskaya intelligentsiya 1920 – 1930 godov v poiskakh Tretego Puti. Moscow, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ, АВТОРЫ, АННОТАЦИИ

Статьи

Тепкеев В.Т. «От него, крымского хана, правды и постоянства нет»:

набеги калмыцких отрядов на Крым во время Русско-польской войны 1654 – 1667 гг. 9

Тепкеев Владимир Толтаевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

tvt75@mail.ru

В статье на основе архивных документов впервые рассматривается малоизвестная страница истории калмыцкого народа в период становления его государственности: участие калмыков в Русско-польской войне 1654–1667 гг. Главное внимание уделяется заключению договоренностей между правителями калмыков и российским правительством (1655, 1657 и 1661 гг.), на основании которых калмыцкая конница развернула активные боевые действия против Крымского ханства. Делается вывод, что набеги калмыцких конных отрядов на Крым существенно ослабили активность войск Крымского ханства на Украине и тем облегчили положение русско-украинских армий.

Московское государство, XVII в., Русско-польская война 1654 – 1667 гг., Крымское ханство, Калмыцкое ханство, калмыки, крымские татары, ногайцы

Токарева С.Н. Полицейские и поднадзорные: российское законодательство и практика полицейского надзора в Курской губернии (конец XIX – начало XX вв.) 28

Токарева Светлана Николаевна – канд. ист. наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета

tokareva_sn@mail.ru

В статье на основе анализа нормативно-правовой базы и архивных документов исследован полицейский надзор как инструмент контроля власти над российским обществом в конце XIX – начале XX вв. Главное внимание уделяется практическому осуществлению общеимперских норм

права в Курской губернии, которая была одним из регионов Европейской России, куда высылались поднадзорные. На примере судеб российских подданных, попавших под полицейский надзор, раскрывается механизм его применения, а также пробелы в законодательстве и слабости этого механизма. Делается вывод, что разветвленная система полицейского надзора в Российской империи применялась не столько в карательных целях, сколько в целях предупреждения политических преступлений.

Российская империя, законодательство, Министерство внутренних дел (МВД), Департамент полиции МВД, Курская губерния, общая полиция, тайная политическая полиция, полицейский надзор, полицейские, поднадзорные

Сивцева С.И. «Теперь неслыханное в века тяжелое время наступило»:

демографические последствия коллективизации и Великой Отечественной войны в Якутской АССР (1928 – 1945 гг.) 56

Сивцева Саассылана Иннокентьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры культурологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова

sivlana@list.ru

В статье на основе архивных документов рассматриваются социально-экономическое положение сельского населения и демографическая ситуация в Якутии накануне и в годы Великой Отечественной войны. Основное внимание уделяется проведению и результатам сплошной коллективизации и связанного с ней нового расселения (поселкования). Анализируются демографические последствия коллективизации, поселкования и войны для якутян. Делается вывод, что суровые условия Севера усугубили социально-экономические и демографические последствия коллективизации, поселкования и войны, что привело к чрезвычайно высокой смертности сельского населения Якутии.

Якутия, Великая Отечественная война, коллективизация, новое расселение (поселкование), сельское население, демография, голод, смертность

Антибольшевистская Россия

Черниченко М.Ю. «Спекуляция празднует свою вакханалию»: образы

спекуляции и спекулянта в периодической печати Белого юга России (1919 г.) 70

Черниченко Марина Юрьевна – директор Музея истории медицины Первого МГМУ им. И.М. Сеченова
cher_@inbox.ru

В статье анализируются материалы на экономическую тематику, опубликованные в ведущих газетах, выходивших на территории Белого юга России в 1919 г. Главное внимание уделяется анализу образов спекуляции как экономического явления и спекулянтов, которые создавали в своих публикациях журналисты и экономисты. Рассматривается взаимовоздействие этих образов и общественных настроений. Делается вывод, что авторы статей о спекуляции разжигали общественное недовольство спекулянтами вообще и направляли его против торговцев, чтобы отвести общественное внимание от одной из первопричин спекуляции – экономической политики правительства А.И. Деникина и казачьего правительства Области войска Донского.

Гражданская война в России, Белое движение, А.И. Деникин, правительство А.И. Деникина, Область войска Донского, экономическая политика, товарно-денежное обращение, спекуляция, спекулянт, периодическая печать, экономическая публицистика, публицистический образ

События и судьбы

Сенин А.С. Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в Первую мировую войну 88

Сенин Александр Сергеевич – докт. ист. наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института РГГУ
as_senin@mail.ru

В статье рассматривается жизненный путь генерала С.А. Ронжина (1869 – 1929) в связи с историей русской армии и железнодорожного транспорта России накануне и в годы Первой мировой войны. Основное внимание уделено анализу уровня развития российских железных дорог, управлению железными дорогами в годы войны, их роли в перевозке и снабжении войск. Работа железных дорог анализируются как один из факторов, решающим образом повлиявший на ход и итоги военных

действий на Восточном фронте. Анализируется также неопубликованный очерк С.А. Ронжина «Железные дороги в военное время (по опыту минувшей войны)», который впервые публикуется в России в качестве приложения к статье.

С.А. Ронжин, Первая мировая война, Восточный фронт Первой мировой войны, русская армия, железнодорожный транспорт, управление железными дорогами, военные перевозки, военное снабжение

Грищенко А.Н. Григорий Маслаков: от конармейского комбрига до повстанческого командира 125

Грищенко Алексей Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и социальных технологий Новочеркасской государственной мелиоративной академии
grichenko1981@rambler.ru

В статье на основе архивных документов рассматриваются жизненный путь и боевая деятельность Г.С. Маслакова (1877 – 1921), одного из командиров частей 1-й Конной армии в годы Гражданской войны. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам его биографии, выяснению места и времени его гибели. Также рассматриваются причины, которые толкнули его на конфликт с командующим 1-й Конной армии С.М. Буденным, на военный мятеж и вооруженную борьбу против власти большевиков. Делается вывод, что Г.С. Маслаков являлся типичным представителем плеяды красных «командиров из народа», выдвинувшихся в период Гражданской войны, но выступивших против большевистской политики «военного коммунизма».

Г.С. Маслаков, Гражданская война в России, Донская область, 1-я Конная армия, «военный коммунизм», крестьянское повстанческое движение, Советско-польская война, Б.М. Думенко, С.М. Буденный

У книжной полки

Демина Л.И., Евсева Е.Н. Русские историки-эмигранты в Праге: к изучению их жизни и научного творчества 139

Евсева Елена Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры региональной истории и краеведения Историко-архивного института РГГУ
hel1952@mail.ru

Демина Людмила Ивановна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России средневековья и раннего нового времени Историко-

В статье в контексте современной отечественной историографии Русского зарубежья анализируется монография М.В. Ковалева «Русские историки-эмигранты в Праге (1920 – 1940 гг.)» (Саратов, 2012). Отмечается, что монография основана на ранее неизвестных архивных документах, а также обширных материалах, введенных в научный оборот чешскими историками. Показывается, что автор монографии глубоко проанализировал многие вопросы жизни и научного творчества русских историков, которые жили в Праге до Второй мировой войны. Отмечаются как очевидные достоинства монографии, так и некоторые недостатки. Делается вывод, что М.В. Ковалев удачно обобщил накопленный опыт последних лет по изучению пражской школы русских историков-эмигрантов и наметил новые направления ее исследования.

М.В. Ковалев, историография, русская эмиграция, Чехословакия, Прага, русские историки, русские высшие учебные заведения, историческая наука, пражская школа русских историков-эмигрантов

CONTENTS, AUTHORS, ABSTRACTS

Articles

- V. Tepkeev** “No Truth or Loyalty from Him, the Crimean Khan”: Raids of the Kalmyks’ Detachments to the Crimea during the Russian-Polish War of 1654 – 1667 9

Vladimir T. Tepkeev – Candidate of History, Senior Staff Scientist, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of Russian Academy of Sciences
tvt75@mail.ru

Based on archival documents the article is the first study of the obscure page in the history of the Kalmyk people during the period of the emergence of its statehood: the Kalmyks’ participation in the Russian-Polish war of 1654–1667. The main attention is paid to the conclusion of agreements between the Kalmyk rulers and the Russian government in 1655, 1657 and 1661 due to which the Kalmyk cavalry actively got engaged in fighting against the Crimean Khanate. It is concluded that the Kalmyk cavalry raids to the Crimea weakened the Crimean Khanate’s combat activities in Ukraine, thus alleviating the situation of the Russian-Ukrainian armies.

Muscovy, XVII century, Russian-Polish War of 1654 – 1667, Crimean Khanate, Kalmyk Khanate, Kalmyks, Crimean Tatars, Nogais

- S. Tokareva** The Policemen and the Supervised: Russian Legislation and Police Surveillance Activities in the Kursk Region (late XIX – early XX centuries) 28

Svetlana N. Tokareva – Candidate of History, Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Kursk State University
tokareva_sn@mail.ru

The article based on legal and archival documents studies the police surveillance activities as an instrument of control of Russia’s state over the society in late XIX early XX centuries. It focuses on the practical enforcement of the Empire’s laws in the Kursk Province, one of European Russia’s regions receiving exiled convicts to be supervised. The supervision mechanism is exemplified by some life-stories of Russian citizens under police surveillance, with its weaknesses and gaps in legislation being revealed. The author arrives at the conclusion that the wide network of police surveillance in the Russian

Empire was used for the purpose of preventing political crimes rather than for punitive purposes.

Russian Empire, legislation, Ministry of Internal Affairs (MVD), Police Department of Ministry of Internal Affairs (MVD), Kursk Province, general police, secret political police, police surveillance, policemen, supervised

S. Sivtseva “Now Has Come a Hard Time Unheard of for Centuries On End”: The Demographic Consequences of Collectivization and the Great Patriotic War in the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic (1928 – 1945) 56

Saassylana I. Sivtseva – Candidate of History, Lecturer, Department of Culturology, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov sivlana@list.ru

The archive-based article researches the social and economic conditions of rural population and demographic situation in Yakutia on the eve of and during the Great Patriotic War (World War II). The author highlights the mass collectivization with its results and resettlement (poselkovanie) connected with it. The article covers demographic consequences for Yakuts caused by the collectivization, resettlement and the war. It is concluded that the social, economic and demographic consequences were aggravated by severe climate conditions in the North which resulted in high mortality among rural population in Yakutia.

Yakutia, Great Patriotic War (World War II), collectivization, resettlement (poselkovanie), rural population, demography, starvation, mortality

Anti-Bolshevik Russia

M. Chernichenko “Speculation Goes On a Bacchanalian Spree”: The Portrayal of Speculation and Speculator in the Periodical Press of the “White” South of Russia (1919) 70

Marina Yu. Chernichenko – Director, Museum of History of Medicine, First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov cher_@inbox.ru

The article analyses materials on economic issues published in major newspapers on the territory of Russia’s “White” South in 1919. The author focuses on the way in which speculation as an economic phenomenon and

speculators were portrayed by journalists and economists in their publications. The created images are shown in their interaction with public sentiments. It is concluded that the authors of such articles about speculation aimed to stir up public discontent with speculators in general and directed it against vendors to divert the public attention from one of the main causes of speculation, the economic policies of A.I. Denikin’s government and of the Cossack Government of the Don Cossack Oblast.

Russian Civil War, White Movement, A.I. Denikin, A.I. Denikin’s government, Don Cossack Oblast, economic policy, commodity-money circulation, speculation, speculator, periodical press, economical journalism, journalistic image

Landmarks in Human History

A. Senin General S.A. Ronzhin and his Essay about Russian Railways in the World War I 88

Alexander S. Senin – Doctor of History, Professor, Department of History of State and Public-Service Institutions of Institute for History and Archives of RSUH as_senin@mail.ru

The article covers the life of General C.A. Ronzhin (1869 – 1929) in connection with the history of Russian army and railway transport in Russia on the eve of and during World War I. Special attention is drawn to the level of development of railway transportation, railway management during the war, its role in transporting and supplying the army. The railway operation is viewed as one of the factors which had a considerable impact on the course and results of the war on the Eastern front. Also S.A. Ronzhin’s previously unpublished essay “Railways in the Wartime (From the Last War Experience)” is discussed in the article and supplemented to it.

S.A. Ronzhin, World War I, Eastern Front of World War I, Russian army, railway transport, management of railways, military transportation, military supplies

A. Grishchenko Grigoriy Maslakov: From Brigade Commander of the 1-st Cavalry Army to Rebel Commander 125

Aleksey N. Grishchenko – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of History and Social Technologies, Novocheerkassk State 159

Melioration Academy
grichenko1981@rambler.ru

Based on archival documents the article covers the life (1877 – 1921) and military activities of General G.S. Maslakov, one of the commanders in the 1-st Cavalry Army during the Civil War, with special attention being paid to some debating points in his biography, to the question about the place and time of his death. The author analyses the causes of his conflict with S.M. Budyonny, the Commander of the 1-st Cavalry Army, his military rebellion and struggle against the Bolshevik power. The author draws the conclusion that G.S. Maslakov is a typical representative of the “demotic red commanders” cohort who emerged during the Civil War and rebelled against the Bolshevik “War Communism” policy.

G.S. Maslakov, Russian Civil war, Don Cossack Oblast, 1-st Cavalry Army, “War Communism”, peasant rebel movement, Soviet-Polish War of 1920, B.M. Dumenko, S.M. Budyonny

Book Reviews

L. Dyomina, E. Evseeva Russian Emigre Historians in Prague: On Reseaching their Life and Scientific Work 139

Lyudmila I. Dyomina – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of Medieval and Early Modern History of Russia, Institute for History and Archives of RSUH
5848444@rambler.ru

Elena N. Evseeva – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of Regional History and Local History, Institute for History and Archives of RSUH
hel1952@mail.ru

The article analyses M.V. Kovalev’s monograph “Russian Emigre Historians in Prague (1920 – 1940)” (Saratov, 2012) in the context of modern Russian historiography. It is noted that the monograph is based on as yet unknown archival documents as well as on a wide range of materials launched into scientific circulation by Czech historians. It is shown that the author of the book offers a deep analysis of a number of issues concerning the life and scientific works of Russian historians who lived in Prague before World War II. Both obvious merits and some weak points are discussed in the review. The conclusion goes that M.V. Kovalev has succeeded in consolidating the research

experience accumulated recently on the Prague school of Russian émigré historians and indicated new direction of the research.

M.V. Kovalev, historiography, Russian emigration, Czechoslovakia, Prague, Russian historians, Russian higher education institutions, historical science, Prague school of Russian émigré historians

Научное издание

НОВЫЙ исторический вестник

Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 17.12.2013
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru